

Николай Михайлович Карамзин
История государства Российского. Том IX

История государства Российского – 9

Аннотация

«История Карамзина» — один из величайших памятников русской национальной культуры.

В девятом томе описывается продолжение царствования Иоанна IV Васильевича, названного Грозным, с 1560 года по 1584.

Николай Михайлович Карамзин
«История государства Российского»
Том IX

Глава I

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1560—1564 г.

Перемена в Иоанне. Клевета на Адашева и Сильвестра. Суд. Заточение Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первые казни. Война Ливонская. Великодушие Беля. Взятие Феллина. Слово Царя Казанского. Конец Ордена. Переговоры с Швециею. Война с Литвою. Второй брак Иоаннов. Взятие Полоцка. Рождение Царевича Василия. Торжество Иоанново. Смерть Царевича. Дела Крымские. Замысл Султана. Происшествия в Ливонии. Перемирие с Швециею. Злонравие супруги Иоанновой. Кончина Князя Юрия. Пострижение Иоанновой невестки и матери Князя Владимира. Кончина Макария. Сочинение Житий Святых и Степенной книги. Заведение типографии. Издание Библии в Остроге. Полоцкая Архиепископия. Белый Клобук Митрополитов. Посвящение Афанасия в Митрополиты.

Приступаем к описанию ужасной перемены в душе Царя и в судьбе Царства.

И Россияне современные и чужеземцы, бывшие тогда в Москве,

изображают сего юного, тридцатилетнего Венценосца как пример Монархов благочестивых, мудрых, ревностных к славе и счастью Государства. Так изъясняются первые: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме и в молитве уединенной, и в Совете Боярском и среди народа у него одно чувство: *да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным Помазанникам!* Суд нелицемерный, безопасность каждого и общая, целость порученных ему государств, торжество Веры, свобода Христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных *прохлад* Царских. Ласковый к Вельможам и народу — любя, награждая всех по достоинству — щедростию искореня бедность, а зло примером добра, сей *Богом урожденный* Царь желает в день Страшного Суда услышать глас Милости: *ты еси Царь правды!* и отвечать с умилением: *се аз и люди, яже дал ми еси ты!*» Не менее хвалят его и наблюдатели иноземные, Англичане, приезжавшие в Россию для торговли.

«Иоанн, — пишут они, — затмил своих предков и могуществом и добродетелию; имеет многих врагов, и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Ногаи ужасаются Русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце, и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет Боярину: *иди!* и Боярин *бежит*, изъяснит досаду Вельможе и Вельможа в отчаянии: скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока Царь не объявит ему прощения. Одним словом, нет народа в Европе, более Россиян преданного своему Государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит; не скучает делами и не веселится ни звериною ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу, и как истреблять врагов России!»

Вероятно ли, чтобы Государь любимый, обожаемый, мог с такой высоты блага, счастья, славы, низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях.

История не решит вопроса о нравственной свободе человека; но предполагая оную в суждении своем о делах и характерах, изъясняет те и другие во-первых природными свойствами людей, во-вторых обстоятельствами или впечатлениями предметов, действующих на

душу. Иоанн родился с пылкими страстями, с воображением сильным, с умом еще более острым, нежели твердым или основательным. Худое воспитание, испортив в нем естественные склонности, оставило ему способ к исправлению в одной Вере: ибо самые дерзкие развратители Царей не дерзали тогда касаться сего святого чувства. Друзья отечества и блага в обстоятельствах чрезвычайных умели ее спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу из сетей неги, и с помощью набожной, кроткой Анастасии увлекли на путь добродетели. Несчастные следствия Иоанновой болезни расстроили сей прекрасный союз, ослабили власть дружества, изготовили перемену. Государь возмужал: страсти зреют вместе с умом, и самолюбие действует еще сильнее в летах совершенных. Пусть доверенность Иоаннова к разуму бывших наставников не умалилась; но доверенность его к самому себе увеличилась: благодарный им за мудрые советы, Государь престал чувствовать необходимость в дальнейшем руководстве, и тем более чувствовал тягость принуждения, когда они, не изменяя старому обыкновению, говорили смело, решительно во всех случаях и не думали угождать его человеческой слабости. Такое прямотушие казалось ему непристойною грубостию, оскорбительною для Монарха. Например, Адашев и Сильвестр не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить неверных, злых врагов России и Христа; что Ливонцы хотя и не Греческого исповедания, однако ж Христиане и для нас не опасны; что Бог благословляет только войны справедливые, нужные для целости и свободы Государств. Двор был наполнен людьми преданными сим двум любимцам; но братья Анастасии не любили их, также и многие обыкновенные завистники, не терпящие никого выше себя. Последние не дремали, угадывали расположение Иоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестр и Лдашев суть хитрые лицемеры: проповедуя Небесную добродетель, хотят мирских выгод; стоят высоко пред троном и не дают народу видеть Царя, желая присвоить себе успехи, славу его Царствования и в то же время препятствуют сим успехам, советуя Государю быть умеренным в счастье: ибо внутренне страшатся оных, думая, что избыток славы может дать ему справедливое чувство величия, опасное для их властолюбия. Они говорили: «кто сии люди, дерзающие предписывать законы Царю великому и мудрому, не только в делах государственных, но и в домашних, семейственных, в самом образе жизни; дерзающие указывать ему, как обходиться с супругою, сколько пить и есть в меру?» ибо Сильвестр, наставник Иоанновой совести, всегда требовал от него

воздержания, умеренности в физических наслаждениях, к коим юный Монарх имел сильную склонность. Иоанн не унимал злословия, ибо уже скучал излишне строгими нравоучениями своих любимцев и хотел свободы; не мыслил оставить добродетели: желал единственно избавиться от учителей и доказать, что может без них обойтись. Бывали минуты, в которые природная его пылкость изливалась в словах нескромных, в угрозах. Пишут, что скоро по завоевании Казани он, в гневе на одного Воеводу, сказал Вельможам: «теперь уже не боюсь вас!» Но великодушие, оказанное им после болезни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цветущих лет жизни, проведенных в ревностном исполнении святых Царских обязанностей, свидетельствовали, казалось, неизменную верность в любви ко благу. Хотя Государь уже переменился в чувстве к любимцам, но не переменялся заметно в правилах. Благодетельствовало в Кремлевском дворце, усердие и смелая откровенность в Думе. Только в делах двусмысленных, где истина или добро не были очевидны, Иоанн любил противоречить советникам. Так было до весны 1560 года.

В сие время холодность Государева к Адашеву и к Сильвестру столь явно обнаружилась, что они увидели необходимость удалиться от Двора. Первый, занимав дотоле важнейшее место в Думе, и всегда употребляемый в переговорах с Европейскими Державами, хотел еще служить Царю иным способом: принял сан Воеводы и поехал в Ливонию; а Сильвестр, от чистого сердца дав Государю благословение, заключился в одном пустынном монастыре. Друзья их осиротели, неприятели восторжествовали; славили мудрость Царя и говорили: «ныне ты уже истинный Самодержец, помазанник Божий, един управляешь землею; открыл свои очи и зришь свободно на все Царство!» Но сверженные любимцы казались им еще страшными. Вопреки известной Государевой немилости, Адашева честили в войске; самые граждане Ливонские изъявляли отменное к нему уважение: все покорялось его уму и добродетели. Не менее и Сильвестр, уже Монах смиренный, блистал добродетелями Христианскими в пустыне: Иноки с удивлением видели в нем пример благочестия, любви, кротости.

Царь мог узнать о том, раскаяться, возвратить изгнанников: надлежало довершить удар и сделать Государя столь несправедливым, столь виновным против сих мужей, чтобы он уже не мог и мыслить об искреннем мире с ними. Кончина Царицы подала к тому случай.

Иоанн был растерзан горестию: все вокруг его проливали слезы, или от истинной жалости, или в угодность Царю печальному — и в сих-то слезах явилась гнусная клевета под личиною усердия, любви,

будто бы приведенной в ужас открытием неслыханного злодейства. «Государь! — сказали Иоанну: — ты в отчаянии, Россия также, а два изверга торжествуют: добродетельную Царицу извели Сильвестр и Адашев, ее враги тайные и *чародеи* : ибо они без чародейства не могли бы так долго владеть умом твоим». Представили доказательства, которые не убеждали и самых легковверных, но Государь знал, что Анастасия со времени его болезни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думал, что они также не любили ее, и принял клевету, может быть желая оправдать свою к ним немилость, если не верными уликами в их злодействе, то хотя подозрением. Сведав о сем доносе, изгнанники писали к Царю, требуя суда и очной ставки с обвинителями. Последнего не хотели враги их, представляя ему, что они как василиски ядовиты, могут одним взором снова очаровать его, и любимые народом, войском, всеми гражданами, произвести мятеж; что страх сомкнет уста доносителям. Государь велел судить обвиняемых заочно: Митрополит, Епископы, Бояре, многие иные духовные и светские чиновники собрались для того во дворце. В числе судей были и коварные Монахи, Вассиан Беский, Мисаил Сукин, главные злодеи Сильвестровы. Читали не одно, но многие обвинения, изъясняемые самим Иоанном в письме к Князю Андрею Курбскому. «Ради спасения души моей, — пишет Царь, — приблизил я к себе Иерея Сильвестра, надеясь, что он по своему сану и разуму будет мне споспешником во благе; но сей лукавый лицемер, обольстив меня сладкоречием, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять Царством без Царя, ими презираемого. Они снова вселили дух своевольтва в Бояр; раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в Думу; заняли все места своими угодниками. Я был невольником на троне. Могу ли описать претерпенное мною в сии дни унижения и стыда? Как пленника влекут Царя с горстию воинов сквозь опасную землю неприятельскую (Казанскую) и не щадят ни здоровья, ни жизни его; вымышляют детские *страшила* , чтобы привести в ужас мою душу; велят мне быть выше естества человеческого, запрещают ездить по Святым Обителям, не дозволяют карать Немцев... К сим беззакониям присоединяется измена: когда я страдал в тяжкой болезни, они, забыв верность и клятву, в упоении самовластия хотели, мимо сына моего, взять себе иного Царя, и не тронутые, не исправленные нашим великодушием, в жестокости сердец своих чем платили нам за оное? новыми оскорблениями: ненавидели, злословили Царицу Анастасию и во всем доброхотствовали Князю Владимиру Андреевичу. Итак, удивительно ли, что я решился наконец

не быть младенцем в годах мужества и свергнуть иго, возложенное на Царство лукавым Попом и неблагодарным слугою Алексием?» и проч. Заметим, что Иоанн не обвиняет их в смерти Анастасии, и тем свидетельствует нелепую ложь сего доноса. Все иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безрассудны в устах тридцатилетнего Самодержца, который признанием своей бывшей неволи открывает тайну своей жалкой слабости. Адашев и Сильвестр могли как люди ослепиться честолюбием; но Государь сим нескромным обвинением уступил им славу прекраснейшего в истории Царствования. Увидим, как он без них властвовал; и если не Иоанн, но любимцы его от 1547 до 1560 года управляли Россиею: то для счастья подданных и Царя надлежало бы сим добродетельным мужам не оставлять государственного кормила: лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вероятнее, что Иоанн, желая винить их, клеветает на самого себя; гораздо вероятнее, что он искренно любил благо, узнав его прелесть, и наконец, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, изменил правилам великодушия, сообщенным ему мудрыми наставниками: ибо легче перемениться, нежели так долго принуждать себя — и кому? Государю самовластному, который одним словом всегда мог расторгнуть сию мнимую цепь неволи. Адашев, как советник не одобряя войны Ливонской, служил Иоанну как подданный, как Министр и воин усердным орудием для успехов ее: следственно Государь *повелевал* и, вопреки его жалобам, не был рабом любимцев.

Выслушав бумагу о преступлениях Адашева и Сильвестра, некоторые из судей объявили, что сии злодеи уличены и достойны казни; другие, потупив глаза, безмолвствовали. Тут старец, Митрополит Макарий, близостию смерти и саном Первосвятительства утверждаемый в обязанности говорить истину, сказал Царю, что надобно призвать и выслушать судимых. Все добросовестные Вельможи согласились с сим мнением; но *сонм губителей*, по выражению Курбского, возопил против одного, доказывая, что люди, осуждаемые чувством Государя велемудрого, милостивого, не могут представить никакого законного оправдания; что их присутствие и козни опасны, что спокойствие Царя и отечества требует немедленного решения в сем важном деле. Итак, решили, что обвиняемые виновны. Надлежало только определить казнь, и Государь, еще желая иметь вид милосердия, умерил оную: послали Сильвестра на дикий остров Белого моря, в уединенную Обитель Соловецкую, и велели Адашеву жить в новопокоренном Феллине, коего взятию он способствовал тогда своим

умом и распоряжениями; но твердость и спокойствие сего мужа досаждали злобным гонителям: его заключили в Дерпте, где он чрез два месяца умер горячкою, к радости своих неприятелей, которые сказали Царю, что *обличенный изменник отравил себя ядом* ... Муж незабвенный в нашей Истории, краса века и человечества, по вероятному сказанию его друзей, ибо сей знаменитый временщик явился вместе с добродетелию Царя и погиб с нею... Феномен удивительный в тогдашних обстоятельствах России, изъясняемый единственно неизмеримою силою искреннего благолюбия, коего Божественное вдохновение озаряет ум естественный в самой тьме невежества, и вернее Науки, вернее ученой мудрости руководствует людей к великому. — Обязанный милости Иоанновой некоторым избытком, Адашев знал одну роскошь благодеяния: питал нищих, держал в своем доме десять прокаженных, и собственными руками обмывал их, усердно исполняя долг Христианина и всегда памятуя бедность человечества.

Отселе начало злу, и таким образом, уже не было двух главных действователей благословенного Иоаннова Царствования; но друзья их, мысли и правила оставались: надлежало, истребив Адашера, истребить и дух его, опасный для клеветников добродетели, противный самому Государю в сих новых обстоятельствах. Требовали клятвы от всех Бояр и знатных людей не держаться стороны удаленных, наказанных *изменников* и быть верными Государю. Присягнули, одни с радостью, другие с печалию, угадывая следствия, которые и открылись немедленно. Все, что прежде считалось достоинством и способом угождать Царю, сделалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Иоанну: «Всегда ли плакать тебе о супруге? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумеренностию в скорби повредить своему здравью бесценному. Бог и народ требуют, чтобы ты в земной горести искал и земного утешения». Иоанн искренно любил супругу, но имел легкость во нраве, несогласную с глубокими впечатлениями горести. Он без гнева внимал утешителям — и чрез восемь дней по кончине Анастасии Митрополит, Святители, Бояре торжественно предложили ему искать невесты: законы пристойности были тогда не строги. Раздав по церквам и для бедных несколько тысяч рублей в память усопшей, послав богатую милостыню в Иерусалим, в Грецию, Государь 18 Августа [1560 г.] объявил, что намерен жениться на сестре Короля Польского.

С сего времени умолк плач во дворце. Начали забавлять Царя, сперва беседою приятною, шутками, а скоро и светлыми пирами;

напоминали друг другу, что вино радует сердце; смеялись над старым обычаем умеренности; называли постничество лицемерием. Дворец уже казался тесным для сих шумных сборищ: юных Царевичей, брата Иоаннова Юрия и Казанского Царя Александра, перевели в особенные дома. Ежедневно вымышлялись новые потехи, игрища, на коих трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностию. Еще многие Бояре, сановники не могли вдруг перемениться в обычаях; сидели за светлую трапезою, с лицом туманным, уклонялись от чаши, не пили и вздыхали: их осмеивали, унижали: лили им вино на голову. Между новыми любимцами Государевыми отличались Боярин Алексей Басманов, сын его, Кравчий Федор, Князь Афанасий Вяземский, Василий Грязной, Малюта Скуратов-Бельский, готовые на все для удовлетворения своему честолюбию. Прежде они под личиною благонравия терялись в толпе обыкновенных Царедворцев, но тогда выступили вперед и, по симпатии зла, вкрались в душу Иоанна, приятные ему какою-то легкостию ума, искусственную веселостию, хвастливым усердием исполнять, предупреждать его волю как Божественную, без всякого соображения с иными правилами, которые обуздывают и благих Царей и благих слуг Царских, первых в их желаниях, вторых в исполнении оных. Старые друзья Иоанновы изъявляли любовь к Государю и к добродетели: новые только к Государю, и казались тем любезнее. Они сговорились с двумя или с тремя Монахами, заслужившими доверенность Иоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коим надлежало снисходительным учением ободрять робкую совесть Царя и своим присутствием как бы оправдывать бесчиние шумных пиров его. Курбский в особенности именуется здесь Чудовского Архимандрита Левкия, главного угодника придворного. Порок ведет к пороку: женолюбивый Иоанн, разгорячаемый вином, забыл целомудрие, и в ожидании новой супруги для вечной, единственной любви, искал временных предметов в удовлетворение грубым вожделениям чувственным. Мнимая, прозрачная завеса тайны не скрывает слабостей Венценосца: люди с изумлением спрашивали друг у друга, каким губительным наитием Государь, дотоле пример воздержания и чистоты душевной, мог унизиться до распутства?

Сие без сомнения великое зло произвело еще ужаснейшее. Развратники, указывая Царю на печальные лица важных Бояр, шептали: «Вот твои недоброхоты! Вопреки данной ими присяге, они живут Адашевским обычаем, сеют вредные слухи, волнуют умы, хотят прежнего своевольтва». Такие ядовитые наветы растравляли Иоанново

сердце, уже беспокойное в чувстве своих пороков; взор его мутился; из уст вырывались слова грозные. Обвиняя Бояр в злых намерениях, в вероломстве, в упорной привязанности к ненавистной памяти мнимых изменников, он решился быть строгим, и сделался мучителем, коему равного едва ли найдем в самых Тацитовых летописях!.. Не вдруг конечно рассвирепела душа, некогда благолюбивая: успехи добра и зла бывают постепенны; но Летописцы не могли проникнуть в ее внутренность; не могли видеть в ней борения совести с мятежными страстями: видели только дела ужасные, и называют тиранство Иоанново *чуждою бурей*, как бы из недр Ада посланною возмутить, истерзать Россию. Оно началось гонением всех ближних Адашева: их лишали собственности, ссылали в места дальние. Народ жалел о невинных, проклиная ласкателей, новых советников Царских; а Царь злобился и хотел мерами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именем Мария, славилась в Москве Христианскими добродетелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидит и мыслит чародейством извести Царя: ее казнили вместе с пятью сыновьями; а скоро и многих иных, обвиняемых в том же: знаменитого воинскими подвигами Окольничего, Данила Адашева, брата Алексева, с двенадцатилетним сыном — трех Сатиных, коих сестра была за Алексием, и родственника его, Ивана Шишкина, с женою и детьми. Князь Дмитрий Оболенский-Овчинин, сын Воеводы, умершего пленником в Литве, погиб за нескромное слово. Оскорбленный надменностию юного любимца Государева Федора Басманова, Князь Дмитрий сказал ему: «Мы служим Царю трудами полезными, а ты гнусными делами содомскими!» Басманов принес жалобу Иоанну, который в исступлении гнева, за обедом, вонзил несчастному Князю нож в сердце; другие пишут, что он велел задушить его. Боярин, Князь Михайло Репнин также был жертвою великодушной смелости. Видя во дворце непристойное игрище, где Царь, упоенный крепким медом, плясал с своими любимцами в масках, сей Вельможа заплакал от горести. Иоанн хотел надеть на него маску: Репнин вырвал ее, растоптал ногами и сказал: «Государю ли быть скоморохом? По крайней мере я, Боярин и Советник Думы, не могу безумствовать». Царь выгнал его и через несколько дней велел умертвить, стоящего в святом храме, на молитве; кровь сего добродетельного мужа обагрила помост церковный. Угождая несчастному расположению души Иоанновой, явились толпы доносителей. Подслушивали тихие разговоры в семействах, между друзьями; смотрели на лица, угадывали тайну мыслей, и гнусные клеветники не боялись выдумывать преступлений, ибо доносы

направились Государю и судия не требовал улик верных. Так, без вины, без суда, убили Князя Юрия Кашина, члена Думы, и брата его; Князя Дмитрия Курлятева, друга Адашевых, неволею постригли и скоро умертвили со всем семейством; первостепенного Вельможу, знатного *слугу Государева*, победителя Казанцев, Князя Михайла Воротынского, с женою, с сыном и с дочерью сослали на Белоозеро. Ужас Крымцев, Воевода, Боярин Иван Шереметев был ввержен в душную темницу, истерзан, окован тяжкими цепями. Царь пришел к нему и хладнокровно спросил: «где казна твоя? Ты слыл богачом». Государь! — отвечал полумертвый страдалец. — *Я руками нищих переслал ее к моему Христу Спасителю*. Выпущенный из темницы, он еще несколько лет присутствовал в Думе; наконец укрылся от мира в пустыне Белозерской, но не укрылся от гонения: Иоанн писал к тамошним Монахам, что они излишно честят сего бывшего Вельможу, как бы в досаду Царю. Брат его, Никита Шереметев, также Думный Советник и Воевода, израненный в битвах за отечество, был удушен.

Москва цепенела в страхе. Кровь лилася; в темницах, в монастырях стенали жертвы; но... тиранство еще созревало: настоящее ужасало будущим! Нет исправления для мучителя, всегда более и более подозрительного, более и более свирепого; кровопийство не утоляет, но усиливает жажду крови: оно делается лютейшею из страстей, неизъяснимою для ума, ибо есть безумие, казнь народов и самого тирана. — Любопытно видеть, как сей Государь, до конца жизни усердный читатель Христианского Закона, хотел соглашать его Божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, *чародеи*, враги Христа и России; то смиренно винился пред Богом и людьми, называл себя *гнусным убийцею невинных*, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением, и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители Св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным Иноком! Так писал Иоанн к Князю Андрею Курбскому и к начальникам любимых им монастырей, во свидетельство, что глас неумолимой совести тревожил мутный сон души его, готовя ее к незапному, страшному пробуждению в могиле!

Оставим до времени ужасы тиранства, чтобы следовать за течением государственных дел, в коих природный ум Иоаннов еще был виден как луч света посреди облаков темных.

Успехи наши в войне Ливонской заключились ударом сильным, решительным. Государь (в 1560 году) послал в Дерпт еще новую рать,

60000 конницы и пехоты, 40 осадных пушек и 50 полевых, с знатнейшими Воеводами, Князьями Иваном Мстиславским и Петром Шуйским, чтобы непременно взять Феллин, главную защиту Ливонии, где заключился бывший Магистр Фирстенберг. Полки Московские шли медленно берегом реки Эмбаха; тяжелый снаряд огнестрельный везли на судах; а Воевода Князь Барбашин с 12000 легких всадников спешил занять дорогу к морю: ибо носился слух, что Фирстенберг отправляет для безопасности богатую казну в Габзаль. Утомив коней, Барбашин отдыхал верстах в пяти от Эрмиса, и в жаркий полдень, когда воины его спали в тени, сделалась тревога: 500 Немецких всадников и столько же пехоты, под начальством храброго Ландмаршала Филиппа Беля с криком и воплем устремились из леса к нашему тихому стану, оберегаемому малочисленною стражею. Россияне хотя и знали о близости неприятеля, но думали, что он не вступит в битву с их превосходною силою. Внезапность дала ему только минутную выгоду: после первого замешательства Россияне остановили, стеснили Немцев, и всех до единого истребили, взяв в плен 11 Коммандоров и 120 Рыцарей, в числе коих находился и главный предводитель. Утрата столь многих чиновников, особенно Ландмаршала, называемого последним, ревностным защитником, последнею надеждою Ливонии, была величайшим бедствием для Ордена. Представленный Воеводам Московским, сей знаменитый муж не изменился в своей душевной твердости; не таил внутренней скорби, но взирал на них с гордым величием; отвечив на все вопросы искренно, спокойно, смело. Курбский, хваля его характер, ум, красноречие, повествует следующее:

«Стараясь приветливостию смягчить жестокою долю сего необыкновенного человека, мы за обедом ласково беседовали с ним об истории Ливонского Ордена. *Когда* , — сказал он, — *усердие к истинной Вере, добродетель, благочестие, обитали в сердцах наших: тогда Господь явно помогал нам; не боялись мы ни Россиян, ни Литовских Князей. Вы слышали о той славной, достопамятной битве с грозным Витовтом, в коей легли шесть Магистров Орденских, один за другим избранных для предводительства: — таковы были древние Рыцари; таковы и новейшие, с коими имел войну дед нынешнего Царя Московского Иоанн Великий и которые столь мужественно сражались с вашим славным Воеводою Даниилом. Когда же мы отступили от Бога, испровергли уставы истинной Веры, прияли новую, изобретенную умом человеческим в угодность страстям, когда забыли чистоту нравов, вдалились в гнусное сластолюбие, необузданно устремились на широкий путь разврата: тогда Бог предал Орден в*

руки ваши. Грады красные, твердыни высокие, палаты и дворы светлые, созданные нашими предками, — сады и винограды, ими насажденные, без труда вам достались. Но что говорю о Россиянах! По крайней мере вы брали мечом: другие (Поляки) меча не обнажали, а брали, лукаво обещая нам дружбу, защиту, вспоможение. Вот их дружба: стоим пред вами в узах, и милое отечество гибнет!.. Нет, не думайте, чтобы вы доблестию победили нас: Бог вами казнит грешников! Тут он залился слезами, отер их и с лицом светлым примолвил: *но я благодарю Всевышнего и в оковах: сладостно терпеть за отечество, и не боюся смерти!* — Воеводы Российские слушали его с любопытством, с сердечным умилением и, послав в Москву вместе со всеми пленниками, убедительно писали к государю, чтобы он изъявил милосердие к сему добродетельному витязю, который, будучи столь уважаем в Ливонии, мог оказать нам великие услуги и склонить Магистра к покорности. Но Иоанн уже любил тогда жестокость: призвав его к себе, начал говорить с ним гневно. Великодушный пленник ответствовал, что Ливония стоит за честь, за свободу и гнушается рабством; что мы ведем войну как лютые варвары и кровопийцы. Иоанн велел отсечь ему голову» — за *противное* слово (говорит Летописец) и за вероломное нарушение перемирия. Невольно удивляясь смелой твердости Бея, Иоанн послал остановить казнь; но она между тем совершилась.

Полководцы наши, осадив Феллин, разбили пушками стены и в одну ночь зажгли город в разных местах. Тогда воины Немецкие объявили Фирстенбергу, что надобно вступить в переговоры. Тщетно сей знаменитый старец убеждал их не изменять чести и долгу, предлагая им все свои сокровища, золото и серебро в награду за мужество: наемники не хотели верной смерти, ибо ни откуда не могли ждать помощи. Фирстенберг требовал, чтобы Россияне выпустили его с казною: Совет Боярский не принял сего условия, ответствуя, что Государь для чести желает иметь Магистра пленником, а из великодушия обещает ему милость. Выпустили только воинов Немецких (21 Августа); но узнав, что они разломали сундуки Фирстенберговы и похитили многие драгоценности, свезенные Ливонским Дворянством в Феллин, Князь Мстиславский велел отнять у них все взятое ими незаконно, даже и собственность, так что сии несчастные пришли нагие в Ригу, где Кетлер повесил их как изменников. Заняв город, Россияне удивились малодушию Немцев, которые могли бы долго противиться величайшим усилиям осаждающих, имея в нем три каменные крепости с глубокими рвами,

450 пушек и множество всяких запасов. «Такая робость неприятелей (говорили они) есть милость Божия к Царю православному». Когда пленники Феллинские прибыли в Москву, Иоанн велел показать их народу и водить из улицы в улицу. Пишут, что Царь Казанский, находясь в числе любопытных зрителей сего торжества, плюнул на одного Немецкого сановника, сказав ему: «За дело вам, безумцам! Вы научили Русских владеть оружием: погубили нас и самих себя!» — Государь принял Фирстенберга весьма благосклонно; исполнил все обещания Воевод и дал ему Костромское местечко Любим во владение, где он и кончил дни свои, жалуясь на Судьбу, но искренно хваля милосердие Иоанново. Падение Феллина предвестило совершенное падение Ордена. Города Тарваст, Ружа, Верполь и многие укрепленные замки сдались. Князь Андрей Курбский разбил нового Орденского Ландмаршала близ Вольмара, и сведав, что легкие отряды Литовские приближаются к Вендену, встретил их как неприятелей, обратил в бегство, выгнал из пределов Ливонии. Воевода Яковлев, опустошив приморскую часть Эстонии, захватил множество скота и богатства, ибо знатнейшие жители Гаррии укрывались там с своим имением. Он шел мимо Ревеля: смелые граждане, числом менее тысячи, сделали вылазку и были жертвою нашей превосходной силы; легли на месте или отдались в плен. Вероятно, что Россияне могли бы овладеть тогда и Ревелем; но главный Воевода, Князь Мстиславский, на пути к нему хотел без Государева повеления взять крепкий, окруженный вязкими ржавцами Вейсенштейн: стоял под ним шесть недель, не отважился на приступ, издержал все запасы и должен был осенью возвратиться в Россию.

В сие время Ливония уже перестала мыслить о сохранении независимости: изнуренная бесполезными усилиями, она искала только лучшего властелина, чтобы спасти бедные остатки свои от плена и меча Россиян. Фридерик, Король датский, хотел Эстонии и купил для своего брата, Магнуса, Епископство Эзельское: сей юный Принц, осужденный быть удивительным игралищем Судьбы, весною 1560 года прибыл в Габзаль с лестными обещаниями для Рыцарства. Король Шведский не показывал властолюбивых замыслов на Орденские земли, но боясь успехов России, дал знать Магистру, что он готов снабдить Ревель воинскими запасами; что тамошние жители, в случае осады, могут прислать жен и детей в Финляндию; что Швеция, забывая неверность Ордена, искренно ему благоприятствует и никогда не согласится на его уничтожение. Так думал старец Густав Ваза, умерший в конце 1560 года. Новый Король Эрик действовал решительнее: представил чинам

Эстонским с одной стороны неминуемую гибель, с другой защиту, спасение, и без великого труда убедил их объявить себя подданными Швеции, к досаде Магистра, который находился в тайных переговорах с Сигизмундом. Сие важное происшествие ускорило развязку драмы. Видя, что ветхое здание Ордена рушится, Кетлер, Архиепископ Рижский и депутаты Ливонии спешили в Вильну, где 28 Ноября 1561 года, в присутствии Короля и Вельмож Литовских, навеки уничтожилось бытие знаменитого *Братства меченосцев*, в силу торжественного, клятвою утвержденного договора, по коему Сигизмунд-Август был признан Государем Ливонии — с условием не изменять ни Веры ее, ни законов, ни прав гражданских — а Кетлер наследственным Герцогом Курляндии, вассалом, или подручником Королевским. В сей достопамятной грамоте сказано, что «Ливония, терзаемая лютейшим из врагов, не может спастись без тесного соединения с Королевством Польским; что Сигизмунд обязан вступить за Христиан, утесняемых варварами; что он изгонит Россиян и внесет войну в собственную их землю: ибо лучше питаться кровию неприятеля, нежели питать его своею». Возвратясь в Ригу, Кетлер всенародно сложил с себя достоинство Магистра, крест и мантию: Рыцари также, проливая слезы. Присягнув в верности к Королю, он вручил его наместнику, Князю Николаю Радзивилу, печать Ордена, грамоты Императоров и ключи городские; а Радзивил, именем Короля, дал ему сан Ливонского правителя. Таким образом, земли Орденские разделились на пять частей: Нарва, Дерпт, Аллентакен, некоторые уезды Ервенские, Вирландские и все места соседственные с Россиею были завоеваны Иоанном; Швеция взяла Гаррию, Ревель и половину Вирландии; Магнус владел Эзелем; Готгард Кетлер Курляндиею и Семигалиею; Сигизмунд южною Ливониею. Каждый из сих Владетелей старался приобрести любовь новых подданных: ибо сам Иоанн, ужасный в виде неприятеля, изъявлял милость народу и Дворянству в областях завоеванных. Но конец Ордена еще не мог быть концом бедствий для стесненной Ливонии, где четыре Северные Державы находились в опасном совместничестве друг с другом и где каждая из них желала распространить свое господство.

В то время, когда Шведское войско уже вступало в Ревель, Эрик предлагал нам мир и дружбу, но с условием относиться во всем к самому Царю, не к наместникам новгородским, и выключить из прежнего договора важную статью, кою Густав Ваза обязывался не помогать ни Литве, ни Ордену. Чиновники Шведские в переговорах с Московскими Боярами сказали им в угрозу: «Император, Король

Сигизмунд и Фридерик Датский убеждают Государя нашего вместе с ними воевать Россию. Послы их в Стокгольме: Эрик не дал им решительного ответа, ибо ждет вашего». Бояре объявили, что Россия семь веков следует одной системе политической и не изменяет старых своих обычаев. «В Швеции, — говорили они, — было много Владетелей до Эрика: который же не сносился с Новымгородом? Густав Ваза, не хотев того, видел ужасное опустошение земли своей и смирился. Густав славился мудростию, а Эрик еще неизвестен. Легко начать злое дело, но трудно исправить его. Иоанн захотел — и взял два Царства: что сделал наш Король новый? Или снова утвердите грамоту отца его, или вы еще не доедете до Стокгольма, а война уже запыхает — и не скоро угаснет ее пламя. Вы пугаете нас Литвою, Цесарем, Даниею: будьте друзьями всех Царей и Королей: не устрашимся». Сия твердость принудила Шведов возобновить старый договор. Хотя Иоанн не мог без досады сведать о происшедшем в Эстонии; хотя чиновники Новгородские, посланные в Стокгольм с мирною грамотою, жаловались Царю, что Эрик принял их весьма грубо (и даже предлагал им есть мясо в постные дни); хотя они дали знать Королю, что мы не будем равнодушными зрителями его властолюбия: однако ж мир состоялся, ибо Царь не хотел умножать числа врагов своих до времени, чтобы управиться с главным, то есть, с Литвою.

Мы говорили о сватовстве Иоанновом: он не сомневался в успехе его и весьма ошибся, к прискорбию своего самолюбия. Послы наши, отправленные в Вильну, торжественно говорили Сигизмунду о мире, а тайно о желании Царя быть ему зятем. Им надлежало выбрать или большую сестру Королевскую, Анну, или меньшую, Екатерину, смотря по их *красоте, здоровью и дородству*. Они избрали Екатерину. Сигизмунд отвечал, что для сего нужно согласие Императора, Князя Брауншвейгского и Короля Венгерского, ее покровителей и родственников; что приданое невесты, хранимое в Польской казне, состоит из цепей, запон, платья и золота, всего на 100000 червонных; что хотя и не следовало бы выдать меньшую сестру прежде большей, но он не противится сему браку с условием, чтобы Екатерина осталась в Римском Законе. Послы желали представиться невесте: им дозволили видеть ее в церкви и вручили портреты обеих сестер. — Но Сигизмунд, уверенный в необходимости войны за Ливонию, считал бесполезным свойство с Иоанном. Прислав в Москву Маршалка Шимковича будто бы для договора о мире и сватовстве, он требовал Новагорода, Пскова, земли Северной, Смоленска! Посол уехал, и неприятельские действия начались тем, что Литовский Гетман Радзивил, вступив с войском в

Ливонию, взял город Тарваст: осада продолжалась пять недель, а Воеводы Московские не успели дать ему помощи; собирались, готовились и не хотели слушаться друг друга, считаясь в старейшинстве между собою. Тогдашняя строгость Иоаннова не унимала зловерного местничества, и Государь, казня Вельмож за одно слово нескромное, за укорительный взгляд, за великодушную смелость, изъявлял снисхождение к сему старому обычаю. Подвиги нашего многочисленного войска состояли единственно в новом опустошении некоторых Ливонских селений. Князь Василий Глинский и Петр Серебряный ходили вслед за Радзивилом и побили его отряд близ Пернау. Литовцы, заняв важнейшие крепости, не остались в Тарвасте: Иоанн велел разорить сей город до основания.

Тогда Сигизмунд написал к Царю, что долго и бесполезно убеждая его оставить Ливонию в покое, он должен прибегнуть к оружию; что Радзивил, взяв Тарваст, выпустил оттуда Россиян; что виновник кровопролития даст ответ Богу; что мы еще можем отвратить войну, если выведем войско из бывших Орденских владений и заплатим все убытки, или Европа увидит, на чьей стороне правда и месть великодушная, на чьей лютость и стыд. Вручителю письма, Дворянину Корсаку, единоверцу нашему, Бояре объявили, что ему не будет оказано Посольской чести, ибо грамота Королевская исполнена выражений непристойных; а Царь отвечал Сигизмунду: «Ты умеешь слагать вину свою на других. Мы всегда уважали твои *справедливые* требования; но забыв условия предков и собственную присягу, ты вступаешься в древнее достояние России: ибо Ливония наша, была и будет. Упрекаешь меня гордостью, властолюбием; совесть моя покойна, я воевал единственно для того, чтобы даровать свободу Христианам, казнить неверных или вероломных. Не ты ли склоняешь Короля Шведского к нарушению заключенного им с Новымгородом мира? Не ты ли, говоря со мною о дружбе и сватовстве, зовешь Крымцев воевать мою землю? Грамота твоя к Хану у меня в руках: прилагаю список ее, да устыдишься... Итак, уже знаем тебя совершенно, и более знать нечего. Возлагаем надежду на Судию Небесного: он воздаст тебе по твоей злой хитрости и неправде». Тогда Иоанн, уже решительно оставив мысль быть Сигизмундовым зятем, искал себе другой невесты в землях Азиатских, по примеру наших древних Князей. Ему сказали, что один из знатнейших Черкесских Владетелей, Темгрюк, имеет прелестную дочь: Царь хотел видеть ее в Москве, полюбил и велел учить Закону. Митрополит был ее восприемником от купели, дав ей Христианское имя Мария. Брак совершился 21 Августа 1561 года; но Иоанн не

переставал жалеть о Екатерине, по крайней мере досадовать, готовясь мстить Королю и за Ливонию и за отказ в сватовстве, оскорбительный для гордости жениха.

Однако ж, несмотря на взаимные угрозы, воинские действия с обеих сторон были слабы: Иоанн опасался Хана и держал полки в южной России, где предводительствовал ими Князь Владимир Андреевич; а Сигизмунд, расставив войско по крепостям в Ливонии, имел в поле только малые отряды, которые приступали к Опочке, к Невлю. Князь Петр Серебряный разбил Литовцев близ Мстиславля: Курбский выжег предместье Витебска; другие Воеводы из Смоленска ходили к Дубровне, Орше, Копысу, Шклову. Более грабили, нежели сражались. Пан Ходкевич, предводитель Сигизмундова войска в Ливонии, убеждал наших Воевод не трогать людей в бесполезных сшибках. Начались было и мирные переговоры: Вельможи Литовские писали к Митрополиту и Боярам Московским, чтобы они своим ходатайством уняли кровопролитие. Старец Макарий велел сказать им: «знаю только дела церковные; не *стужайте* мне государственными»; а Бояре объявили, что Иоанн согласен на мир, если Сигизмунд не будет спорить с нами ни о Ливонии, ни о титуле Царском. «Вспомните, — прибавили они, — что и самая Литва есть отчина Государей Московских! Для спокойствия обеих Держав Иоанн хотел жениться на вашей Королевне: Сигизмунд отвергнул его предложение — и для чего? Без сомнения в угодность Хану! Еще можно исправить зло; пользуйтесь временем!» Но 1563 год наступал; а Послы Королевские, ожидаемые в Москве, не являлись: уже не боясь Хана, который, вступив в южную Россию, бежал назад от города Мценска, Иоанн замыслил нанести важный удар Литве.

В начале зимы собрались полки в Можайске: сам Государь отправился туда Декабря 23; а с ним Князь Владимир Андреевич, Цари Казанские, Александр и Симеон, Царевичи Ибак, Тохтамыш, Бекбулат, Кайбула, и сверх знатнейших Воевод двенадцать Бояр Думских, 5 Окольничих, 16 Дьяков. Воинов было, как уверяют, 280000, обозных людей 80900, а пушек 200. Сие огромное, необыкновенное ополчение столь внезапно вступило в Литву, что Король, находясь в Польше, не хотел верить первой о том вести. Иоанн 31 Генваря [1563 г.] осадил Полоцк, и 7 Февраля взял укрепления внешние. Тут узнали, что 40000 Литовцев с двадцатью пушками идут от Минска: Гетман Радзивил предводительствовал ими; он дал слово Королю спасти осажденный город, но встреченный Московскими Воеводами, Князьями Юрием Репниным и Симеоном Палицким, не отважился на битву; хотел

единственно тревожить Россиян и не успел ничего сделать: ибо город 15 Февраля был уже в руках Иоанновых. Тамошний начальник, именем Довойна, услужил Царю своею безрассудностию: впустил в крепость 20000 поселян и, через несколько дней выгнав их, дал случай Иоанну явить опасное в таких случаях великодушие. Сии несчастные шли на верную смерть и были приняты в Московском стане как братья: из благодарности они указали нам множество хлеба, зарытого ими в глубоких ямах, и тайно известили граждан, что Царь есть отец всех единоверных: побеждая, милует. Между тем ядра сыпались в город; стены падали, и малодушный Воевода, в угодность жителям, спешил заключить выгодный договор с неприятелем снисходительным, который обещал свободу личную, целость имения — и не сдержал слова. Полоцк славился торговлею, промышленностию, избытком: Иоанн, взяв государственную казну, взял и собственность знатных, богатых людей, Дворян, купцев: золото, серебро, драгоценные вещи; отправил в Москву Епископа, Воеводу Полоцкого, многих чиновников Королевских, шляхту и граждан; велел разорить Латинские церкви и крестить всех Жидов, а непослушных топить в Двине. Одни Королевские иноземные воины могли хвалиться великодушием победителя: им дали нарядные шубы и письменный, милостивый пропуск, в коем Иоанн с удовольствием назвал себя Великим Князем *Полоцким*, приказывая своим Боярам, сановникам Российским, Черкесским, Татарским, Немецким, оказывать им в пути защиту и вспоможение. Несколько дней он праздновал сие легкое, блестящее завоевание древнего Княжества России, наследия достопамятной Гориславы, знаменитого в истории наших междоусобий, и ранним подданством Литве спасенного от ига Моголов; послал всюду гонцов, чтобы Россияне изъявили благодарность Небу за свою новую славу, и писал к Первосвятителю Макарию: «се ныне исполнилось пророчество дивнаго Петра Митрополита, сказавшаго, что Москва вознесет руки свои на плеча врагов ея!»

Сигизмунд и Паны его были в страхе: многолюдный, укрепленный Полоцк считался главною твердынею Литвы, и Воеводы Московские, не теряя времени, шли на Вильну, к Мстиславлю, в Самогитию, опустошая землю невозбранно: ибо Гетман бежал назад в Минск. В сих обстоятельствах Вельможи Королевские писали к нашим Боярам, что послы их готовы ехать в Москву, если мы остановим неприятельские действия: а Царь, приказав отвечать, что *посла ни секут, ни рубят*, дал Литве перемирие на шесть месяцев. Велев исправить укрепления, отслужив молебен в Софийском полоцком храме и вверив

защиту города мужественному Князю Петру Шуйскому, Государь 26 февраля выступил оттуда со всем войском, распустил его в Великих Луках, спешил в столицу и встретил на пути Бояр, высланных к нему из Москвы с поздравлениями от сыновей и супруги. Мать Князя Владимира Андреевича, Евфросиния, великолепно угостила его в Уделе своего сына, в Старице. Царевич Иоанн ждал родителя в обители Св. Иосифа, Феодор в селе Крылацком. Тут был новый пир; а на другой день, 21 Марта, когда Государь ехал Крылацким полем, явился Боярин Траханиотов с вестию, что Царица родила ему сына Василия. У церкви Бориса и Глеба, на Арбате, стояло Духовенство с хоругвями и крестами: Иоанн благодарил Митрополита и Святителей за их усердные молитвы; Святители благодарили Царя за мужество и победу. Он шел в торжестве, от Арбата до соборов, среди Вельмож и народа, среди приветствий и восклицаний, точно так, как по взятии Казани... Не доставало народу единственно любви к Государю, а Государю счастья: ибо его нет для тиранов! — новорожденный Царевич жил только пять недель.

Не сомневаясь в продолжении войны с Литвою и надеясь на благоприятное действие своей знаменитой победы, Иоанн известил о том Хана; писал к нему с гордостью и с ласкою, напоминал искреннюю дружбу Менгли-Гирееву с великим Князем Иоанном, счастливую для обеих держав, и все худые успехи Крымских впадений, хотя вредных для России, но еще более для самой Тавриды, уже бедной людьми, оружием и конями; указывал на Христианские церкви в Казани, в Астрахани; хвалился усердием верных Князей Черкесских и Ногаев, сожалел о бессильной злобе Сигизмунда, наказанного стыдом, разорением земли его, и говорил: «Все Паны Королевские били челом Боярам нашим, да прекратим их бедствия. Бояре молили Князя Владимира Андреевича и вместе с ним пали к ногам моим, вещая: *Государь, у вас одна Вера: на что более проливать кровь? Руки твои наполнились плена и богатства; ты взял лучший городу Сигизмунда* . Недруг в слезах, и желает быть в твоей воле. Я не хотел оскорбить любезного мне брата и Вельмож добрых; мы возвратились!.. Угодно ли тебе быть моим другом?» Уже несколько лет Послы вероломного Девлет-Гирея сидели у нас в тесной неволе: их освободили в знак Государева к нему благорасположения; но Иоанн в письме своем не хотел его назвать *братом* , и вместо старинного *челобитья* приказал единственно поклон Хану. Несмотря на то, Посол Московский, Афанасий Нагой, должен был за тайну объявить Крымским Вельможам, что Царь удалил от себя Адашевых, Воеводу Шереметева и

Дьяка Ивана Михайлова будто бы за их ненависть к Девлет-Гирею! Ум, ловкость нашего посла и богатые дары произвели действие: Хан склонился к миру, года два не тревожил России, и в знак своего доброжелательства открыл нам важную тайну. Мы видели, что могущественный Солиман неравнодушно смотрел на успехи Иоаннова величия и на гибель Царств Мусульманских: занимаясь другими, ближайшими опасностями и предприятиями важнейшими для его славолубия, он медлил; наконец по внушению знатного беглеца Астраханского Князя Ярлыгаша, замыслил великое дело: соединить Дон с Волгою прокопом, основать крепость на Переволоке (там, где сии реки сближаются), другую на Волге, где ныне Царицын. Третью близ моря Каспийского, чтобы сперва утвердить безопасность своих Азовских владений, а после взять Астрахань, Казань, — стеснить, ослабить Россию. Главным орудием или действователем надлежало быть Хану: Султан велел ему идти к Астрахани, обещая прислать Доном пушки и людей, искусных в строении крепостей. Но, к счастью России, Девлет-Гирей страшился господства Турков еще более, нежели ее силы: не хотел уступить им Царств Батыевых, и стараясь доказать Султану невозможность успеха, известил Иоанна о сем опасном для нас предприятии, которое осталось тогда без исполнения. — Несмотря на дружелюбные сношения с Крымом, Государь ласкал постоянного врага Девлет-Гиреева, главу Ногайских владетелей, Исмаила, который оберегал Астрахань, уведомлял нас о вероломных замыслах ее Князей, тайных друзей Крыма, и, к сожалению Россиян, умер в 1563 году, оставив сына, Тин-Ахмата, начальником Орды Ногайской. Подобно отцу, сей Князь усердно искал Иоанновой милости.

Уже Польша, Дания и Швеция воевали за Ливонию; первые две хотели общими силами обуздать властолюбие Эрика: ибо Шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вейсенштейн, у датчан Леаль и Габзаль. Король Датский, Фридерик, желал союза Иоаннова: Царь утвердил с ним мир, как бы из великодушия уступив ему Эзель и Вик; но гордо отвергнул его посредничество в наших делах с Литвою, сказав: «мы сами умеем стоять за себя, и кроме Божией помощи не хотим никакой». Он велел отвести дворы купцам Датским в Новгороде и Нарве, с условием, чтобы и нашим отведены были такие же в Копенгагене и Визби, где Россияне издревле торговали. Гофмейстер Фридериков, Эллер Гарденберг, с другими чиновниками был в Москве для договора: Князь Ромодановский ездил в Данию для размена грамот. — В то же время и Шведы старались всячески улестить опасного Царя: Эрик извинялся в неучтивостях, оказанных нашим послам, и прислал шесть

знатных сановников в Москву, чтобы заключить *договор о Ливонии* с самим Царем, а не с его Воеводами. Ответом была грубая насмешка. Иоанн велел сказать Эрику: «Когда я с двором своим переселюсь в Швецию, тогда повелевай и величайся — а не ныне! Я от тебя так далеко, как небо от земли». Шведы уступили. Государь велел Боярину Морозову, Наместнику Ливонскому, дать Королю особенное перемирие на семь лет по делам Ливонии; *дозволил* Эрику владеть Ревелем и всеми занятыми им городами в Эстонии, но оставил себе право, по истечении означенного срока, изгнать оттуда Шведов как хищников; то есть, Иоанн не мешал враждующим за Ливонию державам изнурять друг друга, готовый воспользоваться их ослаблением и присоединить ее к России. Увидим следствия, каких не ожидала его хитрая политика... Теперь будем говорить о внутренних происшествиях сего времени.

Второй брак Иоаннов не имел счастливых действий первого. Мария, одною красотою пленив супруга, не заменила Анастасии ни для его сердца, ни для Государства, которое уже не могло с мыслию о Царице соединять мысль о Царской добродетели. Современники пишут, что сия Княжна Черкесская, дикая нравом, жестокая душою, еще более утверждала Иоанна в злых склонностях, не умев сохранить и любви его, скоро простывшей: ибо он уже вкусил опасную прелесть непостоянства и не знал стыда. Равнодушный к Марии, Иоанн помнил Анастасию, и еще лет семь, в память ее, наделял богатою милостынею святые монастыри Афонские. Таким же образом Государь честил и память своего брата, Юрия, умершего в исходе 1563 года. Сей Князь, скудный умом, пользовался наружными знаками уважения, и неспособный ни к ратным, ни к государственным делам, только именем начальствовал в Москве, когда Царь выезжал из столицы. Но супруга его, Иулиания, считалась второю Анастасиею по своим необыкновенным достоинствам: она решилась оставить свет. Иоанн, Царица Мария, Князь Владимир Андреевич, Бояре и народ в глубоком молчании шли за нею от Кремля до Новодевичьего монастыря, где, названная во Инокнях Александрю, она хотела кончить дни свои в мире, не предвидя, что сей тронутый ее ревностным, Ангельским благочестием Царь, исполненный к ней — так казалось — любви и братской нежности, в порыве безумного гнева будет ее свирепым убийцею! Он желал, чтобы невестка его и в виде смиренной Монахини имела почести Царские: устроил ей в келиях пышный двор, дал сановников в службу и богатые поместья во владение, как бы желая тем еще привязать ее к суетам мира!

Еще прежде Иулиании, волею или неволею, постриглась мать Князя Владимира Андреевича честолюбивая Евфросиния, вместе с сыном заслужив гнев Царя по доносу Дьяка их, который за свои худые дела сидел в темнице. Государь призвал обвиняемых, Митрополита, Епископов: *уличил* — как сказано в летописи — мать и сына *в неправде*, но, уважив моление духовенства, из *милосердия* отпустил им вину. Тогда Евфросиния, оставив свет, заключилась в Воскресенском монастыре на Белеозере, куда проводили ее знатные дворские чиновники; а Князю Владимиру Иоанн дал *новых* Бояр, стольников и дьяков, взяв его собственных к себе в Царскую службу: то есть, окружил сего Князя надзирателями; между тем обходился с ним ласково, ездил к нему гостем в Старицу, в Верею, в села Вышегородские, чтобы пировать и веселиться. Еще внутренняя злоба таилась под личиною дружелюбия.

В последний день 1563 года скончался в глубокой старости знаменитый Митрополит Макарий, обвиняемый современниками в честолюбии, в робости духа, но хвалимый за благонравие: не смелый обличитель царских пороков, но и не грубый льстец их. За несколько дней до смерти открывая душу пред людьми и Богом в грамоте прощальной, Макарий пишет, что, изнуряемый многими печальями, он несколько раз хотел удалиться от дел и посвятить себя *жизнию молчальному* или пустынному, но Царь и святители всегда неотступно убеждали его остаться. Сей Пастырь Церкви не был, кажется, спокойным зрителем Иоаннова разврата, предпочитая тишину пустыни блестящему сану Иерарха. Ревностный к успехам Христианского просвещения, он велел перевести Греческую Минею и прибавил к ней жития святых Российских, как древних, так и новейших, для коих собором 26 Февраля 1547 года уставил он службу и празднества: Новгородскому Архиепископу Иоанну, Александру Невскому, Савватию, Зосиме Соловецким и другим. Макарий велел также сочинить известную *Степенную книгу*, доведенную от Рюрика до 1559 года, и способствовал учреждению первой в Москве типографии. Европа уже около ста лет пользовалась счастливым открытием Гуттенберга, Фауста, Шеффера: Государи Московские слышали о том и хотели присвоить себе выгоду столь важную для успехов просвещения, им любезного. Великий Князь Иоанн III давал жалованье славному Любекскому типографщику Варфоломею; Царь Иоанн в 1547 году искал в Германии художников *для книжного дела* и, как вероятно, нашел их для образования наших собственных в Москве: ибо в 1553 году он приказал устроить особенный дом книгопечатания под

руководством двух мастеров, Ивана Федорова, Дякона церкви Св. Николая Гостунского, и Петра Тимофеева Мстиславца, которые в 1564 году издали *Деяния* и *Послания* апостолов, древнейшую из печатных книг Российских, достойную замечания красотою букв и бумаги. В прибавлении сказано, что Макарий благословил Царя на благое дело доставить Христианам вместо неверных рукописей печатные, исправные книги, содержащие в себе и Закон Божий и службу церковную: для чего надлежало сличать древнейшие, лучшие списки, дабы не обмануться ни в словах, ни в смысле. Сие важное предприятие, внушенное Христианскою просвещенною ревностию, возбудило негодование многих грамотеев, которые жили списыванием книг церковных. К сим людям присоединились и суеверы, изумленные новостью. Начались толки, и художник Иван Федоров, смертью Макария лишенный усердного покровителя, как мнимый еретик должен был — вместе с своим товарищем Петром Мстиславцем — удалиться от гонителей в Литву. Хотя Московская типография, переведенная в Александровскую Слободу, еще напечатала Евангелие; но Царь уступил славу издать всю Библию Волынскому Князю Константину Константиновичу, одному из потомков Св. Владимира. Сей Князь, ревностный сын нашей Церкви, с любовью приняв изгнанника Ивана Федорова, завел типографию в своем городе Остроге; достал в Москве же (через Государственного Секретаря Литовского Гарабурду) полный список Ветхого и Нового Завета, сверил его с Греческою Библиею, присланною к нему от Иереи, Патриарха Константинопольского, исправил (посредством некоторых Филологов) и напечатал в 1581 году, заслужив тем благодарность всех единоверцев. — Между достопамятными церковными деяниями Макариева времени заметим еще учреждение Полоцкой *Архиепископии*, в честь сего древнего Княжества и тамошнего знаменитого храма Софийского. Бывший Святитель Суздальский Трифон Ступишин, постриженник Св. Иосифа Волоцкого, муж добродетельный, но ветхий и недужный, в угодность Царю принял сан Полоцкого Архипастыря.

По кончине Макария все Епископы съехались в Москву, чтобы избрать нового Пастыря Церкви; но еще прежде того, исполняя волю Государеву, они Соборною грамотою уставили, что Митрополиты Российские должны впредь носить *клобуки белые, с рясами и с херувимом*, как изображаются на иконах Митрополиты Петр и Алексей, Новгородский Архиепископ Иоанн и Чудотворцы Ростовские Леонтий, Игнатий, Исаия. «Для чего, — сказано в сей

грамоте, — для чего одни Святители Новгородские носят ныне белые клобуки, мы искали и не могли найти в писаниях. Да возвратится Митрополитам их древнее отличие! Да печатают также, подобно Архиепископам Новгородскому и Казанскому, все грамоты свои *красным воском*. Печать на одной стороне должна представлять образ Богоматери со Младенцем, а на другой руку Благословенную с именем Митрополита». Чрез несколько дней [24 Февраля 1564 г.] был избран в первосвятители Инок Чудова монастыря Афанасий, бывший Благовещенский Протоиерей и Духовник Государев. По совершении Литургии Владыки, сняв с Митрополита одежду служебную, возложили на него *златую икону вратную*, мантию с источником и белый клобук. Афанасий стал на Святительское место, выслушал приветственную речь Царя, дал ему благословение, и громогласно молил Всевышнего, да ниспошлет здравие и победы Иоанну. Он уже не смел, кажется, говорить о добродетели!

Глава II

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1563—1569 г.

Переговоры и война с Литвою. Бегство Россиян в Литву. Измена Кн. Андрея Курбского. Переписка его с Царем. Нападение Литвы и Крымцев. Посольство В. Магисра Немецкого. Таинственный отъезд Иоаннов. Письмо Царя к Митрополиту и к народу. Ужас в Москве. Учреждение Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская Слобода. Монашеская жизнь Иоаннова. Иноземные любимцы Иоанновы. Великодушие Митрополита Филиппа. Третья эпоха убийств. Язва. Военские действия и переговоры. Земская дума. Перемирие с Литвою. Дела Шведские. Важное предприятие Султана. Бедствия Турков. Сношения с Персиею. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Английские. Замысел Иоаннов бежать в Англию. Злодей Бомелий.

Перемирие, данное Иоанном Сигизмунду, не мешало Россиянам и Литовцам нападать друг на друга. Первые малочисленными отрядами довершали завоевание Полоцкой области. Слуга Сигизмундов, Князь Михайло Вишневецкий, с толпами Козаков и Белгородских Татар опустошал уезды Черниговские, Стародубские: Князь Иван Щербатый, Северский Воевода, разбил его наголову. Послов Сигизмундовых долго ждали в Москве: наконец они приехали, 5 Декабря 1563 года, и следуя

обыкновенно, требовали от нас Новагорода, Пскова кроме всех завоеваний деда, отца Иоаннова и его собственных; а Бояре наши, также следуя обыкновенно, ответствовали, что мы для надежного мира должны взять у Литвы не только Киев, Волынию, Подолию, но и Вильну, которая в древние времена принадлежала России. Они говорили о неправдах, лукавстве, спеси Короля, не хотящего именовать Иоанна Царем и замышляющего быть Государем Ливонии, где еще в XI веке основан Ярославом Великим город Юрьев и где Александр Невский огнем и мечем казнил своих подданных, Немцев, за их бунт и непослушание. «Так было, — заключили Бояре словом Государя, — так было до времен *великого мстителя неправдам*, моего деда; до славного родителя моего, *обретателя древней нашей отчины*, и до меня *смирненного*». Хотя с обеих сторон умерили требования; хотя мы соглашались уже не говорить о Вильне, Подолии, Большой, и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндию, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемирие на 10 или 15 лет: однако ж послы не приняли сего условия. Иоанн изустно сказал им: «Если Король не хочет давать мне Царского имени, да будет его воля! Не имею нужды в титуле: ибо всем известно, что род мой происходит от Кесаря Августа; а данного Богом человек не отнимет». Такая генеалогия должна была удивить Послов: им без сомнения объяснили ее. Надобно знать, что Московские книжники сего времени может быть в угодность Иоаннову честолюбию приносили первого Князя Новгородского Рюрика от мнимого Прусса, Августова брата, который будто бы, оставив Рим, сделался Владетелем Пруссии. Послы не спорили о предках Рюриковых, но не хотели утвердить за ними ни Полоцкой области, ни Ливонии и выехали из Москвы 9 Января [1564 г.]. Тогда Воеводы Московские немедленно выступили, Шуйский из Полоцка, Князя Серебряные-Оболенские из Вязьмы, чтобы действовать против Литвы: Государь велел им соединиться под Оршею, идти к Минску, к Новугородку Литовскому; назначил станы, предписал все движения. Но Князь Петр Шуйский, завоеватель Дерпта, славный и доблестию и человеколюбием, как бы ослепленный роком, изъявил удивительную неосторожность: шел без всякого устройства, с толпами невооруженными; доспехи везли на санях; впереди не было стражи; никто не думал о неприятеле — а Воевода Троцкий, Николай Радзивил, с двором Королевским, с лучшими полками Литовскими, стоял близ Витебска; имел верных лазутчиков; знал все, и вдруг близ Орши, в местах лесных, тесных, напал на Россиян. Не успев ни стать в ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились в бегство, Воеводы и воины.

Несчастный Шуйский заплатил жизнью за свою неосторожность. Одни пишут, что он был застрелен в голову и найден мертвый в колодезе; другие, что Литовский крестьянин изрубил его секирою. Из знатных людей пали еще два брата, Князя Симеон и Федор Палецкие. Литовцы взяли в плен Воеводу Захария Плещеева-Очина, Князя Ивана Охлябинина и несколько Детей Боярских, так что мы из двадцати тысяч воинов лишились менее двухсот человек: все другие ушли в Полоцк, оставив неприятелю в добычу обозы и пушки. Тело Шуйского с торжеством отвезли в Вильну, а пленников Российских представили больному Королю в Варшаве: он велел петь молебны и действием радости исцелился от недуга.

Впрочем сия победа не имела дальнейших счастливых следствий для Сигизмунда. Князя Оболенские стояли под Оршею: Радзивил не хотел сразиться с ними; желал единственно, чтобы они вышли из Королевских владений, и для того гонец Литовский с вестию о бедствии Шуйского нарочно был послан в Дубровну чрез такие места, где ему надлежало встретить Россиян: его схватили и привели к Воеводам нашим, которые, узнав, что случилось, действительно возвратились к Смоленску, но отмстив неприятелю огнем и мечом: выжгли селения от Дубровны до Кричева; взяли в плен множество земледельцев. Месяцев пять миновало в бездействии с обеих сторон: в Июле Полководец Иоаннов, Князь Юрий Токмаков, с малочисленною пехотою и конницею ходил из Невля к Озерищу в надежде завладеть сим городом. Сведая, что 12000 Литовцев идут из Витебска спасти осажденных, сей Воевода, известный мужеством, отпустил снаряд и пехоту на судах в Невль, с одною конницею встретил неприятеля и разбил его передовую дружину; но когда подошло главное войско Литовское, он должен был отступить, бесчеловечно умертвив взятых им пленников. Смоленский Воевода Бутурлин, предводительствуя Детями Боярскими, Татарами, Мордвою, снова опустошил правый берег Днепра и вывел 4800 пленников обоего пола. Между тем Литовцы тревожили впадением область Дерптскую; а Козаки Сигизмундовы грабили купцев и Посланников Иоанновых на пути из Москвы в Тавриду.-Но скоро война сделалась важнее, по крайней мере для нас опаснее, от неожиданной измены одного из славнейших Воевод Иоанновых.

Ужас, наведенный жестокостями Царя на всех Россиян, произвел бегство многих из них в чужие земли. Князь Димитрий Вишневецкий служил примером: усердный ко славе нашего отечества, и любив Иоанна добродетельного, он не хотел подвергать себя злобному

своенравию тирана: из воинского стана в южной России ушел к Сигизмунду, который принял Дмитрия милостиво как злодея Иоаннова и дал ему собственного медика, чтобы излечить сего славного воина от тяжкого недуга, произведенного в нем отравой. Но Вишневецкий не думал Лить кровь единовѣрных Россiян: тайно убеждаемый некоторыми Вельможами Молдавии изгнать недостойного их Господаря, Стефана, он с дружиною верных Козаков спешил туда искать новой славы и был жертвою обмана; никто не явился под знамена Героя: Стефан пленил Вишневецкого и послал в Константинополь, где Султан велел умертвить его. — Вслед за Вишневецким отъехали в Литву два брата, знатные сановники, Алексей и Гаврило Черкасские, без сомнения угрожаемые опалой. Бегство не всегда измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: *спасаться от мучителя*, но горе гражданину, который за тирана мстит отечеству! Юный, бодрый Воевода, в нежном цвете лет ознаменованный славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, Герой под Тулою, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг Царя, возложил на себя печать стыда и долг на историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников. То был Князь Андрей Курбский. Доселе он имел славу заслуг, не имея ни малейшего пятна на сей славе в глазах потомства; но Царь уже не любил его как друга Адашевых: искал только случая обвинить невинного. Начальствуя в Дерпте, сей гордый Воевода сносил выговоры, разные оскорбления; слышал угрозы; наконец сведал, что ему готовится погибель. Не боясь смерти в битвах, но уstraшенный казнию, Курбский спросил у жены своей, чего она желает: видеть ли его мертвого пред собою или расстаться с ним живым навеки? Великодушная с твердостью ответствовала, что жизнь супруга ей драгоценнее счастья. Заливаясь слезами, он простился с нею, благословил девятилетнего сына, ночью тайно вышел из дому, пролез через городскую стену, нашел двух оседланных коней, изготовленных его верным слугою, и благополучно достиг Вольмара, занятого Литовцами. Там Воевода Сигизмундов принял изгнанника как друга, именем Королевским обещая ему знатный сан и богатство. Первым делом Курбского было изъясниться с Иоанном: открыть душу свою, исполненную горести и негодования. В порыве сильных чувств он написал письмо к Царю: усердный слуга, единственный товарищ его, взялся доставить оное, и сдержал слово: подал запечатанную бумагу самому государю в Москве, на Красном крыльце, сказав: «от господина

моего, твоего изгнанника, Князя Андрея Михайловича». Гневный Царь ударил его в ногу острым жезлом своим: кровь лилася из язвы: слуга, стоя неподвижно, безмолвствовал. Иоанн оперся на жезл и велел читать вслух письмо Курбского такого содержания.

«Царю, некогда светлому, от Бога прославленному — ныне же, по грехам нашим, омраченному адскою злобою в сердце, прокаженному в совести, тирану беспримерному между самыми неверными владыками земли. Внимай! В смятении горести сердечной скажу мало, но истину. Почто различными муками истерзал ты Сильных во Израиле, вождей знаменитых, данных тебе Вседержителем, и Святую, победоносную кровь их пролиал во храмах Божиих? Разве они не пылали усердием к Царю и отечеству? Вымышляя клевету, ты верных называешь изменниками, Христиан чародеями, свет тьмою и сладкое горьким! Чем прогневали тебя сии предстатели отечества? Не ими ли разорены Батыевы Царства, где предки наши томились в тяжкой неволе? Не ими ли взяты твердыни Германские в честь твоего имени? И что же воздаешь нам, бедным? Гибель! Разве ты сам бессмертен? Разве нет Бога и правосудия Вышнего для Царя?.. Не описываю всего, претерпенного мною от твоей жестокости: еще душа моя в смятении; скажу единое: ты лишил меня святыя Руси! Кровь моя, за тебя излианная, вопиет к Богу. Он видит сердца. Я искал вины своей, и в делах и в тайных помышлениях; вопрошал совесть, внимал ответам ее, и не ведаю греха моего пред тобою. Я водил полки твои, и никогда не обращал хребта их к неприятелю: слава моя была твоею. Не год, не два служил тебе, но много лет, в трудах и в подвигах воинских, терпя нужду и болезни, не видя матери, не зная супруги, далеко от милого отечества. Исчисли битвы, исчисли раны мои! Не хвалюся: Богу все известно. Ему поручаю себя в надежде на заступление Святых и праотца моего, Князя Феодора Ярославского... Мы расстались с тобою навеки: не увидишь лица моего до дни Суда Страшного. Но слезы невинных жертв готовят казнь мучителю. Бойся и мертвых: убитые тобою живы для Всевышнего: они у престола Его требуют мести! Не спасут тебя воинства; не сделают бессмертным ласкатели, Бояре недостойные, товарищи пиров и неги, губители души твоей, которые приносят тебе детей своих в жертву! — Сию грамоту, омоченную слезами моими, велю положить в гроб с собою и явлюся с нею на суд Божий. Аминь. Писано в граде Вольмаре, в области Короля Сигизмунда, Государя моего, от коего с Божиею помощию надеюсь милости и жду утешения в скорбях».

Иоанн выслушал чтение письма и велел пытаться вручителя, чтобы

узнать от него все обстоятельства побега, все тайные связи, всех единомышленников Курбского в Москве. Добродетельный слуга, именем Василий Шибанов (сие имя принадлежит Истории) не объявил ничего; в ужасных муках хвалил своего отца-господина; радовался мыслию, что за него умирает. Такая великодушная твердость, усердие, любовь, изумили всех и самого Иоанна, как он говорит о том в письме к изгнаннику: ибо Царь, волнуемый гневом и внутренним беспокойством совести, немедленно отвечал Курбскому. «Во имя Бога всемогущего (пишет Иоанн), Того, Кем живем и движемся, Кем Цари Царствуют и Сильные глаголют, смиренный Христианский ответ бывшему Российскому Боярину, нашему советнику и Воеводе, Князю Андрею Михайловичу Курбскому, *восхотевшему быть Ярославским владыкою* ... Почто, несчастный, губишь свою душу изменою, спасая брненное тело бегством? Если ты праведен и добродетелен, то для чего же не хотел умереть от меня, строптивного Владыки, и наследовать венец Мученика? Что жизнь, что богатство и слава мира сего? Суета и тень: блажен, кто смертью приобретает душевное спасение! Устыдися раба своего, Шибанова: он сохранил благочестие пред Царем и народом; дав господину обет верности, не изменил ему при вратах смерти. А ты, от единого моего гневного слова, тяготишь себя клятвою изменников; не только себя, но и душу предков твоих: ибо они клялися великому моему деду служить нам верно со всем их потомством. Я читал и разумел твое писание. Яд аспида в устах изменника; слова его подобны стрелам. Жалуешься на претерпенные тобою гонения; но ты не уехал бы ко врагу нашему, если бы мы не излишно миловали вас, недостойных! Я иногда наказывал тебя за вины, но всегда легко, и с любовью; а жаловал примерно. Ты в юных летах был Воеводою и советником Царским; имел все почести и богатство. Вспомни отца своего: он служил в Боярах у Князя Михайла Кубенского! Хвалишься пролитием крови своей в битвах: но ты единственно платил долг отечеству. И велика ли слава твоих подвигов? Когда Хан бежал от Тулы, вы пировали на обеде у Князя Григория Темкина, и дали неприятелю время уйти восвояси. Вы были под Невлем с 15000 и не умели разбить четырех тысяч Литовцев. Говоришь о Царствах Батыевых, будто бы вами покоренных: разумеешь Казанское (ибо милость твоя не видала Астрахани): но чего нам стоило вести вас к победе? Сами идти не желая, вы безумными словами и в других охлаждали ревность к воинской славе. Когда буря истребила под Казанью суда наши с запасом, вы хотели бежать малодушно — и безвременно требовали решительной битвы, чтобы возвратиться в дома, победителями или

побежденными, но только скорее. Когда Бог даровал нам город, что вы делали? Грабили! А Ливониею можете ли хвалиться? Ты жил праздно во Пскове, и мы семь раз писали к тебе, писали к Князю Петру Шуйскому: *идите на Немцев*. Вы с малым числом людей взяли тогда более пятидесяти городов; но своим ли умом и мужеством? Нет, только исполнением, хотя и ленивым, нашего распоряжения. Что ж вы сделали после с своим мудрым начальником Алексеем Адашевым, имея у себя войско многочисленное? едва могли взять Феллин: ушли от Пайды (Вейсенштейна)! Если бы не ваша строптивость, то Ливония давно бы вся принадлежала России. Вы побеждали невольно, действуя как рабы, единственно силою понуждения. Вы, говорите, проливали за нас кровь свою: мы же проливали пот и слезы от вашего неповиновения. Что было отечество в ваше царствование и в наше малолетство? Пустынею от Востока до Запада; а мы, уняв вас, устроили села и грады там, где витали дикие звери. Горе дому, коим владеет жена; горе Царству, коим владеют многие! Кесарь Август повелевал вселенною, ибо не делился ни с кем властью: Византия пала, когда Цари начали слушаться Эпархов, Синклитов и Попов, братьев вашего Сильвестра». Тут Иоанн описывает уже известные читателю вины бывших своих любимцев и продолжает: «Бесстыдная ложь, что говоришь о наших мнимых жестокостях! Не губим Сильных во Израиле; их кровию не обагрим церквей Божиих: *сильные*, добродетельные здравствуют и служат нам. Казним одних изменников — и где же щадят их? Константин Великий не пощадил и сына своего, а предок ваш, святой Князь Феодор Ростиславич, сколько убил Христиан в Смоленске? Много опал, горестных для моего сердца; но еще более измен гнусных, везде и всем известных. Спроси у купцев чужеземных, приезжающих в наше Государство: они скажут тебе, что твои *предстатели* суть злодеи уличенные, коих не может носить земля Русская. И что такое *предстатели отечества*? Святые ли, боги ли, как Аполлоны, Юпитеры? Доселе Владетели Российские были вольны, независимы: жаловали и казнили своих подданных без отчета. Так и будет! Уже я не младенец. Имею нужду в милости Божией, Пречистыя Девы Марии и Святых Угодников: наставления человеческого не требую. Хвала Всевышнему: Россия благоденствует; Бояре мои живут в любви и согласии: одни друзья, советники ваши, еще во тьме коварствуют. — Угрожаешь мне судом Христовым на том свете: а разве в сем мире нет власти Божией? Вот ересь Манихейская! Вы думаете, что Господь Царствует только на небесах, Дьявол во аде, на земле же властвуют люди: нет, нет! везде Господня Держава, и в сей и в будущей жизни. —

Ты пишешь, что я не узрю здесь лица твоего *Ефиопского* : горе мне! Какое бедствие! — Престол Всевышнего окружаешь ты убиенными мною: вот новая ересь! Никто, по слову Апостола, не может видеть Бога. — Положи свою грамоту в могилу с собою: сим докажешь, что и последняя искра Христианства в тебе угасла: ибо Христианин умирает с любовью, с прощением, а не с злобою. — К довершению измены называешь Ливонский город Вольмар областью Короля Сигизмунда и надеешься от него милости, оставив своего законного, Богом данного тебе Властителя. Ты избрал себе Государя лучшего! Великий Король твой есть раб рабов: удивительно ли, что его хвалят рабы? Но умолкаю: Соломон не велит плодить речей с безумными: таков ты действительно: — Писано наша Великия России в Царствующем граде Москве, лета мироздания 7072, Июля месяца в 5 день».

Сие письмо, наполненное изречениями Ветхого и Нового завета, свидетельствами историческими, богословскими толкованиями и грубыми насмешками, составляет целую книгу в подлиннике. Курбский отвечал на оное с презрением: стыдил Иоанна забвением властительского достоинства, унижаемого языком бранным, суесловием жалким, непристойною смесию Божественных сказаний с ложью и клеветами. «Я невинен и бедствую в изгнании, — говорит он: — добрые жалеют обо мне: следственно не ты! Пождем мало: истина не далеко». Доселе можем осуждать изгнанника только за *извительность* жалобы и за то, что он наслаждению мести, удовольствию терзать мучителя словами смелыми, пожертвовал добрым, усердным слугою: по крайней мере еще не видим в нем государственного преступника, и не можем верить обвинению, что Курбский хотел будто бы назваться *Государем Ярославским* . Но, увлеченный страстию, сей муж злополучный лишил себя выгоды быть правым и главного утешения в бедствиях: внутреннего чувства добродетели. Он мог без угрызения совести искать убежища от гонителя в самой Литве: к несчастию, сделал более: пристал ко врагам отечества. Обласканный Сигизмундом, награжденный от него богатым поместьем Ковельским, он предал ему свою честь и душу; советовал, как губить Россию; упрекал Короля слабостию в войне; убеждал его действовать смелее, не жалеть казны, чтобы возбудить против нас Хана — и скоро услышали в Москве, что 70000 Литовцев, Ляхов, Прусских Немцев, Венгров, Волохов с изменником Курбским идут к Полоцку; что Девлет-Гирей с 60000 хищников вступил в Рязанскую область...

Сия последняя весть изумила Царя: он ехал тогда на богомолье в Суздаль, всякой день ожидая новой шертной грамоты от Хана, который

обещал ему и мир и союз. Грамота в самом деле была написана, и Посол Иоаннов Афанасий Нагой уже готовился к отъезду из Тавриды; но золото Сигизмундово все переменяло: взяв его, Девлет-Гирей устремился на Россию, беззащитную, как он думал: ибо Король писал к нему, что Иоанн со всеми полками на Ливонской границе. Обманутый дружелюбными уверениями Хана, Царь действительно распустил наши полки украинские, так что в Рязани, осажденной Девлет-Гиреем, не было ни одного воина, кроме жителей. Она спаслася геройством двух любимцев Государевых, Боярина Алексея Басманова и сына его Федора, которые, находясь тогда в их богатом поместье на берегу Оки, первые известили Царя о неприятеле, первые вооружились с людьми своими, разбили несколько отрядов Ханских и засели в Рязани, где ветхие стены падали, но где ревность, неустрашимость сих витязей, вместе с увещаниями Епископа Филофея, одушевили граждан редким мужеством. Крымцы приступали днем и ночью без успеха: трупы их лежали грудями под стенами. Действие нашего огнестрельного снаряда не давало им отдыха и в стане. Узнав, что Иоанн в Москве, что Воеводы Федоров и Яковлев с Царскою дружиною уже стоят на берегу Оки, что из Михайлова, из Деилова идет к ним войско — что смелые наездники Российские везде бьют Крымцев, приближаясь к самому их стану — Девлет-Гирей ушел еще скорее, нежели пришел; не дождался и своих отрядов, которые жгли берега Оки и Вожи. За ним не гнались; но Ширинский Князь его, Мамай, хотел долее грабить в селах Пронских, был разбит и взят в плен с 500 Крымцев; на месте легло их более трех тысяч. Через 6 дней все затихло: уже не было слуха о Крымцах. Иоанн, оставив Царицу и детей в Александровской Слободе, выезжал из Москвы к войску, когда Басмановы донесли ему о бегстве неприятеля: личная доблесть и слава сих двух любимцев еще более оживляла его радость: он дал им золотые медали.

Внимание Государя обратилось на Полоцк: и там мы торжествовали, к стыду изменника нашего и гордого Пана Радзивила, главного Воеводы Сигизмундова. Они расположились станом в двух верстах от города, между реками Двиною и Полотою, в надежде, что возьмут его одним страхом или изменою; но Воевода Полоцкий, Князь Петр Щенятев, ответствовал на их предложения выстрелами, а бывший Царь Казанский Симеон, Князя Иван Пронский, Петр и Василий Оболенские-Серебряные спешили из Великих Лук зайти неприятелю в тыл: ибо Государь, угадывая действие советов Курбского, заблаговременно усилил полки свои на сей границе. Радзивил не имел доверенности к Курбскому (такова участь предателей!): вопреки его

мнению, опасался битвы, в коей мог быть между двумя огнями; 17 дней стоял праздно; терял людей от выстрелов из крепости — и 4 Октября перешел на Литовскую сторону Двины. Сего не довольно: Воеводы Московские, изгнав Литовцев, взяли приступом [6 Ноября] Озерище, и славный победитель Шуйского не сделал ни малейшего движения, чтобы спасти сию важную крепость. — В ту же осень Князь Василий Прозеровский отразил Литовцев от Чернигова и, взяв знамя Пана Сапеги, заслужил Царскую милость. Зимой Курбский с 15000 воинов Королевских входил в область Великих Лук; но подвиги его состояли единственно в разорении сел, даже монастырей. «То сделалось против моей воли, — писал он к Иоанну: — нельзя было удержать хищных ратников. Я воевал мое отечество так же, как Давид, гонимый Саулом, воевал землю Израильскую».

К общему распоряжению Короля принадлежали и действия Воевод его в Ливонии: чтобы способствовать успехам Хана и Радзивила, он велел Князю Александру Полубенскому и другим своим Воеводам идти к Мариенбургу, Дерпту, в область Псковскую. Было несколько дел, довольно важных: в одном храбрый витязь Иоаннов Василий Вешняков разбил неприятеля, а в другом Князь Иван Шуйский и меньший Шереметев уступили ему поле битвы. Литовцы не могли овладеть Красным; не могли защитить окрестностей Шмильтена, Вендена, Вольмара, Роннебурга, откуда мужественный Воевода Бутурлин вывел 3200 пленников: за что Государь прислал к нему золотые медали. Силы Литовцев были разделены: они сражались и с нами и с Шведами; последние же на сухом пути с ними, а на море с Датчанами, за спорную Ливонию, к удовольствию Иоанна, который внутренне смеялся над их усилиями, считая себя единственным ее законным Государем.

Иоанн надеялся еще далее распространить пламя войны Ливонской и найти нового, усердного сподвижника против Короля Сигизмунда в Великом Магистре Немецком, Вольфганге: ибо сей древний Орден, утратив свое бытие в Пруссии, был восстановлен в Германии, более именем и обрядами, нежели духом и характером. Вольфганг писал к Царю, что он мыслит с помощью Императора завоевать Пруссию, желает союза России, дабы общими силами наступить на Сигизмунда, и шлет Послов в Москву: они действительно приехали (в Сентябре 1564 года) с письмами от Императора Фердинанда и Магистра, но единственно для того, чтобы исходатайствовать свободу пленнику, старцу Фирстенбергу: не было слова о союзе и войне. Государь с досадою отвечал, что Магистр ныне говорит одно, а завтра иное; что если Вольфганг отнимет у

Сигизмунда Ригу и Венден, то Царь пожалует ими Фирстенберга; что Императору не будет ответа, ибо он писал к Царю не с своим, а с чужими Послами.

Таким образом измена Курбского и замысел Сигизмундов потрясти Россию произвели одну кратковременную тревогу в Москве. Но сердце Иоанново не успокоилось, более и более кипело гневом, волновалось подозрениями. Все добрые Вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского: он видел предательство в их печальных взорах, слышал укоризны или угрозы в их молчании; требовал доносов и жаловался, что их мало: самые бесстыдные клеветники не удовлетворяли его жажде к истязанию. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были пред ними и еще не издыхали, к его изумлению и муке. Иоанн искал предлога для новых ужасов — и вдруг, в начале зимы 1564 года, Москва узнала, что Царь едет неизвестно куда, с своими ближними, Дворянами, людьми Приказными, воинскими, поимянно созванными для того из самых городов отдаленных, с их женами и детьми. 3 Декабря, рано, явилось на Кремлевской площади множество саней: в них сносили из дворца золото и серебро, святые иконы, кресты, сосуды драгоценные, одежды, деньги. Духовенство, Бояре ждали Государя в церкви Успения: он пришел и велел Митрополиту служить Обедню; молился с усердием; принял благословение от Афанасия, милостиво дал целовать руку свою Боярам, чиновникам, купцам; сел в сани с Царицею, с двумя сыновьями, с Алексеем Басмановым, Михайлом Салтыковым, Князем Афанасием Вяземским, Иваном Чеботовым, с другими любимцами, и провождаемый целым полком вооруженных всадников, уехал в село Коломенское, где жил две недели за распутьем: ибо сделалась необыкновенная оттепель, шли дожди и реки вскрылись. 17 Декабря он с обозами своими переехал в село Тайнинское, оттуда в монастырь Троицкий, а к Рождеству в Александровскую Слободу. — В Москве, кроме Митрополита, находились тогда многие Святители: они вместе с Боярами, вместе с народом, не зная, что думать о Государевом необыкновенном, таинственном путешествии, беспокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайного и, без сомнения, не радостного. Прошел месяц.

[1565 г.] 3 Генваря вручили Митрополиту Иоаннову грамоту, присланную с чиновником Константином Поливановым. Государь описывал в ней все мятежи, неустройства, беззакония Боярского правления во время его малолетства; доказывал, что и Вельможи и приказные люди расхищали тогда казну, земли, поместья Государевы:

радели о своем богатстве, забывая отечество; что сей дух в них не изменился; что они не перестают злодействовать: Воеводы не хотят быть защитниками Христиан, удаляются от службы, дают Хану, Литве, Немцам терзать Россию; а если Государь, движимый правосудием, объявляет гнев недостойным Боярам и чиновникам, то Митрополит и Духовенство вступаются за виновных, грубят, стужают ему. «Вследствие чего, — писал Иоанн, — не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили Государство и поехали, куда Бог укажет нам путь». — Другую грамоту прислал он к гостям, купцам и мещанам: Дьяки Путило Михайлов и Андрей Васильев в собрании народа читали оную велегласно. Царь уверял добрых Москвитян в своей милости, сказывая, что опала и гнев его не касаются народа.

Столица пришла в ужас: безначалие казалось всем еще страшнее тиранства. «Государь нас оставил! — вопил народ: — мы гибнем! Кто будет нашим защитником в войнах с иноплеменными? Как могут быть овцы без пастыря?» Духовенство, Бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали от Митрополита, чтобы он умолил Иоанна, никого не жалея и ничего не страшась. Все говорили ему одно: «Пусть Царь казнит своих лиходеев: в животе и в смерти воля его; но Царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем. Мы все *с своими головами* едем за тобою *бить челом Государю и плакаться* ». То же говорили купцы и мещане, прибавляя: «Пусть Царь укажет нам своих изменников: мы сами истребим их!» Митрополит немедленно хотел ехать к Царю; но в общем Совете положили, чтобы Архипастырь остался блюсти столицу, которая была в неопisanном смятении. Все дела пресеклись; суды, Приказы, лавки, караульни опустели. Избрали главными Послами Святителя Новгородского Пимена и Чудовского Архимандрита Левкия; но за ними отправились и все другие Епископы: Никандр Ростовский, Елевферий Суздальский, Филофей Рязанский, Матфей Крутицкий, Архимандриты Троицкий, Симоновский, Спасский, Андрониковский; за Духовенством Вельможи, Князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, — все Бояре, Окольничие, Дворяне и Приказные люди, прямо из палат Митрополитовых, не захав к себе в дома; также и многие гости, купцы, мещане, чтобы *ударить челом Государю и плакаться* .

Святители остановились в Слотине, послав доложить о себе Иоанну: он велел им ехать в Александровскую Слободу с Приставами и 5 Генваря впустил их во дворец. Сказав Царю благословение от Митрополита, Епископы слезно молили его снять опалу с Духовенства,

с Вельмож, Дворян, Приказных людей, не оставлять Государства, Царствовать и действовать, как ему угодно; молили наконец, чтобы он дозволил Боярам видеть очи Царские. Иоанн впустил и Бояр, которые с таким же умилением, с такою же силою убеждали Царя сжалиться над Россиею, возвеличенною его победами и мудрыми уставами, славною мужеством ее народа многочисленного, богатою сокровищами природы, еще славнейшею благоверием. «Когда, — сказали вместе и духовные и государственные сановники, — когда ты не уважаешь мирского величия и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыню храмов, где совершились чудеса Божественной к тебе милости, где лежат целебные мощи Угодников Христовых. Вспомни, что ты блюститель не только Государства, но и Церкви: первый, единственный Монарх Православия! Если удалишься, кто спасет истину, чистоту нашей Веры? Кто спасет миллионы душ от гибели вечной?» — Царь отвечал с своим обыкновенным многоречием: повторил все известные упреки Боярам в их своевольстве, нерадении, строптивости: ссылаясь на историю: доказывал, что они издревле были виновниками кровопролития, междоусобия в России, издревле врагами державных наследников Мономаховых: хотели (обвинение новое!) известить Царя, супругу, сыновей его... Бояре безмолвствовали. «Но, — продолжал Царь, — для отца моего Митрополита Афанасия, для вас, богомольцев наших, Архиепископов и Епископов, соглашаюсь паки *взять свои Государства*; а на каких условиях, вы узнаете». Условия состояли в том, чтобы Иоанну невозбранно казнить изменников, опалою, смертию, лишением достоинства, без всякого стужения, без всяких претительных докуч со стороны Духовенства. В сих десяти словах Иоанн изрек гибель многим Боярам, которые пред ним стояли: казалось, что никто из них не думал о своей жизни; хотели единственно возвратить Царя Царству — и все со слезами благодарили, славили Иоаннову милость, Вельможи и Духовенство, у коего отнимал Государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинных, но и за виновных, еще достойных милосердия! — Грозный Владыка, как бы смягченный смирением обреченных жертв, велел Святителям праздновать с ним Богоявление; удержал в слободе Князей Бельского и Щенятева, а других Бояр вместе с Дьяками отпустил в Москву, чтобы дела не остановились в приказах.

Москва с нетерпением ждала Царя, и долго; говорили, что он занимается тайным делом с людьми ближними; угадывали оное не без боязни. Наконец, 2 Февраля, Иоанн торжественно въехал в столицу и на

другой день созвал Духовенство, Бояр, знатнейших чиновников. Вид его изумил всех. Опишем здесь наружность Иоаннову. Он был велик ростом, строен; имел *высокие* плечи, крепкие мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный ус, нос римский, глаза небольшие, серые, но светлые, пронизательные, исполненные огня, и лицо некогда приятное. В сие время он так изменился, что нельзя было узнать его: на лице изображалась мрачная свирепость; все черты исказились; взор угас; а на голове и в бороде не осталось почти ни одного волоса, от неизъяснимого действия ярости, которая кипела в душе его. Снова исчислив вины Бояр и подтвердив согласие остаться Царем, Иоанн много рассуждал о должности Венценосцев блюсти спокойствие Держав, брать все нужные для того меры — о кратковременности жизни, о необходимости видеть далее гроба, и предложил устав *опричнины* : имя, дотоле неизвестное! Иоанн сказал, что он для своей и государственной безопасности учреждает особенных телохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недоверчивость, боязливость, свойственную нечистой совести; но обстоятельства удивили, а следствия привели в новый ужас Россию. 1) Царь объявлял своею собственностью города Можайск, Вязьму, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галич, Юрьевец, Балахну, Вологду, Устюг, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости Московские и другие с их доходами; 2) выбирал 1000 телохранителей из Князей, Дворян, Детей Боярских и давал им поместья в сих городах, а тамошних вотчинников и владельцев переводил в иные места; 3) в самой Москве взял себе улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцевым Врагом, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех Дворян и приказных людей, не записанных в Царскую тысячу; 4) назначил *особенных* сановников для услуг своих: Дворецкого, казначеев, Ключников, даже поваров, хлебников, ремесленников; 5) наконец, как бы возненавидев славные воспоминания Кремлевские и священные гробы предков, не хотел жить в великолепном дворце Иоанна III: указал строить новый за Неглинною, между Арбатом и Никитскою улицею, и подобно крепости оградить высокою стеною. Сия часть России и Москвы, сия тысячная дружина Иоаннова, сей новый двор, как отдельная собственность Царя, находясь под его непосредственным ведомством, были названы *опричниною* , а все остальное — то есть, все Государство — *земщиною* , которую Иоанн поручал Боярам, *земским* , Князьям Бельскому, Мстиславскому и другим, велев старым государственным чиновникам — Конюшему, Дворецкому, казначеям, —

Дьякам — сидеть в их Приказах, решить все дела гражданские, а в важнейших относиться к Боярам, коим дозволялось в чрезвычайных случаях, особенно по ратным делам, ходить с докладом к государю. То есть Иоанн по-видимому желал как бы удалиться от Царства, стеснив себя в малом кругу частного Владетеля, и в доказательство, что *Государево* и *государственное* уже не одно знаменуют в России, требовал себе из казны земской 100000 рублей за издержки его путешествия от Москвы до Слободы Александровской! — Никто не противоречил: воля Царская была законом. Обнародовали новое учреждение.

4 Февраля Москва увидела исполнение *условий*, объявленных Царем Духовенству и Боярам в Александровской Слободе. Начались казни мнимых изменников, которые будто бы вместе с Курбским умышляли на жизнь Иоанна, покойной Царицы Анастасии и детей его. Первою жертвою был славный Воевода Князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, потомок Св. Владимира, Всеволода Великого и древних Князей Суздальских, знаменитый участник в завоевании Казанского Царства, *муж ума глубокого*, искусный в делах ратных, ревностный друг отечества и Христианин. Ему надлежало умереть вместе с сыном, Петром, семнадцатилетним юношею. Оба шли к месту казни без страха, спокойно, держа друг друга за руку. Сын не хотел видеть казни отца, и первый склонил под меч свою голову: родитель отвел его от плахи, сказав с умилением: «да не зрю тебя мертвого!» Юноша уступил ему первенство, взял отсеченную голову отца, поцеловал ее, взглянул на небо и с лицом веселым отдал себя в руки палача. Шурин Горбатого Петр Ховрин (родом Грек), Окольничий Головин, Князь Иван Сухой-Кашин, и Кравчий, Князь Петр Иванович Горенский, были казнены в тот же день; а Князь Дмитрий Шевырев посажен на кол: пишут, что сей несчастный страдал целый день, но, укрепляемый верою, забывал муку и пел канон Иисусу. Двух Бояр, Князей Ивана Курадкина и Дмитрия Немого, постригли; у многих Дворян и Детей Боярских отняли имение; других с семействами сослали в Казань. — Один из знатнейших Вельмож, ближний родственник добродетельной Царицы Анастасии, Боярин и Воевода Иван Петрович Яковлев, также навлек на себя опалу; но Иоанн в самом ожесточении еще любил хвалиться милосердием: простив Яковлева, взял с него клятвенную грамоту, утвержденную подписями Святителей, в том, чтобы не уходить ему из России ни в Литву, ни к Папе, ни к Императору, ни к Султану, ни к Князю *Владимиру Андреевичу*, и не иметь с ним никаких тайных сношений. Мы упоминали о ссылке

первостепенного Боярина, славного Воеводы, Князя Михаила Воротынского: лишенный имения, он года четыре жил на Белеозере, получая от Государевой казны около 100 рублей ежегодно, сверх запаса, вин, плодов иноземных, одежды, белья. Наконец Иоанн возвратил сего знаменитого изгнанника ко двору, в Думу: сделал Наместником Казанским и *Державцем* Новосильским, обязав его в верности такую же грамотою, как и Яковлева, с прибавлением, что Митрополит и Епископы были их ходатаями. Не велел Духовенству вступаться за опальных, Царь желал польстить ему сим милостивым словом. Но ходатаев уже не было! Духовенство могло только слезами орошать олтари и воссылать теплые молитвы к Богу о спасении несчастных! — Другие Бояре — Лев Андреевич Салтыков, Князя Василий Серебряный, Иван Охлябинин, Захария Очин-Плещеев — должныствовали представить за себя ручателей в неизменной службе государю; а в случае их бегства ручатели (не только именитые сановники, но и купцы) обязывались внести знатную сумму денег в казну: например, за Князя Серебряного 25000 рублей или около полумиллиона нынешних. Предосторожность бесполезная и постыдная для Государя; но сей Государь был тиран!

После казней Иоанн занялся образованием своей новой дружины. В совете с ним сидели Алексей Басманов, Малюта Скуратов, Князь Афанасий Вяземский, и другие любимцы. К ним приводили молодых Детей Боярских, отличных не достоинствами, но так называемым удалством, распутством, готовностью на все. Иоанн предлагал им вопросы о роде их, о друзьях и покровителях: требовалось именно, чтобы они не имели никакой связи с знатными Боярами; неизвестность, самая низость происхождения вменялась им в достоинство. Вместо тысячи, Царь избрал 6000, и взял с них присягу служить ему верою и правдою, доносить на изменников, не дружить с *земскими* (то есть, со всеми не записанными в опричнину), не водить с ними хлеба-соли, не знать ни отца, ни матери, знать единственно Государя. За то Государь дал им не только земли, но и дома и всю движимую собственность старых владельцев (числом 12000), высланных из пределов опричнины с голыми руками, так что многие из них, люди заслуженные, израненные в битвах, с женами и детьми шли зимою пешком в иные отдаленные, пустые поместья. Самые земледельцы были жертвою сего несправедливого учреждения: новые Дворяне, которые из нищих сделались большими господами, хотели пышностию закрасить свою подлость, имели нужду в деньгах, обременяли крестьян налогами, трудами: деревни разорились. Но сие зло казалось еще мало важным в

сравнении с другим. Скоро увидели, что Иоанн предает всю Россию в жертву своим опричным: они были всегда правы в судах, а на них не было ни суда, ни управы. Опричник или *кромешник* — так стали называть их, как бы извергов тьмы *кромешней* — мог безопасно теснить, грабить соседа, и в случае жалобы брал с него пеню за бесчестье. Сверх многих иных злодейств, к ужасу мирных граждан, следующее вошло в обыкновение: слуга опричника, исполняя волю господина, с некоторыми вещами прятался в доме купца или Дворянина; господин заявлял его мнимое бегство, мнимую кражу; требовал в суде пристава, находил своего беглеца с поличным и взыскивал с невинного хозяина пятьсот, тысячу или более рублей. Не было снисхождения: надлежало или немедленно заплатить или идти на правед : то есть неудовлетворенному истцу давалось право вывести должника на площадь и сечь его всенародно до уплаты денег. Иногда опричник сам подметывал что-нибудь в богатую лавку, уходил, возвращался с приставом, и за сию будто бы краденную у него вещь разорял купца; иногда, схватив человека на улице, вел его в суд, жалуясь на вымышленную обиду, на вымышленную брань: ибо сказать неучтивое слово кромешнику значило оскорбить самого Царя; в таком случае невинный спасался от телесной казни тягостною денежною пенею. Одним словом, люди земские, от Дворянина до мещанина, были безгласны, безответны против опричных; первые были *ловом* , последние *ловцами* , и единственно для того, чтобы Иоанн мог надеяться на усердие своих разбойников-телохранителей в новых, замышляемых им убийствах. Чем более Государство ненавидело опричных, тем более Государь имел к ним доверенности: сия общая ненависть служила ему залогом их верности. — Затейливый ум Иоаннов изобрел достойный символ для своих ревностных слуг: они ездили всегда с *собачьими головами* и с *метлами* , привязанными к седлам, в ознаменование того, что *грызут* лиходеёв Царских и *метут* Россию!

Хотя новый дворец уподоблялся неприступной крепости, но Иоанн не считал себя и в нем безопасным: по крайней мере не взлюбил Москвы и с сего времени жил большею частию в Слободе Александровской, которая сделалась городом, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошний славный храм Богоматери сиял снаружи разными цветами, серебром и золотом: на всяком кирпиче был изображен крест. Царь жил в больших палатах, обведенных рвом и валом; придворные, государственные, воинские чиновники в особенных домах. Опричники имели свою улицу; купцы

также. Никто не смел ни въехать, ни выехать оттуда без ведома Иоаннова: для чего в трех верстах от *Слободы*, прозванной *Неволею*, обыкновенно стояла воинская стража. — В сем грозно-увеселительном жилище, окруженном темными лесами, Иоанн посвящал большую часть времени церковной службе, чтобы непрестанною набожною деятельностью успокоивать душу. Он хотел даже обратить дворец в монастырь, а любимцев своих в Иноков: выбрал из опричников 300 человек, самых злейших, назвал *братиєю*, себя Игуменом, Князя Афанасия Вяземского Келарем, Малюту Скуратова Параклисиархом; дал им *тафьи*, или скуфейки, и черные рясы, под коими носили они богатые золотом блестящие кафтаны с собольею опушкою; сочинил для них устав Монашеский, и служил примером в исполнении онаго. Так описывают сию монастырскую жизнь Иоаннову: в четвертом часу утра он ходил на колокольню с Царевичами и с Малютою Скуратовым благовестить к Заутрене; братья спешили в церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневным заключением. Служба продолжалась до шести или семи часов. Царь пел, читал, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крепких земных поклонов. В 8 часов опять собирались к Обедне, а в 10 садились за братскую трапезу, все, кроме Иоанна, который стоя читал вслух душеспасительные наставления. Между тем братья ели и пили досыта; всякой день казался праздником: не жалели ни вина, ни меду; остаток трапезы выносили из дворца на площадь для бедных. Игумен — то есть, Царь — обедал после; беседовал с любимцами о Законе; дремал или ехал в темницу пытаться какого-нибудь несчастного. Казалось, что сие ужасное зрелище забавляло его: он возвращался с видом сердечного удовольствия; шутил, говаривал тогда веселее обыкновенного. В 8 часов шли к Вечерне; в десятом Иоанн уходил в спальню, где трое слепых, один за другим, рассказывали ему сказки: он слушал их и засыпал, но не надолго: в полночь вставал — и день его начинался молитвою! Иногда докладывали ему в церкви о делах государственных; иногда самые жестокие повеления давал Иоанн во время Заутрени или Обедни! Единообразие сей жизни он прерывал так называемыми *объездами*: посещал монастыри, и ближние и дальние; осматривал крепости на границе; ловил диких зверей в лесах и пустынях; любил в особенности медвежью травлю; между тем везде и всегда занимался делами: ибо земские Бояре, мнимо-уполномоченные Правители Государства, не смели ничего решить без его воли. Когда приезжали к нам знатные послы иноземные, Иоанн являлся в Москве с обыкновенным великолепием и торжественно принимал их в новой Кремлевской

палате, близ церкви Св. Иоанна; являлся там и в других важных случаях, но редко. Опричники, блистая в своих золотых одеждах, наполняли дворец, но не заграждали пути к престолу и старым Боярам: только смотрели на них спесиво, величаясь как подлые рабы в чести недостойной.

Кроме сих любимцев, Иоанн удивительным образом честил тогда некоторых Ливонских пленников. В июне 1565 года, обвиняя Дерптских граждан в тайных сношениях с бывшим Магистром, он вывел оттуда всех Немцев и сослал в Владимир, Углич, Кострому, Нижний Новгород с женами и детьми; но дал им пристойное содержание и Христианского наставника Дерптского Пастора Веттермана, который мог свободно ездить из города в город, чтобы утешать их в печальной ссылке: Царь отменно уважал сего добродетельного мужа и велел ему разобрать свою библиотеку, в коей Веттерман нашел множество редких книг, привезенных некогда из Рима, вероятно Царевною Софиею. Немцы Эберфельд, Кальб, Таубе, Крузе вступили к нам в службу, и хитрою лестию умели вкрасться в доверенность к Иоанну. Уверяют даже, что Эберфельд склонял его к принятию Аугсбургского исповедания, доказывая ему, словесно и письменно, чистоту онаго! По крайней мере Царь дозволил Лютеранам иметь церковь в Москве и взыскал важную денежную пеню с Митрополита за какую-то обиду, сделанную им одному из сих иноверцев; хвалил их обычаи, славился своим Германским происхождением, хотел женить сына на Княжне Немецкой, а дочь выдать за Немецкого Князя, дабы утвердить дружественную связь с Империею. В искренних беседах он жаловался чужестранным любимцам на Бояр, на Духовенство, и не таил мысли искоренить первых, чтобы Царствовать свободнее, безопаснее с Дворянством новым, или с опричниною, ему преданною: ибо она видела в нем своего отца и благодетеля, а Бояре жалели о временах Адашевских, когда им была свобода, а Царю неволя (так говорил Иоанн)! Естественно не любя России, страшной для соседственных держав, и желая только угождать Царю, иноземцы без сомнения не думали выводить его из мрачного заблуждения и гневить смелым языком истины; могли даже с тайным удовольствием видеть сию бурю, которая сокрушала главные столпы великой Монархии: ибо Царь губил лучших Воевод своих, лучших советников государственных. Иноземцы молчали, или, вопреки совести, хвалили тирана. Знаменитые Россияне, лишаемые свободного доступа к Государю, ознаменованные как бы презрительным именем земских, нагло оскорбляемые неистовыми кромешниками, угрожаемые

опалою, казнию без вины, также молчали, вместе с Духовенством. Но когда старец Митрополит Афанасий, изнуренный тяжкою болезнью, а может быть и душевною горестию, оставил Митрополию: тогда явился муж смелый добродетелию и ревностною любовию к отечеству, который подобно Сильвестру предприял исправить Царя, но, менее счастливый, мог только умереть за Царство в венце Мученика.

[1566 г.] Изъявляя усердие ко благу Церкви, Иоанн хотел дать ей Пастыря отличного Христианскими достоинствами. Выбор пал сперва на Архиепископа Казанского Германа, который долго уклонялся от сана опасного в таких обстоятельствах России и при таком Царе, но должен был, исполняя решительную волю его, согласиться. Уже все Епископы съехались в Москву; уже написали грамоту избирательную, и Герман несколько дней жил в палатах Митрополитских, готовясь к посвящению. В сие время, беседуя с Иоанном наедине, он хотел испытать его сердце: начал говорить с ним, как должно Первосвятителю, о грехах и Христианском покаянии, тихо, скромно, однако ж с некоторою силою; упомянул о смерти, о Страшном Суде, о вечной муке злых. Иоанн задумался; вышел от него с лицом мрачным, пересказал любимцам своим речи Архиепископа и спрашивал, что они думают? Алексей Басманов ответствовал: «Думаем, Государь, что Герман желает быть вторым Сильвестром: ужасает твое воображение и лицемерит в надежде овладеть тобою; но спаси нас и себя от такого Архипастыря!» Германа изгнали из палат, и Царь искал другого Первосвятителея.

Среди хладных волн Белого моря, на острове Соловецком, в пустыне дикой, но знаменитой в России святостию своих первых тружеников Савватия и Зосимы сиял добродетелями Игумен Филипп, сын Боярина Колычева, возненавидев суету мира в самых цветущих летах юности, и служа примером строгой жизни для Иноков-отшельников. Государь слышал о Филиппе: дарил его монастырю сосуды драгоценные, жемчуг, богатые ткани, земли, деревни; помогал ему деньгами в строении каменных церквей, пристаней, гостиниц, плотин: ибо сей Игумен был не только мудрым наставником братии, но и деятельным хозяином острова, дотоле дикого, неприступного: очистил леса, продолжил дороги, осушил болота каналами; завел оленей, домашний скот, рыбные ловли, соляные варницы; украсил, сколько мог, пустыню; смягчил суровость климата: сделал воздух благораствореннее. Бессмертный Сильвестр кончил дни свои в монастыре Соловецком, любимый, уважаемый Филиппом. Вероятно, что они вместе сетовали о перемене Иоаннова нрава;

вероятно, что первый открывал Игумену свою душу, некогда блаженную исправлением юного Царя, устройством и счастьем Царства: сии беседы могли приготовить Филиппа к великому его подвигу, хотя он, ревностию труженика удаленный на *край вселенныя*, и не мог ожидать такой славы. Никто без сомнения не мыслил об нем, кроме Иоанна: отвергнув Германа, Царь вздумал — мимо Святителей, мимо всех Архимандритов — возвести Филиппа на Митрополию, желая изъявить тем свое особенное уважение к Христианским добродетелям, и показать, что самые отдаленные пустыни не скрывают их от глаз его. Филипп, Царскою милостивою грамотою призываемый в Москву для *совета духовного*, отслужил Литургию, причастил всю братию, и со слезами выехал из своей любимой обители, как бы предчувствуя, что одно мертвое тело его туда возвратится. За три версты от Новгорода встретили смиренного Соловецкого Игумена все жители сей древней столицы с приветствием, с дарами и с молением, да ходатайствует за них пред троном: ибо носился слух, что Иоанн угрожает им гневом. Царь принял Филиппа с отменною честью, обедал, беседовал с ним дружелюбно, и наконец объявил, что ему быть Митрополитом. Пустынный Инок изумился, плакал, не хотел сей блестящей тягости; убеждал его не *вверять бремени великого ладии малой*. Царь был непреклонен. Тогда Филипп предложил условие; сказал Царю: «Повинуюся твоей воле; но умири же совесть мою: да не будет опричнины! да будет только единая Россия! ибо всякое разделенное Царство, по глаголу Всевышнего, запустеет. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Иоанн имел власть над собою: остановил движение гнева в сердце своем; отвечив тихо: «Разве не знаешь, что мои хотят поглотить меня; что ближние готовят мне гибель?» и доказывал необходимость сего учреждения; но скоро выведенный из терпения смелыми возражениями старца, велел ему умолкнуть. Все думали, что Филипп, подобно Герману, будет удален с бесчестьем: увидели проттивное. Иоанн на сей раз не хотел дать ему славы гонимого за добродетель: желал склонить его к безмолвию, явить слабым в глазах России, сделать как бы соучастником в новых правилах своего Царствования. Главные Пастыри церковные служили для того орудием. Повинуясь воле Иоанновой, они убеждали Филиппа принять сан Митрополита без всякого условия, думать единственно о благе Церкви, не гневить Государя дерзостью, но утолить гнев его и пременить в милосердие кротостью; доказывали, что мнимая твердость Филиппова в сем случае будет действием гордости, несогласной с духом истинного слуги

Христова; что долг Святителя есть молиться и наставлять Царя единственно во спасении души, а не в делах Царства. Некоторые из Святителей внутренно одобряли Филиппову смелость, но сами не имели ее; другие — именно, Пимен Новгородский, Филофей Рязанский — искали мирской чести и раболепствовали страстям Иоанновым. Убеждения их поколебали Филиппа, не уstraшенного Царским гневом, не ослепленного блеском Архипастырства, как доказало следствие, но, может быть, смятенного мыслию отвергнуть сей верховный сан действительно по внушению тайной гордости, по упрямству и недоверенности к Провидению, которое властвует над Царями и не дает им выступать за черту Его вышних уставов, без сомнения мудрых, хотя и неизъяснимых для ума человеческого. Филипп отвечивал: «Да будет, что угодно Государю и Церковным Пастырям!»

Написали грамоту, в коей сказано, что новый, избираемый Митрополит дал слово Архиепископам и Епископам не вступаться в опричнину Государеву и не оставлять Митрополии под тем предлогом, что Царь не исполнил его требования и запретил ему мешаться в дела мирские. Святители утвердили сию хартию своими подписями, и Филипп, заявленный враг опричнины, был немедленно [25 Июля] возведен на Митрополию, к общему удовольствию народа, к досаде развратных любимцев Иоанновых. Казалось, что Государь одержал счастливую победу над собою, воздав честь добродетели. Митрополит уступил, но обнаружив свою важную мысль: Россияне узнали, чего он желает, и могли надеяться на будущее, имея такого Первосвятителя. Все добрые слушали с восторгом приветственную речь нового Митрополита к Иоанну, истинно Пастырскую: о долге державных быть отцами подданных, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусных льстецах, которые теснятся к престолу, ослепляют ум государей, служат их страстям, а не отечеству, хвалят достойное хулы, порицают достохвальное; о тленности земного величия; о победах *невооруженной любви*, которые приобретаются государственными благодеяниями и еще славнее *побед ратных*. Казалось, что сам Иоанн внимал с умилением гласу наставника, уже давно молчавшему в сем храме, что сей некогда любезный для него глас напомнил ему время счастливое и дал вкусить сладость, им забвенную. — Первые дни и месяцы протекли в мире, в надеждах для столицы. Затихли жалобы на кромешников: чудовище вздремало. Царь ласкал Митрополита; а сей добродетельный старец, как бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгий обет своей юности, начал строить в Москве церковь во имя

ее Святых Зосимы и Савватия.

[1567 г.] Но сия тишина, действие или угрызений совести или притворства Иоаннова, была предтечею новой бури. Тиран из Слободского вертепа своего свирепо глядел на Москву. Хотев удивить Россию избранием Митрополита, о коем никто не думал, Иоанн не замедлил увидеть в нем орудие ненавистных Бояр; уверял себя, что они внушили ему мысль требовать уничтожения опричнины и возмущают народ против сей Царской дружины: ибо кромешники, посылаемые в столицу для наблюдений, доносили, что граждане бегают от них как от язвы, на улицах и площадях; что все безмолвствует, где явится опричник. В воображении Иоанна составились ковы и заговоры: надлежало открыть, доказать их — и следующее происшествие служило поводом к новым убийствам. Главным Боярам Московским, Князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому, Конюшему Ивану Петровичу Федорову, тайно вручили грамоты, подписанные Королем Сигизмундом и Литовским Гетманом Хоткевичем: Король и Гетман убеждали их оставить Царя жестокого, звали к себе, обещали им Уделы; напоминали двум первым, что они Литовского роду: третьему, что он был некогда Владетельным Князем; а конюшему Федорову, что Царь уже давал ему чувствовать гнев свой в разных случаях. Бояре, представив сии грамоты Иоанну, ответствовали Королю, что склонять верных подданных к измене есть дело бесчестное; что они умрут за Царя доброго, ужасного для одних злодеев; что если Король желает вызвать их из России, то пусть отдаст им всю Литву, Галицию, Пруссию, Жмудь, Белоруссию, Волынскую и Подольскую земли. Федоров писал к Сигизмунду: «Как мог ты вообразить, чтобы я, заноса ногу во гроб, вздумал погубить душу свою гнусною изменою? Что мне у тебя делать? Водить полков твоих я не в силах, пиров не люблю, веселить тебя не умею, пляскам вашим не учился». В письме к Гетману Хоткевичу он прибавил: «Чем можете обольстить меня? Я богат и знатен. Угрожаешь мне гневом Царя: вижу от него только милости». Сам Иоанн взялся, как вероятно, доставить Королю сии ответы, писанные одним слогом; но доставил ли, неизвестно: по крайней мере, любя всегда упрекать Сигизмунда кознями, нигде в сношениях с Литвою не упоминает о таком бесчестном, неосторожном подмане наших Вельмож. Если Государь составлением мнимых Королевских грамот испытывал верность Бояр своих, то она сим случаем была доказана в его глазах, но не в глазах России: гражданин, дающий врагам надежду склонить его к измене, уже омрачается какою-то подозрительною тению. На сей раз Князя Бельский, Мстиславский,

Воротынский, уцелели; но Федоров, муж старых обычаев, украшенный воинскою славою и сединою государственной опытности, быв 19 лет в знатном сане конюшего и начальника казенного приказа, Вельможа щедрый, пышный, сделался предметом клеветы. Еще он ревностно служил Царю, доживая век свой с супругою *святою*, не имея детей, и готовился дать отчет Судии вышнему, когда земный судия объявил его главою заговорщиков, поверив или вымыслив, что сей ветхий старец думает свергнуть Царя с престола и властвовать над Россиею. Иоанн спешил разрушить мнимый ужасный заговор: в присутствии всего двора, как пишут, надел на Федорова царскую одежду и венец, посадил его на трон, дал ему державу в руку, снял с себя шапку, низко поклонился и сказал: «Здрав буди, Великий Царь земли Русския! Се приял ты от меня честь, тобою желаемую! Но имея власть сделать тебя Царем, могу и низвергнуть с престола!» Сказав, ударил его в сердце ножом: опричники дорезали старца, извлекли обезображенное тело из дворца, бросили псам на снадение; умертвили и престарелую жену Конюшего Марию. Потом казнили всех мнимых единомышленников невинного: Князей Ивана Адреевича Куракина-Булгакова, Дмитрия Рязполовского (мужественного воина, одержавшего многие победы над Крымцами), и трех Князей Ростовских. Один из них воеводствовал в Нижнем Новгороде: присланные из Москвы кромешники, числом тридцать, нашли его там стоящего в церкви и сказали: «Князь Ростовский! велением Государя ты наш узник». Воевода, бросив на землю властительскую булаву свою, спокойно отдался им в руки. Его раздели, повезли обнаженного и в двадцати верстах, на берегу Волги, остановились: он спросил хладнокровно, зачем? «Поить коней», — ответствовали кромешники. «Не коням (сказал несчастный), а мне пить сию воду, и не выпить!» Ему в то же мгновение отсекли голову; тело кинули в реку, а голову положили к ногам Иоанна, который, оттолкнув ее, злобно смеялся и говорил, что сей Князь, любив обагряться кровию неприятелей в битвах, наконец обагрился и собственною. Князь Петр Щенятев, знаменитый Полководец, думал укрыться от смерти в монастыре: отказался от света, от имения, от супруги и детей: но убийцы нашли его в келии и замучили: жгли на сковороде (как повествует Курбский), вбивали ему иглы за ногти. Князь Иван Турунтай-Пронский, седой старец, служил еще отцу Иоаннову, участвовал во всех походах, во всех битвах, славнейших для России, и также хотел быть наконец Монахом: его утопили. Казначья Государева именем Хозяина Юрьевича Тютиня, славного богатством, рассекли на части вместе с женою, с двумя сыновьями младенцами, с двумя юными

дочерьми: сию казнь совершил Князь Михайло Темгрюкович Черкасский, брат Царицы! Так же истерзали и Печатника, или Думского Дьяка, Казарина Дубровского. Многих других именитых людей умертвили, когда они, ничего не ведая, шли спокойно или в церковь, или в свои приказы. Опричники, вооруженные длинными ножами, секирами, бегали по городу, искали жертв, убивали всенародно, человек десять или двадцать в день; трупы лежали на улицах, на площадях; никто не смел погребать их. Граждане боялись выходить из домов. В безмолвии Москвы тем страшнее раздавался свирепый вопль палачей Царских.

Безмолвствовал и добродетельный Митрополит для граждан и Бояр отчаянных; но Бог видел его сердце, а Царь слышал тайные увещания, самые жестокие укоризны, к несчастию бесполезные: убегал, не хотел видеть его. Добрые Вельможи приходили к Филиппу, рыдали, указывали ему на окровавленные стогны: он утешал горестных именем Отца Небесного; дал им слово не щадить своей жизни для спасения людей, и сдержал оное.

[1568 г.] Однажды, в день Воскресный, в час Обедни, Иоанн, провождаемый некоторыми Боярами и множеством опричников, входит в Соборную церковь Успения: Царь и вся дружина его были в черных ризах, в высоких шлыках. Митрополит Филипп стоял в церкви на своем месте: Иоанн приблизился к нему и ждал благословения. Митрополит смотрел на образ Спасителя, не говоря ни слова. Наконец Бояре сказали: «Святой Владыко! се Государь: благослови его!» Тут, взглянув на Иоанна, Филипп ответствовал: «В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю Царя Православного; не узнаю и в делах Царства... О Государь! Мы здесь приносим жертвы Богу, а за олтарем льется невинная кровь Христианская. Отколе солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы Цари благочестивые возмущали собственную Державу столь ужасно! В самых неверных, языческих Царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям — а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства и совершаются именем Царским! Ты высок на троне; но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его? обагранный кровию невинных, оглушаемый воплем их муки? ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести!.. Государь! вещаю яко пастырь душ. Боюсь Господа единого!» Иоанн трепетал от гнева: ударил жезлом о камень и сказал голосом страшным: «Чернец! Доселе я излишно щадил вас, мятежников: отныне буду, каковым меня нарицаете!» и вышел с угрозою. — На другой день были новые казни.

В числе знатных погиб Князь Василий Пронский. Всех главных сановников Митрополитовых взяли под стражу, терзали, допрашивали о тайных замыслах Филипповых, и ничего не сведали. Еще не смел Иоанн возложить руку на самого Первосвятителя, любимого, чтимого народом более, нежели когда-нибудь; готовил ему удар, но имел терпение — и между тем что делал?

Так пишут очевидцы: в Июле месяце 1568 года, в полночь, любимцы Иоанновы Князь Афанасий Вяземский, Малюта Скуратов, Василий Грязной с Царскою дружиною вломились в дома ко многим знатым людям, Дьякам, купцам; взяли их жен, известных красотою, и вывезли из города. Вслед за ними, по восхождении солнца, выехал и сам Иоанн, окруженный тысячами кромешников. На первом ночлеге ему представили жен: он избрал некоторых для себя, других уступил любимцам, ездил с ними вокруг Москвы, жег усадьбы Бояр опальных, казнил их верных слуг, даже истреблял скот, особенно в Коломенских селах убитого Конюшего Федорова; возвратился в Москву и велел ночью развезти жен по домам: некоторые из них умерли от стыда и горести.

Убегая Митрополита, Царь однако ж видал его в церкви. В день Св. Апостолов Прохора и Никанора, 28 июля, Филипп служил в Новодевичьем монастыре и ходил по стене с крестами: тут был и Царь с опричниками, из коих один шел за ним в *тафье* : Митрополит, увидев сие бесчиние, остановился и с негодованием сказал о том Государю; но опричник уже спрятал свою тафью. Царя уверили, что Филипп выдумал сказку, желая возбудить народ против любимцев Государевых. Иоанн забыл всю пристойность: торжественно ругал Митрополита, называл лжецом, мятежником, злодеем; клялся, что уличит его во всем — и приступил к делу по совету с коварным Духовником своим, Благовещенским Протоиереем Евстафием, тайным Филипповым ненавистником. Немедленно отправились в Соловки Епископ Суздальский Пафнутий, Архимандрит Андрониковский Феодосий и Князь Василий Темкин, прежде воин именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановым и другим. Надлежало ли так далеко искать клеветников гнусных? Но Царь хотел омрачить добродетель в самом ее светлом источнике; где Филипп прославился ею, там открыть его мнимое лицемерие и нечистоту душевную: сия мысль казалась Иоанну искусною хитростию. Послы Царские то ласкали, то ужасали Монахов Соловецких, требуя, чтобы они бесстыдно лгали на своего бывшего Игумена: все говорили, что Филипп свят делами и сердцем; но сыскался один, который дерзнул

утверждать противное: их глава, Игумен Паисий, в надежде сделаться Епископом. Изобрели доносы, улики, представили Иоанну, и велели Митрополиту явиться на суд. Царь, Святители, Бояре сидели в молчании. Игумен Паисий стоял и клеветал на святого мужа с неслыханною дерзостью. Вместо оправдания бесполезного, Митрополит тихо сказал Паисию, что злое сеяние не принесет ему плода вожделенного; а Царю: «Государь, Великий Князь! Ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нет! Достигнув глубокой старости беспорочно, не зная в пустынной жизни ни мятежных страстей, ни козней мирских, желаю так и предать дух свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане Митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония сего несчастного времени. Твори, что тебе угодно. Се жезл Пастырский; се белый клобук и мантия, коими ты хотел возвеличить меня. А вы, Святители, Архимандриты, Игумены и все служители олтарей! Пасите верно стадо Христово; готовьтесь дать отчет и страшитесь Небесного Царя еще более, нежели земного». Он хотел удалиться: Царь остановил его; сказал, что ему должно ждать суда, а не быть своим судиею: принудил его взять назад утварь Святительскую и еще служить Обедню в день Архангела Михаила (8 Ноября). Когда же Филипп в полном облачении стоял пред олтарем в храме Успения, явился там Боярин Алексей Басманов с толпою вооруженных опричников, держа в руке свиток. Народ изумился. Басманов велел читать бумагу: услышали, что Филипп собором Духовенства лишен сана Пастырского. Воины вступили в олтарь, сорвали с Митрополита одежду Святительскую, облекли его в бедную ризу, выгнали из церкви *метлами* и повезли на дровнях в обитель Божоявления. Народ бежал за Митрополитом, проливая слезы: Филипп с лицом светлым, с любовью благословлял людей и говорил им: «молитесь!» На другой день привели его в судную палату, где был сам Иоанн, для выслушания приговора: Филиппу, будто бы уличенному в тяжких винах и в волшебстве, надлежало кончить дни в заключении. Тут он простился с миром, великодушно, умирительно; не укорял судей, но в последний раз молил Иоанна сжалиться над Россиею, не терзать подданных, - вспомнить, как Царствовали его предки, как он сам Царствовал в юности, ко благу людей и собственному. Государь, не ответствуя ни слова, движением руки предал Филиппа воинам. Дней восемь сидел он в темнице, в узах; был перевезен в обитель Св. Николая *Старого*, на берегу Москвы-реки; терпел голод и питался молитвою. Между тем Иоанн истреблял знатный род Колычевых: прислал к Филиппу отсеченную голову его племянника Ивана

Борисовича и велел сказать: «се твой любимый сродник: не помогли ему твои чары!» Филипп встал, взял голову, благословил и возвратил принесшему. Опасаясь любви граждан Московских ко сверженному Митрополиту — слыша, что они с утра до вечера толпятся вокруг обители Николаевской, смотрят на келию заключенного и рассказывают друг другу о чудесах его святости — Царь велел отвезти страдальца в Тверской монастырь, называемый Отрочим, и немедленно избрал нового Митрополита, Троицкого Архимандрита, именем Кирилла, к досаде Пимена, имевшего надежду заступить место Филиппа.

Освободив себя от Архипастыря строгого, непреклонного и, дав сей важный сан Иноку доброму, но слабодушному, безмолвному, Иоанн мог тем смелее, тем необузданнее свирепствовать; дотоле губил людей: оттоле целые города. Началось с Торжка, где неистовые опричники в день ярмонки завели ссору и драку с жителями: Царь объявил граждан бунтовщиками; велел их мучить, топить в реке. То же сделалось в Коломне и такие же были следствия. К сему городу принадлежали поместья несчастного Федорова: жители любили его и казались Иоанну мятежниками.

Одним словом, тиранство созрело, но конец оно было еще далеко! Ничто не могло обезоружить свирепого: ни смирение, ни великодушные жертвы, ни самые естественные бедствия сего времени: ибо Россия, омрачаемая ужасами мучительства, была тогда же казнима язвою, пришедшею к нам из Эстонии или Швеции. В Июле 1566 года началось моровое поветрие в Новгородской Шелонской пятине, а через месяц и в Новгороде, Полоцке, Озерище, Невле, Великих Луках, Торопце, Смоленске. Люди умирали скоропостижно, *знамением*, как сказано в летописи: вероятно, пятном или нарывом. Многие деревни опустели, многие дома затворились в городах; церкви стояли без пения, лишённые Иереев, которые не берегли себя в усердном исполнении своих обязанностей; на место их присылали Священников из других городов. Умирало более Духовных и граждан, нежели воинских людей. Язва дошла и до Можайска: Царь учредил там заставу и не велел никого пускать в столицу из мест зараженных. Сообщение пересеклось между многими городами, мучились страхом, терпели нужду, дороговизну. В разных областях были неурожаи: в Казанской и в соседственных с нею явилось неописанное множество мышей, которые *тучами* выходили из лесов, ели хлеб на корню, в скирдах, в житницах, так что земледельцы не могли защитить себя от сих животных. Поветрие утишилось в начале весны, но еще несколько раз возобновлялось.

В сих внутренних бедствиях Государства, в сем унынии Вельмож и народа, Иоанн не слабел в делах войны и политики внешней; еще являлся с блеском и величием в отношении к другим державам. Литовцы в нападениях на Россию нигде не имели успеха: из Смоленска Боярин Морозов, из Полоцка Князь Андрей Ногтев писали к Государю, что легкие отряды наши везде бьют неприятеля. С Тавридою мы хотели мира; но Казанские беглецы, Князь Спат, Ямгурчей-Ази, Улан Ахмамет, сильные при дворе Хана, доказывали ему, что Иоанн обманывает его: говорит о мире, а велит Козакам строить город на Дону, готовит суда на Псле, на Днепре, имея намерение взять Азов, открыть себе путь в Тавриду; что сей Царь умнее, счастливее, следственно опаснее всех прежних Государей Московских; что он, будучи в войне с Ханом, умел завоевать Казань, Астрахань, Ливонию, Полоцк, — овладел землею Черкесскою, располагает Ногаями; что если Девлет-Гирей выдаст Короля Сигизмунда, то Царю не станет Польши и на год; что истребив Короля, Иоанн на досуге истребит и последний Юрт Батыев. Сии представления имели действие; а еще более дары Сигизмунда, который послал вдруг 30000 золотых в алчную Тавриду — и Хан снова обнажил меч, написав к Иоанну: «Вспомни, что предки твои рады были своей земле, а Мусульманских не трогали; если хочешь мира, то отдай мне Астрахань и Казань!» Но Государь остерегся. В степях Донских разъезжали Козаки для открытия первых движений неприятеля; в городах стояло войско: другое, главное, под начальством знатнейших Бояр, Князей Бельского и Мстиславского, на берегу Оки. В Сентябре (1565 года) Хан перешел Донец, вез тяжелые пушки с собою на телегах, и 7 Октября приступил к Волхову. Там были Воеводами Князя Иван Золотой и Василий Кашин: они сделали вылазку; бились мужественно; не дали Крымцам сжечь посада; взяли пленников — а Бельский и Мстиславский уже приближались. Хан бежал ночью [19 Октября], жалуясь на Литву: ибо Король, убеждая его воевать Россию, клялся действовать против нас с другой стороны всеми силами, и не исполнил обещания.

Между тем Посол наш, Афанасий Нагой, жил в Тавриде; действовал неутомимо; подкупал Евреев, чиновников Ханских; имел везде лазутчиков; опровергал ложные слухи, распускаемые врагами нашими о кончине Иоанновой; знал все и писал к Государю, что Девлет-Гирей сносится с Казанскими Татарами, Мордвою, Черемисою: тайные Послы сих изменников уверяли Хана, что он, вступив в их землю, найдет между ими 70 000 усердных сподвижников, и что ни одного Россиянина не останется живого ни в Свяжске, ни в Казани.

Когда Хан понуждал Афанасия выехать из Тавриды, сей ревностный слуга Иоаннов отвечивал: «умру здесь, а не выеду из окончания дел» — то есть, без мира, и не терял надежды. Иногда Литовская, иногда наша сторона одерживала верх в Ханской Думе, так что Девлет-Гирей с дозволения Султанова в 1567 году разорил часть Королевских владений за неисправный платеж *дани* : однако ж и с нами не утверждал мира: требовал от Иоанна богатейших даров, какие присылались из Москвы Магмет-Гирею; запрещал России вступаться в Черкесскую землю. Государь несколько раз советовался с Боярами: отклоняя требования Хана, предлагал ему женить сына или внука на дочери Царя Шиг-Алея и взять за нею в приданое город отца ее, Касимов: ибо сей знаменитый изгнанник тогда умер (почти в одно время с другими бывшими Царями Казанскими, Симеоном и Александром). Но Девлет-Гирей размышлял, колебался, и снова требовал невозможного: то есть, Астрахани и Казани.

С Литвою мы также были в переговорах. Казалось, что Сигизмунд искренно желал конца войны, для него тягостной; казалось, что и Царь хотел отдохновения. С обеих сторон изъявляли редкую уступчивость. Единственно для соблюдения старого обычая Великие Послы Королевские, приехав в Москву, требовали Смоленска, а наши Бояре Киева, Белоруссии и Волынии: ни мы, ни они в самом деле не помышляли о сем невозможном возврате. Сигизмунд уступал нам даже Полоцк; а Государь велел сказать Послам: «любя спокойствие Христиан, я уже не требую Царского титула от Короля: довольно, что все иные Венценосцы дают мне оный». Затруднение состояло в Ливонии: Сигизмунд предлагал, чтобы каждому владеть в ней своею частию, ему и нам; чтобы общими силами изгнать Шведов из Эстонии и разделить ее между Польшею и Россиею: в таком случае обязывался быть истинным другом Иоанну и называть его Царем. Но Царь хотел Риги, Вендена, Вольмара, Роннебурга, Кокенгузена: за что уступал Королю Озерище, Лукомль, Дриссу, Курляндию и 12 городков в Ливонии; освобождал безденежно всех пленников Королевских, а своих выкупал. Послы стояли за Ригу, за Венден; наконец сказали Боярам, что истинный, твердый мир всего скорее может быть заключен между их Государями в личном свидании на границе. Сия мысль сперва полюбилась Иоанну. Избрали место: Царю надлежало приехать в Смоленск, Королю в Орту, каждому с пятью тысячами благородных воинов. Но Послы не брали на себя условиться в обрядах свидания: например, Иоанн желал в первый день угостить Сигизмунда в своем шатре: что им казалось несовместно с достоинством Государя их.

Миновало около двух месяцев в переговорах.

Тогда (в Июле 1566 года) Иоанн явил России зрелище необыкновенное: призвал в Земскую думу не только знатнейшее Духовенство, Бояр, Окольничих, всех других сановников, казначеев, Дьяков, Дворян *первой* и *второй* статьи, но и гостей, купцев, помещиков иногородных; отдал им на суд переговоры наши с Литвою, и спрашивал, что делать: мириться или воевать с Королем? В собрании находились 339 человек. Все ответствовали — Духовенство за себя, Бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно — что Государю без вреда для России уже нельзя быть снисходительнее; что Рига и Венден необходимы нам для безопасности Юрьева, или Дерпта, самого Пскова и Новагорода, коих торговля стеснится и *затворится*, если сии города Ливонские останутся у Короля; что Государи вольны видеться на границе для тишины Христиан, но что Сигизмунд по-видимому намерен только длить время, дабы между тем устроить запутанные дела в своем отечестве, примириться с Цесарем, умножить войско в Ливонии. Духовенство прибавило: «Государь! Твоя власть действовать как вразумит тебя Бог; нам должно молиться за Царя, а советовать непристойно». Военские чиновники изъявили готовность пролить кровь свою в битвах; граждане вызывались отдать Царю последнее достояние на войну, если гордый Сигизмунд отвергнет предлагаемые ему условия для мира. Была ли свобода во мнениях, была ли искренность в ответе сей Земской, или Государственной Думы? Но совещание имело вид торжественный, и народ с благоговением видел Иоанна не среди опричников ненавистных, а в истинном величии Государя, внимающего гласу отечества из уст Россиян знаменитейших: явление достойное лучших времен Иоаннова царствования!

Дума утвердила сей приговор грамотою; а Панам Королевским сказали, что Государь чрез своих Послов объяснится с Королем, соглашаясь между тем прекратить воинские действия и разменяться пленниками. Сим кончилось дело. Вслед за Послами Литовскими (в 1567 году) отправились к Сигизмунду наши, Боярин Умной-Колычев и Дворецкий Григорий Нагой, уполномоченные подписать мир: что было новостью: ибо прежние договоры с Литвою совершались единственно в Москве. Сигизмунд встретил наших Бояр в Гродне: когда они вошли к нему, все Литовские Вельможи встали; но Послы увидели тут Князя Андрея Курбского и с презрением отвратились: им велено было требовать головы сего изменника! Девять раз они съезжались с Королевскими Панами и не могли ни в чем согласиться: Иоанн непременно хотел, изгнав Шведов и Датчан, владеть всею Ливониею,

уступая Сигизмунду Курляндию. Несмотря на свое искреннее желание мира, Король отвергнул сии предложения; не согласился выдать и Курбского. Решились продолжать войну. «Я вижу, — писал Сигизмунд к Иоанну, — что ты хочешь кровопролития; говоря о мире, приводишь полки в движение. Надеюсь, что Господь благословит мое оружие в защите необходимой и справедливой».

Полки наши действительно шли из Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска к Великим Лукам. Целию была Ливония. Основав на Литовской границе новые крепости Усвят, Улу, Сокол, Копие, Государь с Царевичем Иоанном выехал из Москвы к войску. 5 Октября [1567 г.], в поле, близ Медного, представили ему Посланника Королевского Юрия Быковского с упомянутым письмом Сигизмундовым. Иоанн сидел в шатре, вооруженный, в полном доспехе, среди Бояр, многих чиновников, также вооруженных с головы до ног, и сказал ему: «Юрий! Мы посылали к брату нашему, Сигизмунду Августу, своих знатных Бояр с предложением весьма умеренным. Он задержал их в пути, оскорблял, бесчестил. Итак, не дивися, что мы сидим в доспехе воинском: ибо ты пришел к нам от брата нашего с язвительными стрелами». Спросив Юрия о здравии Королевском, приказав ему сесть, но не дав руки, Иоанн выслал из шатра всех чиновников ратных, кроме советников, больших Дворян и Дьяков; выслушал речь Посланника, велел угостить его в другой ставке и немедленно отослать — в темницу Московскую! Сие нарушение права народного без сомнения не извинялось грубыми выражениями письма Королевского и тем, что Бояре Колычев и Нагой, приехав тогда же в стан к Иоанну, жаловались ему на худые с ними поступки в Литве. Кроме множества сановников, телохранителей, провождали Царя Суздальский Епископ Пафнутий, Архимандрит Феодосий, Игумен Никон, до Новагорода, где он жил 8 дней, усердно моляся в древнем Софийском храме и занимаясь распоряжением полков, чтобы идти к Ливонским городам Луже и Резице. Но вдруг воинский жар его простыл: встретились затруднения, опасности, коих Иоанн не предвидел, и для того призвал всех главных Воевод на совет. Они 12 Ноября съехались близ Красного, в селении Оршанском, и рассуждали с Царем, начать ли осаду неприятельских городов или отложить поход: ибо за худыми дорогами обозы с тяжелым снарядам двигались медленно к границе, лошади падали, люди разбегались; надлежало ждать долго и стоять в местах скудных хлебом. Узнали также, что Король собирает войско в Борисове, замышляя идти зимою к Полоцку и Великим Лукам. Боялись утомить рать осадой крепостей, в то время когда неприятель с другой стороны может

явиться в наших собственных пределах; а всего более опасались найти язву в Ливонии, где, по слуху, многие люди умирали от заразных болезней. Решили, чтобы Государю ехать назад в Москву, а Воеводам стоять в Великих Луках, в Торопце и наблюдать неприятеля.

Таким образом, Иоанн не без внутренней досады возвратился в столицу; но к утешению его самолюбия Король Польский сделал то же: (в 1568 году) собрав 60000 или более воинов, хваляся по следам Ольгерда устремиться к Москве, и действительно выступив в поле с Двором блестящим, Сигизмунд несколько недель стоял праздно в Минской области, распустил главное войско, и сам уехав в Гродно, послал только отряды в западную Россию. Под Улою Литовцы претерпели великий урон; но имели и некоторые выгоды. Строением новой крепости, названной Копием, управляли Князья Петр Серебряный и Василий Палицкий: Литовцы в нечаянном нападении убили Палицкого; а Князь Серебряный едва ускакал в Полоцк. Близ Велижа пленив знатного чиновника, Петра Головина, они истребили несколько селений в Смоленской области, и каким-то обманом взяли Изборск (в начале 1569 года); но Россияне выгнали их немедленно: громили Польскую Ливонию, сожгли большую часть Витебска. Между тем разменивались пленниками на границе: Иоанн освободил Королевского Воеводу Довойну, Сигизмунд Князя Темкина. Жена Довойны умерла в Москве: Царь согласился отпустить ее тело в Литву, с условием, чтобы Король прислал в Москву тело Князя Петра Шуйского: о чем просили добрые сыновья сего несчастного Воеводы.

Уважив совет Бояр не прерывать мирных сношений с Литвою, Государь освободил Посланника Сигизмундова, семь месяцев страдавшего в темнице; дал ему видеть лицо свое, говорил с ним милостиво; сказал: «Юрий! Ты вручил нам письмо столь грубое, что тебе не надлежало бы остаться живым; но мы не любим крови. Иди с миром к Государю своему, который забыл тебя в несчастии. Мы готовы с ним видеться; готовы прекратить бедствие войны. Кланяйся от нас брату, Королю Сигизмунду Августу». Начались снова переговоры. Гонцы ездили из земли в землю: Сигизмундовы, в речах с Боярами, именовали Иоанна *Царем*, и на вопрос: что значит сия новость? ответствовали: «так нам приказано от Вельмож Литовских». Гонцам Московским давались также наставления миролюбивые и следующее, достойное замечания: «Если будет говорить с вами в Литве Князь Андрей Курбский или ему подобный *знатный* беглец Российский, то скажите им: *ваши гнусные измены не вредят ни славе, ни счастью Царя великого: Бог дает ему победы, а вас казнит стыдом и*

отчаянием. С простым же беглецом не говорите ни слова: только плюньте ему в глаза и отворотитесь... Когда же спросят у вас: что такое Московская опричнина? скажите: *Мы не знаем опричнины: кому велит Государь жить близ себя, тот и живет близко; а кому далеко, тот далеко. Все люди Божии да Государевы* ». Наконец Иоанн и Сигизмунд условились остановить неприятельские действия. Послам Литовским надлежало быть в Москву для заключения мира, коего желали искренно обе стороны: что изъясняется обстоятельствами времени. Сигизмунд не имел детей: движимый истинною любовью к отечеству, он хотел неразрывным соединением Литвы с Польшею утвердить их могущество, опасаясь, чтобы та и другая держава по его смерти не избрала себе особенного Властителя. Намерение было достохвально, полезно, но исполнение трудно: ибо Вельможи Польские и Литовские жили в вечной вражде между собою; одна власть Королевская могла обуздывать их страсти. Сигизмунд желал внешнего спокойствия, чтобы успеть в сем важном деле, предложенном тогда люблинскому сейму; а Царь желал короны Сигизмундовой: ибо носился слух, что Паны мыслят избрать в Короли сына его, Царевича Иоанна. Гонцам нашим велено было разведать о том в Литве и ласкать Вельмож. Государь унял кровопролитие, дабы потушить в Литовцах враждебное к нам чувство.

Перемена в отношениях Швеции к России также немало способствовала миролюбию Иоаннову в отношении к Сигизмунду. Чтобы удержать Эстонию за собою вопреки Дании и Польше, Король Эрик имел нужду не только в мире, но и в союзе с Царем: для чего употреблял все возможные средства и мыслил даже совершить подлое, гнусное злодеяние. Прелестная и не менее добрая сестра Сигизмундова Екатерина, на коей Царь хотел жениться, и которая, может быть, спасла бы его и Россию от великих несчастий — Екатерина в 1562 году вступила в супружество с любимым сыном Густава Вазы, Герцогом Финляндским Иоанном. Завистливый, безрассудный Эрик издавна не терпел сего брата и возненавидел еще более за противный ему союз с Королем Польским; выдумал клевету и заключил Иоанна. Тут обнаружилось великодушие Екатерины: ей предложили на выбор, оставить супруга или свет. Вместо ответа она показала свое кольцо с надписью: *ничто, кроме смерти* — и четыре года была Ангелом-утешителем злосчастного Иоанна в Грипсгольмской темнице, не зная того, что два тирана готовили ей гораздо ужаснейшую долю. Царь предложил, и Король согласился выдать ему Екатерину, как предмет странной любви или злобы его за бесчестие отказа. Дело началось тайною перепискою, а кончилось торжественным договором:

в Феврале 1567 года приехали Шведские государственные сановники, Канцлер Нильс Гилленстирна и другие, прямо в Александровскую Слободу, были угощены великолепно и подписали хартию союза Швеции с Россиею. Царь назвал Эрика другом и братом, уступал ему навеки Эстонию, обещал помогать в войне с Сигизмундом, доставить мир с Даниею и с городами Ганзейскими: за что Эрик обязывался прислать свою невестку в Москву. Думный советник Воронцов и Дворянин Наумов поехали в Стокгольм с договорною грамотою, а Бояре Морозов, Чеботов, Сукин должны были принять Екатерину на границе. Но Провидение не дало восторжествовать Иоанну. Послы наши, встреченные в Стокгольме с великою честью, жили там целый год без всякого успеха в своем деле. Пригласив их обедать с собою, Эрик упал в обморок и не мог выйти к столу: с сего времени послы не видали Короля; им сказывали, что он или болен, или сражается с Датчанами. Для переговоров являлись к Воронцову только Советники Думы Королевской и говорили, что выдать Екатерину Царю, отнять жену у мужа, мать у детей, противно Богу и Закону; что сам Царь навеки обесславил бы себя таким нехристианским делом; что у Сигизмунда есть другая сестра, девица, которую Эрик может *достать* для Царя; что Послы Шведские заключили договор о Екатерине без ведома Королевского. Боярин Московский не щадил в ответах своих ни советников, ни Государя их; доказывал, что они лжецы, клятвопреступники, и требовал свидания с Эриком. Сей несчастный Король был тогда в жалостном состоянии: многими жестокими, безрассудными делами заслужив общую ненависть, боялся и народа и Дворянства; мучился совестью, терял ум, освободил и думал снова заключить брата; в смятении духа, в малодушном страхе, то объявлял нашим послам, что сам едет в Москву, то опять хотел послать Екатерину к Царю. Наконец совершился удар: 29 Сентября 1568 года Послы Московские увидели страшное волнение в столице и недолго были спокойными зрителями оного: воины с ружьями, с обнаженными мечами вломились к ним в дом, сбили замки, взяли все: серебро, меха; даже раздели Послов, грозили им смертью. В сию минуту явился Принц Карл, меньший брат Эриков: Боярин Воронцов, стоя перед ним в одной рубашке, с твердостью сказал ему, что так делается в вертепе разбойников, а не в Государствах Христианских. Карл выгнал неистовых воинов: изъяснил Боярину, что Эрик, как безумный тиран, свержен с престола; что новый Король, брат его Иоанн, желает дружбы Царя Московского; что обида, сделанная послам, не останется без наказания, будучи единственно следствием беспорядка, соединенного с

переменою верховной власти. Послы требовали отпуска: выехали из Стокгольма, но 8 месяцев жили в Аbove как невольники и возвратились в Москву уже в Июле 1569 года донести Царю о судьбе его *друга и брата* , несчастного Эрика, торжественно осужденного государственными чинами умереть в темнице, за разные злодеяния, как сказано в сем приговоре, и за бесчестные, *нехристианские* условия союза с Россиею. Легко представить себе досаду Царя: он умел скрывать свои чувства: дозволил Шведским Послам, Епископу Абовскому, Павлу Юсту, с другими знатными чиновниками быть в Москву и велел их *огробрить* , задержать в Новгороде, точно так, как Боярин Воронцов и Наумов были ограблены, задержаны в Швеции. Сие действие казалось ему справедливою местию; но он хотел и важнейшей: хотел немедленно выгнать Шведов из Эстонии, и для того примириться на время с Сигизмундом, чтобы не иметь дела с двумя врагами.

Надлежало отвратить еще другую опасность, которая тогда явилась для России, но недолго тревожила Иоанна и дала без победы новую воинскую славу его Царствованию. Что замышлял против нас Солиман Великий, то сын его, малодушный Селим, хотел исполнить: восстановить Царство Мусульманское на берегах Ахтубы: к чему склоняли Султана некоторые Князья Ногайские, Хивинцы и Бухарцы, представляя ему, что Государь Российский истребляет Магометанскую Веру, и пресек для них сообщение с Меккою; что Астрахань есть главная пристань Каспийского моря, наполненная кораблями всех народов Азиатских, и что в казну Царскую входит там ежедневно около тысячи золотых монет. Послы Литовские, находясь в Константинополе, говорили то же. Один Хан Девлет-Гирей доказывал, что к Астрахани нельзя идти ни зимою, ни летом: зимою от несносного для Турков холода, летом от безводия; и что гораздо лучше воевать Московскую Украину. Не слушая возражений Хана, Селим (весною 1569 года) прислал в Кафу 15000 Спагов, 2000 Янычар и велел ее Паше, Касиму, идти к Переволоке, соединить Дон с Волгою, море Каспийское с Азовским, взять Астрахань или, по крайней мере, основать там крепость в ознаменование Султанской державы. 31 Маия Паша выступил в поход; Хан также, имея до 50000 всадников. Они сошлись в нынешней Качалинской станице и ждали судов, которые плыли Доном от Азова с тяжелым снарядам, с богатою казною, имея для защиты своей только 500 воинов и 2500 гребцов, большею частию Христианских невольников, окованных цепями. Турки в отменях выгружали пушки, влекли их берегом, с трудом неописанным. Тысячи

две Россиян могли бы без кровопролития взять снаряд и казну: невольники ждали их с надеждою, а Турки с трепетом — никто не показывался! Донские Козаки, испуганные слухом о походе Султанского войска, скрылись в дальних степях, и суда 15 Августа благополучно достигли Переволоки. Тут началась работа жалкая и смешная: Касим велел рыть канал от Дона до Волги; увидев невозможность, велел тащить суда землю. Турки не хотели слушаться и говорили, что Паша безумствует, предпринимая такое дело, для коего мало ста лет для всех работников Оттоманской Империи. Хан советовал возвратиться; но, к удовольствию Касима, явились Послы Астраханские. «На что вам суда? — сказали они: — мы дадим их вам сколько хотите; идите только избавить нас от власти Россиян». Паша усмирил войско: 2 Сентября отпустил пушки назад в Азов, и с 12 легкими орудиями пошел к Астрахани, где жители готовились встретить его как избавителя: надежда их не исполнилась.

Посол Иоаннов, Афанасий Нагой, писал к Государю из Тавриды о замысле Султановом: письма его, хотя и не скоро, доходили. Война с Турциею не представляла Иоанну ничего, кроме опасностей: собирая многочисленное войско в Нижнем Новгороде и немедленно отрядив мужественного Князя Петра Серебряного с легкою дружиною занять Астрахань, он в то же время послал дары к Паше Кафинскому, чтобы склонить его к миролюбию. Паша взял дары, целовал грамоту Иоаннову, три дня честил гонцов Московских, а на четвертый заключил в темницу. Но Государь успокоился, сведав о малом числе Турков и худом усердии Девлет-Гирея к сему походу; угадывал следствия и не обманулся.

16 Сентября Паша и Хан стали ниже Астрахани, на Городище, где была, как вероятно, древняя столица Козарская. Тут ждали их наши изменники Астраханские с судами и Ногаи с дружественными уверениями: Касим, велел Ногаям прикочевать к Волге, начал строить новую крепость на Городище, и Турки, к изумлению своему, узнали, что Паша намерен зимовать под Астраханью, где горсть бодрых Россиян обуздывала измену жителей и казалась ему страшною, так что он не смел отважиться на приступ. В самом деле ничто не могло быть безрассуднее сего намерения: Паша давал Россиянам время изготавиться к обороне; давал время Царю прислать войско в Астрахань, а свое изнурял трудами, голодом: ибо Астраханцы не могли доставлять ему хлеба в избытке. Ропот обратился в мятеж, когда услышали Турки, что Хан по совершении крепости должен возвратиться в Тавриду. Они решительно объявили, что никто из них не

останется зимовать в земле неприятельской. Еще Касим упорствовал, грозил; но вдруг 26 Сентября зажег сделанные им деревянные укрепления и вместе с Ханом удалился от Астрахани: причиною было то, что Князь Петр Серебряный вступил в сей город с войском и что за ним, как сказывали, шло другое, сильнейшее. Турки и Крымцы бежали день и ночь. В шестидесяти верстах, на Белом озере, встретились им гонцы Султанский и Литовский: Селим писал к Паше, чтобы он непременно держался под Астраханью до весны; что к нему будет новая рать из Константинополя; что летом увидит Россия в недрах своих знамена Оттоманские, за коими должен идти и Хан к Москве, утвердив союз и дружбу с Литвою. Но Касим продолжал бегство. Путеводитель его, Девлет-Гирей, умышленно вел Турков местами безводными, голодною пустынею, где кони и люди умирали от изнурения; где Черкесы стерегли их в засадах и томных, полумертвых брали в плен; где Россияне могли бы совершенно истребить сие жалкое войско, если бы они не следовали правилу, что надобно давать волю бегущему неприятелю. Турки были в отчаянии: проклиная Пашу, не щадили и Султана, который послал их в землю неизвестную, в ужасную Россию, не за победою, а за голодом и смертию бесчестною. Касим с толпою бледных теней через месяц достиг Азова, чтобы золотом откупиться от петли. Он приписывал свое несчастье единственно тому, что не мог ранее начать похода; но Девлет-Гирей уверял Султана в невозможности взять или удержать Астрахань, столь отдаленную от владений Турецких; а Крымскому Послу нашему сказал: «Государь твой должен благодарить меня: я погубил Султанское войско; не хотел ни приступить к Астрахани, ни строить там крепости на старом Городище, во-первых, желая угодить ему, во-вторых, и для того, что не хочу видеть Турков властелинами древних Улусов Татарских». К утверждению нашей безопасности с сей стороны, Азовская крепость со всеми пороховыми запасами взлетела тогда на воздух; не только большая часть города, зажженного, как думали, Россиянами, но и пристань с военными судами обратилась в пепел.

Сей несчастный поход войска Селимова описан нами по сказанию очевидца, Царского сановника, Семена Мальцова, достойного быть известным потомству. Он ехал из Ногайских Улусов и встретил неприятеля на берегу Волги: окруженный ими, скрыл Государев наказ как неприкосновенную святыню в дереве на Царицыне-острове; сдался уже полумертвый от ран; прикованный к пушке, терзаемый чувством боли, жажды, голода, — ежечасно угрожаемый смертию, не преставал ревностно служить Царю своему; страшал Турков рассказами: уверял,

что Астраханцы и Ногаи манят их в сети; что Шах Персидский есть союзник России; что мы послали к нему 100 пушек и 500 пищалей для нападения на Касима; что Князь Серебряный плывет с тридцатью тысячами к Астрахани, а Князь Иван Бельский идет полем с несметною силою. Мальцов учил и других наших пленников сказывать то же; склонял Греков и Волохов, бывших с Касимом, пристать к Россиянам в случае битвы; звал сыновей Девлет-Гиреевых к нам в службу; говорил им: «Вас у отца много: он раздаст вас по людям. Вы ни сыты, ни голодны; скитаетесь из места в место. В Москве же найдете честь и богатство. Сам отец будет вам завидовать». Без всякой надежды увидеть святую Русь, без всякой мысли о награде, о славе, сей усердный гражданин хотел еще и накануне смерти быть полезным Государю, отечеству. Таких слуг имел Иоанн Грозный, упиваясь кровию своих подданных! — Провидение спасло Мальцева. Выкупленный в Азове нашим Крымским Послом Афанасием Нагим, он возвратился в Москву донести Царю, что Россияне могут не страшиться Оттоманов.

Глава III

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1569—1572 г.

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснейшая эпоха мучительства. Запустение Новгорода. Спасение Пскова. Казни в Москве. Царские шуты. Голод и мор. Сношения с Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя к Магнусу. Посольство в Константинополь. Нашествие Хана. Сожжение Москвы. Новое супружество Иоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествие Иоанново в Новгород. Дела Шведские. Четвертый брак Иоаннов. Союз с Елисаветою. Переговоры с Даниею и с Литвою. Отбытие Иоанна в Новгород. Нашествие Хана. Знаменитая победа Кн. Боратынского. Письмо к Королю Шведскому.

1 Сентября 1569 года скончалась супруга Иоаннова, Мария, едва ли *искренно* оплаканная и самим Царем, хотя для соблюдения пристойности вся Россия долженствовала явить образ глубокой печали: дела остановились; Бояре, Дворяне, Приказные люди надели *смирненное платье* или траур (шубы бархатные и камчатные *без золота*), во всех городах служили панихиды; давали милостыню нищим, вклады в монастыри и в церкви; показывали горесть лицемерную, скрывая

истинную, общую, производимую свирепством Иоанна, который чрез десять дней уже мог спокойно принимать иноземных Послов во дворце Московском, но спешил выехать из столицы, чтобы в страшном уединении Александровской Слободы вымыслить новые измены и казни. Кончина двух супругов его, столь несходных в душевных свойствах, имела следствия равно несчастные: Анастасия взяла с собою добродетель Иоаннову: казалось, что Мария завещала ему превзойти самого себя в лютых убийствах. Распустив слух, что Мария, подобно Анастасии, была отравлена тайными злодеями, он приготовил тем Россию к ужаснейшим исступлениям своей ярости.

Иоанн карал невинных; а виновный, действительно виновный, стоял пред тираном: тот, кто в противность закону хотел быть на троне, не слушался болящего Царя, радовался мыслию об его близкой смерти, подкупал Вельмож и воинов на измену — Князь Владимир Андреевич! Прошло 16 лет; но Иоанн, как мы видели, умел помнить старые вины и не переставал его опасаться. Никто из Бояр не дерзал иметь дружелюбного обхождения с сим Князем: одни лазутчики приближались к нему, чтобы всякое нескромное слово употребить в донос. Что спасало несчастного? Естественный ли ужас обогреть руки кровию ближнего родственника? Быть может: ибо есть остановки, есть затруднения для самого ожесточенного тирана: иногда он бывает человеком; уже не любя добра, боится крайностей во зле; тревожимый совестью, облегчает себя мыслию, что он еще удерживается от некоторых преступлений! Но сей оплот ненадежен: злодейства стремят к злодействам, и Князь Владимир мог предвидеть свою неминуемую участь, несмотря на милостивое прощение, ему объявленное в 1563 году, несмотря на лицемерие Иоанна, который всегда честил, ласкал его. В знак милости дав Владимиру большое место в Кремле для нового великолепного дворца и города Дмитров, Боровск, Звенигород, Царь взял себе на обмен Верею, Алексин, Старицу, без сомнения для того, что сей Князь с новыми поместьями казался менее опасным, нежели с наследственными, где еще хранился дух древней Удельной системы. Весною в 1569 году, собирая войско в Нижнем Новгороде для защиты Астрахани, Иоанн не усомнился вверить оное своему мужественному брату; но сия мнимая доверенность произвела опалу и гибель. Князь Владимир ехал в Нижний чрез Кострому, где граждане и Духовенство встретили его со крестами, с хлебом и солью, с великою честью, с изъявлением любви. Узнав о том, Царь велел привезти тамошних начальников в Москву и казнил их; а брата ласково звал к себе. Владимир с супругою, с детьми, остановился верстах в трех от

Александровской Слободы, в деревне Слотине; дал знать Царю о своем приезде, ждал ответа — и вдруг видит полк всадников: скачут во всю прыть с обнаженными мечами как на битву, окружают деревню; Иоанн с ними: сходит с коня и скрывается в одном из сельских домов. Василий Грязной, Малюта Скуратов объявляют Князю Владимиру, что он умышлял на жизнь Государеву и представляют уличителя, царского повара, коему Владимир дал будто бы деньги и яд, чтобы отравить Иоанна. Все было вымышлено, приготовлено. Ведут несчастного с женою и с двумя юными сыновьями к Государю: они падают к ногам его, клянутся в своей невинности, требуют пострижения. Царь отвечив: «Вы хотели умертвить меня ядом: пейте его сами!» Подали отраву. Князь Владимир, готовый умереть, не хотел из собственных рук отравить себя. Тогда супруга его, Евдокия (родом Княжна Одоевская), умная, добродетельная — видя, что нет спасения, нет жалости в сердце губителя — отвратила лице свое от Иоанна, осушила слезы и с твердостью сказала мужу: «Не мы себя, но мучитель отравляет нас: лучше принять смерть от Царя, нежели от палача». Владимир простился с супругою, благословил детей и выпил яд: за ним Евдокия и сыновья. Они вместе молились. Яд начинал действовать: Иоанн был свидетелем их терзания и смерти! Призвав Боярынь и служанок Княгини Евдокии, он сказал: «Вот трупы моих злодеев! Вы служили им; но из милосердия дарую вам жизнь». С трепетом увидев мертвые тела господ своих, они единогласно отвечали: «Мы не хотим твоего милосердия, зверь кровожадный! Растерзай нас: гнушаясь тобою, презираем жизнь и муки!» Сии юные жены, вдохновенные омерзением к злодейству, не боялись ни смерти, ни самого стыда: Иоанн велел обнажить их и расстрелять. — Мать Владимирова Евфросиния, некогда честолюбивая, но в Монашестве смиренная, уже думала только о спасении души: умертвив сына, Иоанн тогда же умертвил и мать: ее утопили в реке Шексне вместе с другою Инокинею, добродетельною Александрою, его невесткою, виновною, может быть, слезами о жертвах Царского гнева.

Судьба несчастного Князя Владимира произвела всеобщую жалость: забыли страх; слезы лилися в домах и в храмах. Никто без сомнения не верил объявленному умыслу сего Князя на жизнь Государеву: видели одно гнусное братоубийство, внушенное еще более злобою, нежели подозрением. Он не имел великих свойств, но имел многие достохвальные: мог бы Царствовать в России и не быть тираном! Сносил долговременную, явную опалу свою с твердостью, ждал своей неминуемой гибели с каким-то Христианским

спокойствием и приводил добрые сердца в умиление, рождающее любовь. Иоанн слышал — если не смелые укоризны, то по крайней мере воздыхания Россиян великодушных и хотел открытием мнимого важного заговора доказать необходимость своей жестокости для обуздания предателей, будто бы единомышленников Князя Владимира. Сия новая клевета на живых и мертвых была ли только изобретением смятенного ума Иоаннова или адским ковом его сподвижников в губительстве, которые желали тем изъять ему свое усердие и питать в нем страсть к мучительству? Надеялся ли Иоанн обмануть современников и потомство грубою ложью или обманывал самого себя легковерием? Последнее утверждают летописцы, чтобы облегчить лежащее на Иоанне бремя дел страшных; но самое легковерие в таком случае не вопиет ли на Небо? уменьшает ли омерзение к убийствам неслыханным?

Новгород, Псков, некогда свободные державы, смиренные самовластием, лишены своих древних прав и знатнейших граждан, населенные отчасти иными жителями, уже изменились в духе народном, но сохраняли еще какую-то величавость, основанную на воспоминаниях старины и на некоторых остатках ее в их бытии гражданском. Новгород именовался *Великим* и заключал договоры с Королями Шведскими, избирая, равно как и Псков, своих *Судных Целовальников*, или присяжных. Дети от родителей наследовали и тайную нелюбовь к Москве: еще рассказывали в Новгороде о битве Шелонской; еще могли быть очевидцы последнего народного Веча во Пскове. Забыли бедствия вольности: не забыли ее выгод. Сие расположение тамошнего слабого гражданства, хотя уже и не опасное для могущественного самодержавия, беспокоило, гневало Царя, так что весной 1569 года он вывел из Пскова 500 семейств, а из Новгорода 150 в Москву, следуя примеру своего отца и деда. Лишаемые отчизны, плакали; оставленные в ней, трепетали. То было началом: ждали следствия. В сие время, как уверяют, один бродяга Волынский, именем Петр, за худые дела наказанный в Новгороде, вздумал отмстить его жителям: зная Иоанново к ним неблаговоление, сочинил письмо от Архиепископа и тамошних граждан к Королю Польскому; скрыл оное в церкви Св. Софии за образ Богоматери; бежал в Москву и донес Государю, что Новгород изменяет России. Надлежало представить улику: Царь дал ему верного человека, который поехал с ним в Новгород и вынул из-за образа мнимую Архиепископову грамоту, в коей было сказано, что Святитель, Духовенство, чиновники и весь народ поддаются Литве. Более не требовалось никаких доказательств.

Царь, приняв нелепость за истину, осудил на гибель и Новгород и всех людей, для него подозрительных или ненавистных.

В Декабре 1569 года он с Царевичем Иоанном, со всем Двором, со всею любимую дружиною выступил из Слободы Александровской, миновал Москву и пришел в Клин, первый город бывшего Тверского Великого Княжения. Думая, вероятно, что все жители сей области, покоренной его дедом, суть тайные враги Московского Самодержавия, Иоанн велел смертоносному легиону своему начать войну, убийства, грабеж, там, где никто не мыслил о неприятеле, никто не знал вины за собою; где мирные подданные встречали Государя как отца и защитника. Дома, улицы наполнились трупами; не щадили ни жен, ни младенцев. От Клина до Городни и далее истребители шли с обнаженными мечами, обагрив их кровию бедных жителей, до самой Твери, где в уединенной тесной келии Отроча-монастыря еще дышал Св. старец Филипп, молясь (без услышания!) Господу о смягчении Иоаннова сердца: тиран не забыл сего сверженного им Митрополита и послал к нему своего любимца Малюту Скуратова будто бы для того, чтобы взять у него благословение. Старец отвечив, что благословляют только добрых и на доброе. Угадывая вину Посольства, он с кротостию примолвил: «Я давно ожидаю смерти: да исполнится воля Государева!» Она исполнилась: гнусный Скуратов задушил Св. мужа; но, желая скрыть убийство, объявил Игумену и братии, что Филипп умер от несносного жара в его келии. Устрашенные Иноки вырыли могилу за олтарем и в присутствии убийцы погребли сего великого иерарха Церкви Российской, украшенного венцем Мученика и славы: ибо умереть за добродетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя История не представляют нам Героя знаменитейшего. Чрез несколько лет (в 1584 году) Святые Мощи его были пренесены в обитель Соловецкую, а после (в 1652 году) в Москву, в храм Успения Богоматери, где мы и ныне с умилением им поклоняемся.

За тайным злодейством следовали явные. Иоанн не хотел въехать в Тверь и пять дней жил в одном из ближних монастырей, между тем как сонмы неистовых воинов грабили сей город, начав с Духовенства и не оставив ни одного дома целого: брали легкое, драгоценное; жгли, чего не могли взять с собою; людей мучили, убивали, вешали в забаву; одним словом, напомнили несчастным Тверитянам ужасный 1327 год, когда жестокая месть Хана Узбека совершалась над их предками. Многие Литовские пленники, заключенные в тамошних темницах, были изрублены или утоплены в прорубях Волги: Иоанн смотрел на сие

душегубство! — Оставив наконец дымящуюся кровию Тверь, он также свирепствовал в Медном, в Торжке, где в одной башне сидели Крымские, а в другой Ливонские пленники, окованные цепями: их умертвили; но Крымцы, защищаясь, тяжело ранили Малюту Скуратова, едва не ранив и самого Иоанна. Вышний Волочек и все места до Ильмена были опустошены огнем и мечем. Всякого, кто встречался на дороге, убивали, для того, что поход Иоаннов долженствовал быть *тайною* для России!

[1570 г.] 2 Января передовая многочисленная дружина Государева вошла в Новгород, окружив его со всех сторон крепкими заставами, дабы ни один человек не мог спастись бегством. Опечатали церкви, монастыри в городе и в окрестностях; связали Иноков и Священников; взыскивали с каждого из них по двадцати рублей, а кто не мог заплатить сей пени, того *ставили на правеж* : всенародно били, секли с утра до вечера. Опечатали и дворы всех граждан богатых; гостей, купцов, приказных людей оковали цепями; жен, детей стерегли в домах. Царствовала тишина ужаса. Никто не знал ни вины, ни предлога сей опалы. Ждали прибытия Государева.

6 Января, в день Богоявления, ввечеру, Иоанн с войском стал на Городище, в двух верстах от посада. На другой день казнили всех Иноков, *бывших на правеже* : их избili палицами и каждого отвезли в свой монастырь для погребения. Января 8 Царь с сыном и с дружиною вступил в Новгород, где на Великом мосту встретил его Архиепископ Пимен с чудотворными иконами: не приняв Святительского благословения, Иоанн грозно сказал: «злочестивец! в руке твоей не крест животворящий, но оружие убийственное, которое ты хочешь вонзить нам в сердце. Знаю умысел твой и всех гнусных Новгородцев; знаю, что вы готовитесь предаться Сигизмунду-Августу. Отселе ты уже не Пастырь, а враг Церкви и Св. Софии, хищный волк, губитель, ненавистник венца Мономахова!» Сказав, Государь велел ему идти с иконами и крестами в Софийскую церковь; слушал там Литургию, молился усердно, пошел в палату к Архиепископу, сел за стол со всеми Боярами, начал обедать и вдруг завопил страшным голосом... Явились воины, схватили Архиепископа, чиновников, слуг его; ограбили палаты, келии, а Дворецкий, Лев Салтыков, и Духовник Государев Евстафий церковь Софийскую: взяли ризную казну, сосуды, иконы, колокола; обнажили и другие храмы в монастырях богатых, после чего немедленно открылся суд на Городище... Судили Иоанн и сын его таким образом: ежедневно представляли им от пятисот до тысячи и более Новгородцев; били их. мучили, жгли каким-то составом

огненным, привязывали головою или ногами к саням, влекли на берег Волхова, где сия река не мерзнет зимою, и бросали с моста в воду, целыми семействами, жен с мужьями, матерей с грудными младенцами. Ратники Московские ездили на лодках по Волхову с кольями, баграми и секирами: кто из вверженных в реку всплывал, того кололи, рассекали на части. Сии убийства продолжались пять недель и заключились грабежом общим: Иоанн с дружиною объехал все обители вокруг города; взял казны церковные и монастырские; велел опустошить дворы и келии, истребить хлеб, лошадей, скот; предал также и весь Новгород грабежу, лавки, дома, церкви; сам ездил из улицы в улицу; смотрел, как хищные воины ломались в палаты и кладовые, отбивали ворота, влезали в окна, делили между собою шелковые ткани, меха; жгли пеньку, кожи; бросали в реку воск и сало. Толпы злодеев были посланы и в пятины Новгородские губить достояние и жизнь людей без разбора, без ответа. Сие, как говорит Летописец, *неисповедимое колебание, падение, разрушение Великого Новагорода продолжалось около шести недель* .

Февраля 12, в Понедельник второй недели Великого Поста, на рассвете, Государь призвал к себе остальных именитых Новгородцев, из каждой улицы по одному человеку: они явились как тени, бледные, изнуренные ужасом, ожидая смерти. Но Царь *возрел на них оком милостивым и кротким* : гнев, ярость, дотоле пылавшие в глазах его, как страшный метеор, угасли. Иоанн сказал тихо: «Мужи Новгородские, все доселе живущие! Молите Господа о нашем благочестивом Царском державстве, о христоролюбивом воинстве, да побеждаем всех врагов видимых и невидимых! Суди Бог изменнику моему, вашему Архиепископу Пимену и злым его советникам! На них, на них взыщется кровь, здесь излианная. Да умолкнет плач и стенание; да утишится скорбь и горесть! Живите и благоденствуйте в сем граде! Вместо себя оставляю вам Правителя Боярина и Воеводу моего Князя Петра Данииловича Пронского. Идите в дома свои с миром!» Еще судьба Архиепископа не решилась: его посадили на белую кобылу в худой одежде, с волынкою, с бубном в руках как шута или скомороха, возили из улицы в улицу и за крепкою стражею отвезли в Москву.

Иоанн немедленно удалился от Новагорода дорогою Псковскою, отправив несметную добычу святотатства и грабежа в столицу. Некому было жалеть о богатстве похищенном: кто остался жив, благодарил Бога или не помнил себя в исступлении! Уверяют, что граждан и сельских жителей изгубило тогда не менее шестидесяти тысяч. Кровавый Волхов, запруженный телами и членами истерзанных людей,

долго не мог пронести их в Ладожское озеро. Голод и болезни довершили казнь Иоаннову, так что Иереи в течение шести или семи месяцев не успевали погребать мертвых: бросали их в яму без всяких обрядов. Наконец Новгород как бы пробудился от мертвого оцепенения: 8 Сентября все, еще живые, Духовенство, миряне, собрались в поле у церкви Рождества Христова служить общую панихиду за усопших над тамошнею скудельницею, где лежало 10000 неотпетых тел Христианских! (В первом месте стоял нищий старец Иоанн Жгальцо, который один с молитвою предавал мертвых земле в сие ужасное время.) — Опустел Великий Новгород. Знатная часть Торговой, некогда многолюдной стороны обратилась в площадь, где, сломав все уже необитаемые дома, заложили дворец Государев.

Иоанн готовил Пскову участь Новагорода, думая, что и жители оного хотели изменить России. Там начальствовал добрый Князь Юрий Токмаков и жил славный благочестием отшельник *Салос* (юродивый) Никола: один счастливым советом, другой счастливою дерзостью спасли город. В Субботу второй недели Великого Поста Царь ночевал в монастыре Св. Николая на Любатове, видя Псков, где в ожидании приближающейся грозы никто не смыкал глаз; все люди были в движении; ободряли друг друга или прощались с жизнью, отцы с детьми, жены с мужьями. В полночь Царь услышал благовест и звон церковей Псковских: сердце его, как пишут современники, чудесно умилилось. Он вообразил живо, с какими чувствами идут граждане к Заутрене в последний раз молить Всевышнего о спасении их от гнева Царского, с каким усердием, с какими слезами припадают к святым иконам — и мысль, что Господь внимает гласу сердец сокрушенных, тронула душу, столь ожесточенную! В каком-то неизъяснимом порыве жалости Иоанн сказал Воеводам своим: «Иступите мечи о камень! Да престанут убийства!..» На другой день, вступив в город, он с изумлением увидел на всех улицах пред домами столы с изготовленными яствами (так было сделано по совету Князя Юрия Токмакова): граждане, жены их, дети, держа хлеб и соль, преклоняли колена, благословляли, приветствовали Царя и говорили ему: «Государь Князь Великий! Мы, верные твои подданные, с усердием и любовью предлагаем тебе хлеб-соль; а с нами и животами нашими твори волю свою: ибо все, что имеем, и мы сами твои, Самодержец великий!» Сия неожиданная покорность была приятна Иоанну. Игумен Печерский Корнилий с Духовенством встретил его на площади у церковей Св. Варлаама и Спаса. Царь слушал молебен в храме Троицы, поклонился гробу Св. Всеволода-Гавриила, с удивлением рассматривал тяжелый

меч сего древнего Князя и зашел в келию к старцу *Салосу* Николе, который под защитою своего юродства не убоился обличать тирана в кровопийстве и святотатстве. Пишут, что он предложил Иоанну в дар... кусок сырого мяса; что Царь сказал: «Я Христианин и не ем мяса в Великий Пост», а пустынный отвечал: «Ты делаешь хуже: питаешься человеческою плотию и кровию, забывая не только Пост, но и Бога!» Грозил ему, предсказывал несчастья и так устрашил Иоанна, что он немедленно выехал из города; жил несколько дней в предместьи; дозволил воинам грабить имение богатых людей, но не велел трогать Иноков и Священников; взял только казны монастырские и некоторые иконы, сосуды, книги и как бы неволью пощадив Ольгину родину, спешил в Москву, чтобы новою кровию утолять свою неутолимую жажду к мучительству.

Архиепископ Пимен и некоторые знатнейшие Новгородские узники, вместе с ним присланные в Александровскую Слободу, ждали там конца своего. Миновало около пяти месяцев, но не в бездействии: производилось важное следствие; собирали доносы, улики; искали в Москве тайных единомышленников Пименовых, которые еще укрывались от мести Государевой, сидели в главных приказах, даже в совете Царском, даже пользовались особенною милостию, доверенностию Иоанна. Печатник, или Канцлер, Иван Михайлович Висковатый, муж опытнейший в делах государственных — казначей Никита Фуников, также верный слуга Царя и Царства от юности до лет преклонных — Боярин Семен Васильевич Яковлев, Думные Дьяки Василий Степанов и Андрей Васильев были взяты под стражу; а с ними вместе, к общему удивлению, и первые любимцы Иоанновы: Вельможа Алексей Басманов, Воевода мужественный, но бесстыдный угодник тиранства — сын его, Крайчий Феодор, прекрасный лицом, гнусный душою, без коего Иоанн не мог ни веселиться на пирах, ни свирепствовать в убийствах — наконец самый ближайший к его сердцу нечестивец Князь Афанасий Вяземский, обвиняемые в том, что они с Архиепископом Пименом хотели отдать Новгород и Псков Литве, извести Царя и посадить на трон Князя Владимира Андреевича. Жалея о добрых, заслуженных сановниках, Россияне могли с тайным удовольствием видеть казнь Божию над клеветами мучителя, без сомнения невинными пред ним, но виновными пред Государством и человечеством. Сии жестокие Царедворцы поздно узнали, что милость тирана столь же опасна, как и ненависть его; что он не может долго верить людям, коих гнусность ему известна; что малейшее подозрение, одно слово, одна мысль достаточны для их падения; что губитель, карая

своих услужников, наслаждается чувством правосудия: удовольствие редкое для кровожадного сердца, закоснелого во зле, но все еще угрызаемого совестью в злодеяниях! Быв долго клеветниками, они сами погибли от клеветы. Пишут, что Царь имел неограниченную доверенность к Афанасию Вяземскому: единственно из рук сего любимого Оружничего принимал лекарства своего доктора Арнольфа Лензея; единственно с ним беседовал о всех тайных намерениях, ночью, в глубокой тишине, в спальне. Сын Боярский, именем Федор Ловчиков, облагодетельствованный Князем Афанасием, донес на него, что он будто бы предуведомил Новгородцев о гнев Царском, следственно был их единомышленником. Иоанн не усомнился: молчал несколько времени и вдруг, призвав Вяземского к себе, говоря ему о важных делах государственных с обыкновенною доверенностию, велел между тем умертвить его лучших слуг; возвращаясь домой, Князь Вяземский увидел их трупы: не показал ни изумления, ни жалости; прошел мимо в надежде сим опытом своей преданности обезоружить Государя; но был ввержен в темницу, где уже сидели и Басмановы, подобно ему уличаемые в измене. Всех обвиняемых пытали: кто не мог вынести мук, клеветал на себя и других, коих также пытали, чтобы выведать от них неизвестное им самим. Записывали показания истязуемых; составили дело огромное, предложенное Государю и сыну его, Царевичу Иоанну; объявили казнь изменникам: ей надлежало совершиться в Москве, в глазах всего народа, и так, чтобы столица, уже приученная к ужасам, еще могла изумиться!

25 Июля, среди большой торговой площади, в Китае-городе, поставили 18 виселиц; разложили многие орудия мук; зажгли высокий костер и над ним повесили огромный чан с водою. Увидев сии грозные приготовления, несчастные жители вообразили, что настал последний день для Москвы; что Иоанн хочет истребить их всех без остатка: в беспамятстве страха они спешили укрыться где могли. Площадь опустела; в лавках отворенных лежали товары, деньги; не было ни одного человека, кроме толпы опричников у виселиц и костра пылающего. В сей тишине раздался звук бубнов: явился Царь на коне с любимым старшим сыном, с Боярами и Князьями, с легионом кромешников, в стройном ополчении; позади шли осужденные, числом 300 или более, в виде мертвецов, истерзанные, окровавленные, от слабости едва передвигая ноги. Иоанн стал у виселиц, осмотрелся, и не видя народа, велел опричникам искать людей, гнать их отовсюду на площадь; не имев терпения ждать, сам поехал за ними, призывая Москвитян быть свидетелями его суда, обещая им безопасность и

милость. Жители не смели ослушаться: выходили из ям, из погребов; трепетали, но шли: вся площадь наполнилась ими; на стене, на кровлях стояли зрители. Тогда Иоанн, возвысив голос, сказал: «Народ! увидишь муки и гибель; но караю изменников! Ответствуй: прав ли суд мой?» Все ответствовали велегласно: «Да живет многие лета Государь Великий! Да погибнут изменники!» Он приказал вывести 180 человек из толпы осужденных и даровал им жизнь, как менее виновным. Потом Думный Дьяк Государев, развернув свиток, произнес имена казнимых; вызвал Висковатого и читал следующее: «Иван Михайлов, бывший Тайный Советник Государев! Ты служил несправедно его Царскому величеству и писал к Королю Сигизмунду, желая предать ему Новгород. Се первая вина твоя!» Сказав, ударил Висковатого в голову и продолжал: «А се вторая, меньшая вина твоя: ты, изменник неблагодарный, писал к Султану Турецкому, чтобы он взял Астрахань и Казань». Ударив его в другой — и в третий раз, Дьяк примолвил: «Ты же звал и Хана Крымского опустошать Россию: се твое третье злое дело!» Тут Висковатый, смиренный, но великодушный, подняв глаза на небо, отвечал: «Свидетельствуюсь Господом Богом, ведающим сердца и помышления человеческие, что я всегда служил верно Царю и отечеству. Слышу наглые клеветы: не хочу более оправдываться, ибо земный судья не хочет внимать истине; но Судья Небесный видит мою невинность — и ты, о Государь! увидишь ее пред лицом Всевышнего!»... Кромешники заградили ему уста, повесили его вверх ногами, обнажили, рассекли на части, и первый Малюта Скуратов, сошедши с коня, отрезал ухо страдальцу. Вторую жертвою был казначей Фуников-Карцов, друг Висковатого, в тех же изменах и столь же нелепо обвиняемый. Он сказал Царю: «Се кланяюсь тебе в последний раз на земле, моля Бога, да примешь в вечности праведную мзду по делам своим!» Сего несчастного обливали кипящею и холодною водою: он умер в страшных муках. Других кололи, вешали, рубили. Сам Иоанн, сидя на коне, пронзил копием одного старца. Умертвили в 4 часа около двухсот человек. Наконец, совершив дело, убийцы, облианные кровию, с дымящимися мечами стали пред Царем, восклицая: *гойда! гойда!* и славили его правосудие. Объехав площадь, обозрев груды тел, Иоанн, сытый убийствами, еще не насытился отчаянием людей: желал видеть злосчастных супругов Фуникова и Висковатого; приехал к ним в дом, смеялся над их слезами; мучил первую, требуя сокровищ; хотел мучить и пятнадцатилетнюю дочь ее, которая стенала и вопила, но отдал ее сыну Царевичу Иоанну, а после вместе с матерью и с женою Висковатого заточил в монастырь, где они

умерли с горести.

Граждане Московские, свидетели сего ужасного дня, не видали в числе его жертв ни Князя Вяземского, ни Алексея Басманова: первый испустил дух в пытках; конец последнего — несмотря на все беспримерные, описанные нами злодейства — кажется еще невероятным: да будет сие страшное известие вымыслом богопротивным, внушением естественной ненависти к тирану, но клеветою! Современники пишут, что Иоанн будто бы принудил юного Федора Басманова убить отца своего, тогда же или прежде заставив Князя Никиту Прозоровского умертвить брата, Князя Василия! По крайней мере сын-изверг не спас себя отцеубийством: он был казнен вместе с другими.

Имение их описали на Государя; многих знатных людей сослали на Белоозеро, а Святителя Пимена, лишив сана Архиепископского, в Тульский монастырь Св. Николая; многих выпустили из темниц на поруки; некоторых даже наградили Царскою милостию. — Три дни Иоанн отдыхал: ибо надлежало предать трупы земле! В четвертый день снова вывели на площадь несколько осужденных и казнили: Малюта Скуратов, предводитель палачей, рассекал топорами мертвые тела, которые целую неделю лежали без погребения, терзаемые псами. (Там, близ Кремлевского рва, на крови и на костях, в последующие времена стояли церкви как умильный Христианский памятник сего душегубства.) Жены избиенных Дворян, числом 80, были утоплены в реке.

Одним словом, Иоанн достиг наконец высшей степени безумного своего тиранства; мог еще губить, но уже не мог изумлять Россиян никакими новыми изобретениями лютости. Крепив сердце, опишем только некоторые из бесчисленных злодеяний сего времени.

Не было ни для кого безопасности, но всего менее для людей известных заслугами и богатством: ибо тиран, ненавидя добродетель, любил корысть. Славный Воевода, от коего бежала многочисленная рать Селимова, — который двадцать лет не сходил с коня, побеждая и Татар и Литву и Немцев, Князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный, призванный в Москву, видел и слышал от Царя одни ласки; но вдруг легион опричников стремится к его дому Кремлевскому: ломают ворота, двери и пред лицом, у ног Иоанна отсекают голову сему, ни в чем не обвиненному Воеводе. Тогда же были казнены: Думный советник Захария Иванович Очин-Плещеев; Хабаров-Добрынский, один из богатейших сановников; Иван Воронцов, сын Федора, любимца Иоанновой юности; Василий

Разладин, потомок славного в XIV веке Боярина Квашни; Воевода Кирик-Тырков, равно знаменитый и Ангельскою чистотою нравов и великим умом государственным и примерным мужеством воинским, израненный во многих битвах; Герой-защитник Лаиса Андрей Кашкаров; Воевода Нарвский Михайло Матвеевич Лыков, коего отец сжег себя в 1534 году, чтобы не отдать города неприятелю, и который, будучи с юных лет пленником в Литве, выучился там языку Латинскому, имел сведения в науках, отличался благородством души, приятностию в обхождении — и ближний родственник сего Воеводы, также Лыков, прекрасный юноша, посланный Царем учиться в Германию: он возвратился было ревностно служить отечеству с душою пылкою, с разумом просвещенным! Воевода Михайловский, Никита Козаринов-Голохвастов, ожидая смерти, уехал из столицы и посхимился в каком-то монастыре на берегу Оки; узнав же, что Царь прислал за ним опричников, вышел к ним и сказал: «Я тот, кого вы ищите!» Царь велел взорвать его на бочке пороха, говоря в шутку, что схимники — Ангелы и должны лететь на небо. Чиновник Мясоед Вислой имел прелестную жену: ее взяли, обесчестили, повесили перед глазами мужа, а ему отрубили голову. Гнев тирана, падая на целые семейства, губил не только детей с отцами, супруг с супругами, но часто и всех родственников мнимого преступника. Так, кроме десяти Колычевых, погибли многие Князья Ярославские (одного из них, Князя Ивана Шаховского, Царь убил из собственных рук булавою); многие Князья Прозоровские, Ушатые, многие Заболотские, Бутурлины. Нередко знаменитые Россияне избавлялись от казни славною кончиною. Два брата, Князья Андрей и Никита Мещерские, мужественно защищая новую Донскую крепость, пали в битве с Крымцами: еще трупы сих витязей, орошаемые слезами добрых сподвижников лежали непогребенные, когда явились палачи Иоанновы, чтобы зарезать обоих братьев: им указали тела их! То же случилось и с Князем Андреем Оленкиным: присланные убийцы нашли его мертвого на поле чести. Иоанн, ни мало тем не умиленный, совершил лютую месть над детьми сего храброго Князя: уморил их в заточении.

Но смерть казалась тогда уже легкою: жертвы часто требовали ее как милости. Невозможно без трепета читать в записках современных о всех адских вымыслах тиранства, о всех способах терзать человечество. Мы упоминали о сковородах: сверх того были сделаны для мук особенные печи, железные клещи, острые ногти, длинные иглы; разрезывали людей по составам, перетирали тонкими веревками надвое, сдирали кожу, выкраивали ремни из спины...

И когда, в ужасах душегубства, Россия цепенела, во дворце раздавался шум ликующих: Иоанн тешился с своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами, коих присылали к нему из Новагорода и других областей вместе с медведями! Последними он травил людей и в гневе и в забаву: видя иногда близ дворца толпу народа, всегда мирного, тихого, приказывал выпускать двух или трех медведей и громко смеялся бегству, воплю уstraшенных, гонимых, даже терзаемых ими; но изувеченных всегда награждал: давал им по золотой деньге и более. Одною из главных утех его были также многочисленные шуты, коим надлежало смешить Царя прежде и после убийств и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ими славился Князь Осип Гвоздев, имея знатный сан придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, Царь вылил на него мису горячих щей: бедный смехотворец вопил, хотел бежать: Иоанн ударил его ножом... Обливаясь кровию, Гвоздев упал без памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. «Исцели слугу моего доброго, — сказал Царь: — я поиграл с ним неосторожно». *Так неосторожно* (отвечал Арнольф), *что разве Бог и твое Царское Величество может воскресить умершего: в нем уже нет дыхания*. Царь махнул рукою, назвал мертвого шута псом, и продолжал веселиться. В другой раз, когда он сидел за обедом, пришел к нему Воевода Старицкий, Борис Титов, поклонился до земли и величал его как обыкновенно. Царь сказал: «Будь здрав, любимый мой Воевода: ты достоин нашего жалованья» — и ножом отрезал ему ухо. Титов, не изъявив ни малейшей чувствительности к боли, с лицом покойным благодарил Иоанна за милостивое наказание: желал ему царствовать счастливо! — Иногда тиран сластолюбивый, забывая голод и жажду, вдруг отвергал яства и питье, оставлял пир, громким кликом сзывал дружину, садился на коня и скакал плавать в крови. Так он из-за роскошного обеда устремился растерзать Литовских пленников, сидевших в Московской темнице. Пишут, что один из них, Дворянин Быковский, вырвал копье из рук мучителя и хотел заколоть его, но пал от руки Царевича Иоанна, который вместе с отцом усердно действовал в таких случаях, как бы для того, чтобы отнять у Россиян и надежду на будущее царствование! Умертвив более ста человек, тиран при обыкновенных восклицаниях дружины: *гойда! гойда!* с торжеством возвратился в свои палаты и снова сел за трапезу... Однако ж и в сие время, и на сих пирах убийственных, еще слышался иногда голос человеческий, вырывались слова великодушной смелости. Муж храбрый, именем Молчан Митьков, нудимый Иоанном выпить чашу крепкого меда, воскликнул в

горести: «О Царь! Ты велишь нам вместе с тобою пить мед, смешанный с кровию наших братьев, Христиан правоверных!» Иоанн вонзил в него свой острый жезл. Митьков перекрестился и с молитвою умер.

Таков был Царь; таковы были подданные! Ему ли, им ли должны мы наиболее удивляться? Если он не всех превзошел в мучительстве, то они превзошли всех в терпении, ибо считали власть Государеву властью Божественною и всякое сопротивление беззаконием; приписывали тиранство Иоанново гневу небесному и калялись в грехах своих; с верою, с надеждою ждали умилоствления, но не боялись и смерти, утешаясь мыслию, что есть другое бытие для счастья добродетели и что земное служит ей только искушением; гибли, но спасли для нас могущество России: ибо сила народного повиновения есть сила государственная.

Довершим картину ужасов сего времени: голод и мор помогали тирану опустошать Россию. Казалось, что земля утратила силу плодородия: сеяли, но не собирали хлеба; и холод и засуха губили жатву. Дороговизна сделалась неслыханная: четверть ржи стоила в Москве 60 алтын или около девяти нынешних рублей серебряных. Бедные толпились на рынках, спрашивали о цене хлеба и вопили в отчаянии. Милостыня оскудела: ее просили и те, которые дотоль сами питали нищих. Люди скитались как тени; умирали на улицах, на дорогах. Не было явного возмущения, но были страшные злодейства: голодные тайно убивали и ели друг друга! От изнурения сил, от пищи неестественной родилась прилипчивая смертоносная болезнь в разных местах. Царь приказал заградить многие пути; конная стража ловила всех едущих без письменного вида, неуказною дорогою, имея повеление жечь их вместе с товарами и лошадьми. Сие бедствие продолжалось до 1572 года.

Но ни Судьба, ни тиран еще не насытились жертвами. Не заключим, а только прервем описание зол, чтобы с удивлением видеть Иоанна как бы равнодушного, спокойного в его неутомимой политической деятельности.

Весною в 1570 году Послы Сигизмундовы приехали в Москву для заключения мира, желая доставить его и Королю Шведскому; но Иоанн не хотел слышать о последнем. В тайной беседе они сказали Царю, что Вельможи их думают в случае Сигизмундовой, вероятно не отдаленной смерти предложить ему венец Королевский, как Государю Славянского племени, Христианину и Владыке сильному. Не изъявив ни удовольствия, ни решительного согласия, Иоанн хладнокровно отвечал: «Милосердием Божиим и молитвами наших

прародителей Россия велика: на что мне Литва и Польша? Когда же вы имеете сию мысль, то вам не должно раздражать нас затруднениями в святом деле покоя Христианского». Говорили о мире, но заключили только перемирие на три года, утвержденное Сигизмундом в Варшаве в присутствии наших Послов, которые донесли Царю, что Вельможи Литовские желают выдать за него сестру Сигизмундову Софию и видят в нем уже будущего своего властителя; что они не хотят поддаться ни Цесарю, худому защитнику и собственным земель его, ни другим Государям, более или менее слабым, в сравнении с Московским, неприятелем опасным, но и самым надежнейшим покровителем. Честолюбивый Иоанн верил и мысленно уже простирал свою кровавую десницу к венцу Ягеллонов!

Между тем он деятельно занимался Ливониею. Любимцы его, Таубе и Крузе, возвышенные им в сан Думных людей, внушили ему мысль составить из бывших Орденских земель особенное *Королевство* под верховною властью России, уверяя, что все жители в таком случае пристанут к нам душою и сердцем, изгонят Шведов, Литовцев и будут вместе с Королем своим вернейшими подданными Великого Государя Московского. Еще в 1565 году, как пишут, Иоанн в самых милостивых выражениях предлагал знаменитому своему пленнику Фирстенбергу быть Ливонским Владетелем и Царским присяжником; но сей великодушный старец отвечал, что для него лучше умереть в неволе, нежели изменить совести и святым обетам Рыцарства. В 1569 году Таубе и Крузе, пользуясь доверенностью Иоанновою, имели сношения с Ревельскими гражданами, склоняя их поддаться Царю, обещая им *времена златые*, свободу, тишину и говорили им: «Что представляет Ливония в течение двенадцати лет? картину ужасных бедствий, кровопролитий, разорений. Никто не уверен ни в жизни, ни в достоянии. Мы служим великому Царю Московскому, но не изменили своему первому, истинному отечеству, коему хотим добра и спасения. Знаем, что он намерен всеми силами ударить на Ливонию: выгнать Шведов, Поляков и Датчан. Где защитники? Германия о вас не думает: беспечность и слабость Императора вам известны. Король Датский не смеет молвить Царю грубого слова. Дряхлый Сигизмунд унижается, ищет мира в Москве, а своих Ливонских подданных только утесняет. Швеция ждет мести и казни: вы уже сидели бы в осаде, если бы жестокая язва, свирепствуя в России, не препятствовала Царю мыслить о воинских действиях. Он любит Немцев; сам происходит от Дома *Баварского* и дает вам слово, что под его державою не будет города счастливее Ревеля. Изберите себе властителя из Князей Германских: не

вы, но единственно сей властитель должен зависеть от Иоанна, как Немецкие Принцы зависят от Императора — не более. Наслаждайтесь миром, вольностию, всеми выгодами торговли, не платя дани, не зная трудов службы воинской. Царь желает быть единственно вашим благодетелем!» В то же время они именем Иоанновым предлагали Герцогу Курляндскому Готгарду сан Ливонского Короля. Но им не верили как ненавистным слугам Московского, уже везде известного тирана. Ревель не хотел изменить Швеции, а Готгард Сигизмунду. Тогда поверенные Иоанновы обратились к Принцу Датскому Магнусу, владельцу Эзеля, и сей легкомысленный юноша, ими обольщенный, согласился быть орудием Иоанновой политики, без ведома брата своего, Короля Датского.

В знак доверенности к великим милостям, ему обещанным, Магнус сам поехал к Царю. В Дерпте услышал он о судьбе Новагорода: остановился, медлил и думал возвратиться с пути от ужаса. Но честолюбие одержало верх: он приехал в Москву с великою пышностию, на двухстах конях, со множеством слуг и чиновников; был принят с особенною благосклонностию, угощаем пирами — и через несколько дней совершилось важное дело: Царь назвал Магнуса *Королем Ливонии*, а Магнус Царя своим Верховным Владыкою и отцем, удостоенный чести жениться на его племяннице *Евфимии*, дочери несчастного Князя Владимира Андреевича. Брак отложили до благоприятнейшего времени. Иоанн обещал невесте пять бочек золота; для своего будущего зятя освободил Дерптских пленников; дал ему войско для изгнания Шведов из Эстонии. Провожаемый многими Немцами и полками Российскими, Магнус вступил в Ливонию, объявляя жителям свое Королевство, милость Иоаннову, соединение всех земель Орденских, начало тишины и благоденствия. Таубе, Крузе, уполномоченные Царем, торжественно ручались за его искренность и добрую волю; говорили и писали, что Ливония останется Державою свободою, платя только легкую дань Государю Московскому; что все наши чиновники выедут оттуда; что одни Немцы именем Короля и закона будут управлять землею. Многие верили и радовались, но недолго. Магнус, жертва честолюбия и легковерия, сделался виновником новых бедствий для несчастной Ливонии.

Слушаясь во всем Таубе и Крузе, он (23 Августа) приступил к Ревелю с 5000 Россиян и со многочисленною Немецкою дружиною в надежде овладеть им без кровопролития: но граждане ответствовали на его предложение, что они знают коварство Иоанна; что тиран своего народа не может быть благодетелем чужого; что неопытный юный

Магнус имеет советников или злонамеренных или безрассудных; что ему готовится в России участь Князя Михайла Глинского, но что Ревель не хочет уподобиться Смоленску. Началась осада, вылазки и смертоносные болезни как в городе, так и в стане Россиян, которые оказывали более терпения, нежели искусства и храбрости. Земляные работы изнуляли осаждающих бесполезно; действие их огнестрельного снаряда было слабо. Заняв высоты пред самыми воротами Ревельскими и построив деревянные башни, они пускали гранаты, каленые ядра в крепость без важного вреда для неприятеля. Настала осень, зима. Воеводы Московские, Боярин Иван Петрович Яковлев, Князья Лыков, Кропоткин, не умея взять Ревеля, только грабили села Эстонские и в Феврале отпустили в Россию 2000 саней, наполненных добычею. Ждали, что голод заставит осажденных сдаться; но Шведский флот успел доставить им изобилие в съестных и воинских припасах. Наконец войско уже изъявляло неудовольствие. Магнус был в отчаянии; винил Царских советников, Таубе и Крузе; не знал, что делать, и послал Духовника своего, Шраффера, с новыми убеждениями к Ревельским гражданам. Сей красноречивый Пастор бесстыдно уверял их, что Иоанн есть Государь истинно Христианский, любит Церковь Латинскую более Греческой и легко может пристать к Аугсбургскому исповеданию; что он строг по необходимости для одних Россиян, а Немцам друг истинный; что Ревель бесполезным сопротивлением удаляет златой век, даруемый Ливонии в особе юного Короля. Граждане велели ему идти назад без ответа — и 16 Марта, стояв под Ревелем 30 недель, Магнус снял осаду, зажег стан, ушел с своею Немецкою дружиною в Оберпален, данный ему Царем в залог будущего Королевства; а наше войско расположилось в восточной Ливонии.

Сия первая неудача должна была оскорбить Царя. В то же время сведав о мире Короля Датского с Шведским, он изъявил Магнусу живейшее неудовольствие, обвиняя брата его в нарушении союза с Россиею и в дружбе с ее злодеем. Другое неожиданное происшествие еще более встревожило и Царя и Магнуса. Обязанные Иоанну свободою, знатностию, богатством, Крузе и Таубе, после несчастной Ревельской осады утратив доверенность нового Короля Ливонского, боясь утратить и Государеву, забыли клятву, честь — вступили в тайные сношения с Шведами, с Поляками и вознамерились овладеть Дерптом, чтобы отдать его тем или другим. Способ казался легким: они могли располагать дружиною Немецких воинов, которые, служа Царю за деньги, не усомнились изменить ему. Знатные жители Дерптские, быв долго пленниками в России, более других Ливонцев ненавидели ее

господство: следственно можно было надеяться на их ревностное содействие. С сею мыслию заговорщики вломились в город; умертвили стражу; звали к себе друзей, братьев; кричали, что настал час свободы и мести. Но изумленные граждане остались только зрителями: никто не пристал к изменникам, с коими Россияне в несколько минут управились: одних изрубили, других выгнали, и, считая жителей предателями, в остервенении умертвили многих невинных. Таубе и Крузе спаслися бегством: отверженные Ревельцами, не хотевшими ни слушать, ни видеть их, они искали убежища в Польских владениях, где Король и в особенности Герцог Курляндский приняли сих безрассудных с великою честью, в надежде сведать от них важные государственные тайны России, но сведали единственно о всех ужасах тиранства Иоаннова! За год до того времени Таубе и Крузе писали к Императору Максимилиану, что один Иоанн может изгнать Турков из Европы, имея войско бесчисленное, опытное, непобедимое: изменив России, они уверяли Максимилиана и других Европейских Государей в ее бессилии и в возможности завоевать или по крайней мере стеснить оную! — Опасаясь быть жертвою их измены и гнева Иоаннова, Магнус, хотя и невинный, спешил уехать из Оберпалена на остров Эзель.

Но Царь умел быть твердым в намерениях, скрывать внутреннюю досаду, казаться хладнокровным в самых важных несгодах. Он старался успокоить Магнуса новыми уверениями в своей милости; с горестию известив его о внезапной кончине невесты, юной Евфимии, предложил ему руку малолетней сестры ее, Марии, с такими ж условиями, с тем же богатым приданым и снова обещал завоевать для него Эстонию. Магнус утешился: с благодарностию принял опять имя жениха Царской племянницы; ждал с нею Королевства и писал к брату, к Императору, к Князьям Германии, что не суетное честолюбие, но истинное усердие к общему благу Христиан заставило его искать союза России, дабы сделаться посредником между Империею и сею великою державою, которая может вместе с другими европейскими Венценосцами восстать для обуздания Турции. Сию надежду имел и сам Император и вся Германия, устрашаемая Султанским властолюбием; но Иоанн, как увидим, не думал о славе защитить Христианскую Европу от Магометанского оружия: думал единственно о выгодах своей особенной политики — о вернейшем способе овладеть всею Ливониею и смирить гордость Ревельцев, которые дерзали торжественно именовать его тираном и величались победою, одержанною над Россиянами, уставив ежегодно праздновать ее память 16 Марта. Он готовил месть, замедленную тогда ужаснейшим бедствием Москвы и

всей юго-восточной России.

Следуя правилу не умножать врагов России, Иоанн хотел отвлечь новую, бесполезную войну с Султаном, коего добрая к нам приязнь могла обуздывать Хана: для того (в 1570 году) Дворянин Новосильцов ездил в Константинополь поздравить Селима с воцарением. Иоанн в ласковом письме к нему исчислял все дружественные сношения России с Турциею от времен Баязета; удивлялся впадению Селимовой рати в наши владения без объявления войны; предлагал и мир и дружбу. «Мой Государь, — должен был сказать Новосильцов Вельможам Султанским, — не есть враг Мусульманской Веры. Слуга его, Царь Саин-Булат, господствует в Касимове, Царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, Князья Ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях: ибо у нас всякий иноземец живет в своей Вере. В Кадоме, в Мещере многие приказные Государевы люди Мусульманского Закона. Если умерший Царь Казанский Симеон, если Царевич Муртоза сделались Христианами, то они сами желали, сами требовали крещения». Новосильцов был доволен благосклонным приемом, заметив только, что Султан не спрашивал его о здравии Иоанна и, в противность нашему обыкновению, не звал обедать с собою. Но сие Посольство и другое (в 1571 году) не имели желаемого следствия, хотя Царь, в угодность Селиму, согласился уничтожить новую крепость нашу в Кабарде. Гордый Султан хотел Астрахани и Казани, или того, чтобы Иоанн, владея ими, признал себя данником Оттоманской Империи. Предложение столь нелепое осталось без ответа. В то же время Царь узнал, что Селим просит Киева у Сигизмунда для удобнейшего впадения в Россию; что он велел делать мосты на Дунае и запасать хлеб в Молдавии; что Хан, возбуждаемый Турками, готовится к войне с нами; что Царевич Крымский разбил тестя Государева, Темгрюка, и взял в плен двух его сыновей. Уже Девлет-Гирей в непосредственных сношениях с Москвою снова начал грозить, требовать дани и восстановления Царств Батыевых, Казанского, Астраханского. Уже из Донкова, из Путивля извещали Государя о движениях Ханского войска: разъезды наши видели в степях пыль необычайную, огни ночью, *сакму* или следы многочисленной конницы; слышали вдали *прыск* и ржание табунов. Полководцы Московские стояли на Оке. Два раза сам Иоанн с сыном своим выезжал к войску, в Коломну, в Серпухов. Уже были и легкие сшибки, в местах Рязанских и Коширских; но Крымцы везде являлись в малом числе, немедленно исчезая, так что Государь наконец успокоился — объявил

донесения Сторожевых Атаманов неосновательными — и зимою распустил большую часть войска...

[1571 г.] Тем более он встревожился при наступлении весны, хотя Хан, вооружив всех своих улусников, тысяч сто или более, с необыкновенною скоростью вступил в южные пределы России, где встретили его некоторые беглецы, наши Дети Боярские, изгнанные из отечества ужасом Московских казней: сии изменники сказали Девлет-Гирею, что голод, язва и непрестанные опалы в два года истребили большую часть Иоаннова войска; что остальное в Ливонии и в крепостях; что путь к Москве открыт; что Иоанн только для славы, только для вида может выйти в поле с малочисленною опричниною, но не замедлит бежать в Северные пустыни; что в истине того они ручаются своею головою, и будут верными путеводителями Крымцев. Изменники, к несчастию, сказала правду: мы имели уже гораздо менее Воевод мужественных и войска исправного. Князя Бельский, Мстиславский, Воротынский, Бояре Морозов, Шереметев, спешили, как обыкновенно, занять берега Оки, но не успели: Хан обошел их и другим путем приблизился к Серпухову, где был сам Иоанн с опричниною. Требовалось решительности, великодушия: Царь бежал!.. в Коломну, оттуда в Слободу, мимо несчастной Москвы; из Слободы к Ярославлю, чтобы спастись от неприятеля, спастись от изменников: ибо ему казалось, что и Воеводы и Россия выдают его Татарам! Москва оставалась без войска, без начальников, без всякого устройства: а Хан уже стоял в тридцати верстах! Но Воеводы Царские с берегов Оки, не отдыхая, приспели для защиты — и что же сделали? Вместо того, чтобы встретить, отразить Хана в поле, заняли предместия Московские, наполненные бесчисленным множеством беглецов из деревень окрестных; хотели обороняться между тесными, бранными зданиями. Князь Иван Бельский и Морозов с большим полком стали на Варламовской улице; Мстиславский и Шереметев с правою рукою на Якимовской; Воротынский и Татев на Таганском лугу против Крутиц; Темкин с дружиною опричников за Неглинною. На другой день, Мая 24, в праздник Вознесения, Хан подступил к Москве — и случилось, чего ожидать надлежало: он велел зажечь предместия. Утро было тихое, ясное. Россияне мужественно готовились к битве, но увидели себя объатыми пламенем: деревянные дома и хижины вспыхнули в десяти разных местах. Небо омрачилось дымом; поднялся вихрь и чрез несколько минут огненное, бурное море разлилось из конца в конец города с ужасным шумом и ревом. Никакая сила человеческая не могла остановить разрушения: никто не думал тушить; народ, воины в

беспамятстве искали спасения и гибли под развалинами пылающих зданий, или в тесноте давили друг друга, стремясь в город, в Китай, но отовсюду гонимые пламенем бросались в реку и тонули. Начальники уже не повелевали, или их не слушались: успели только завалить Кремлёвские ворота, не впуская никого в сие последнее убежище спасения, огражденное высокими стенами. Люди горели, падали мертвые от жара и дыма в церквах каменных. Татары хотели, но не могли грабить в предместьях: огонь выгнал их, и сам Хан, устрешенный сим адом, удалился к селу Коломенскому. В три часа не стало Москвы: ни посадов, ни Китая-города; уцелел один Кремль, где в церкви Успения Богоматери сидел Митрополит Кирилл с святынею и с казною; Арбатский любимый дворец Иоаннов разрушился. Людей погибло невероятное множество: более ста двадцати тысяч воинов и граждан, кроме жен, младенцев и жителей сельских, бежавших в Москву от неприятеля; а всех около восьмисот тысяч. Главный Воевода Князь Бельский задохнулся в погребке на своем дворе, также Боярин Михайло Иванович Вороной, первый доктор Иоаннов, Арнольф Лензей, и 25 Лондонских купцев. На пепле бывших зданий лежали груды обгорелых трупов человеческих и конских. «Кто видел сие зрелище, — пишут очевидцы, — тот вспоминает об нем всегда с новым ужасом и молит Бога не видать оного вторично».

Девлет-Гирей совершил подвиг: не хотел осаждать Кремля, и с Воробьевых гор обозрев свое торжество, кучи дымящегося пепла на пространстве тридцати верст, немедленно решился идти назад, испуганный, как уверяют, ложным слухом, что Герцог или Король Магнус приближается с многочисленным войском. Иоанн, в Ростове получив весть об удалении врага, велел Князю Воротынскому идти за Ханом, который однако ж успел разорить большую часть юго-восточных областей Московских и привел в Тавриду более ста тысяч пленников. Не имея великодушия быть утешителем своих подданных в страшном бедствии, боясь видеть феатр ужаса и слез, Царь не хотел ехать на пепелище столицы: возвратился в Слободу и дал указ очистить Московские развалины от гниющих трупов. Хоронить было некому: только знатных или богатых погребали с Христианскими обрядами; телами других наполнили Москву-реку, так что ее течение пресеклось: они лежали грудями, заражая ядом тления и воздух и воду; а колодези осушились или были засыпаны: остальные жители изнемогали от жажды. Наконец собрали людей из окрестных городов; вытаскали трупы из реки и предали их земле. — Таким образом, фиал гнева Небесного излился на Россию. Чего не доставало к ее бедствиям,

после голода, язвы, огня, меча, плена и — тирана? Теперь увидим, сколь тиран был малодушен в сем первом, важнейшем злочючении своего Царствования. 15 Июня он приблизился к Москве и остановился в Братовщине, где представили ему двух гонцов от Девлет-Гирея, который, выходя из России, как величавый победитель желал с ним искренно объясниться. Царь был в простой одежде: Бояре и Дворяне также в знак скорби или неуважения к Хану. На вопрос Иоаннов о здравии брата его, Девлет-Гирея, чиновник Ханский отвечивал: «*Так говорит тебе Царь наш*, мы назывались друзьями; ныне стали неприятелями. Братья ссорятся и мирятся. Отдай Казань с Астраханью: тогда усердно пойду на врагов твоих». Сказав, гонец явил дары Ханские: нож, окованный золотом, и примолвил: «Девлет-Гирей носил его на бедре своей: носи и ты. Государь мой еще хотел послать тебе коня; но кони наши утомились в земле твоей». Иоанн отвергнул сей дар *непристойный* и велел читать Девлет-Гирееву грамоту: «Жгу и пустошу Россию (писал Хан) единственно за Казань и Астрахань; а богатство и деньги *применяю* к праху. Я везде искал тебя, в Серпухове и в самой Москве; хотел венца и головы твоей: но ты бежал из Серпухова, бежал из Москвы — и смеешь хвалиться своим Царским величием, не имея ни мужества, ни стыда! Ныне узнал я пути Государства твоего: снова буду к тебе, если не освободишь посла моего, бесполезно томимого неволею в России; если не сделаешь, чего требую, и не дашь мне клятвенной грамоты за себя, за детей и внучат своих». Как же поступил Иоанн, столь надменный против Христианских, знаменитых Венценосцев Европы? *Бил челом Хану* : обещал уступить ему Астрахань при торжественном заключении мира; а до того времени молил его не тревожить России; не отвечал на слова бранные и насмешки язвительные; соглашался отпустить Посла Крымского, если Хан отпустит Афанасия Нагого и пришлет в Москву Вельможу для дальнейших переговоров. Действительно готовый в крайности отказаться от своего блестящего завоевания, Иоанн писал в Тавриду к Нагому, что мы должны по крайней мере вместе с Ханом утверждать будущих Царей Астраханских на их престоле; то есть желал сохранить тень власти над сею Державою. Изменяя нашей государственной чести и пользе, он не усомнился изменить и правилам Церкви: в угодность Девлет-Гирею выдал ему тогда же одного знатного Крымского пленника, сына Княжеского, добровольно принявшего в Москве Веру Христианскую; выдал на муку или на перемену Закона к неслыханному соблазну для Православия.

Унижаясь пред врагом, Иоанн как бы обрадовался новому поводу к

душегубству в бедной земле своей, и еще Москва дымилась, еще Татары злодействовали в наших пределах, а Царь уже казнил и мучил подданных! Мы видели, что изменники Российские ввели Девлет-Гирея к столице: сею изменою Иоанн мог изъяснить успех неприятеля; мог, как и прежде, оправдывать исступления своего гнева и злобы: нашел и другую вину, не менее важную. Скучая вдовством, хотя и не целомудренным, он уже давно искал себе третьей супруги. Впадение Ханское прервало сие дело; когда же опасность миновалась, Царь снова занялся оным. Из всех городов свезли невест в Слободу, и знатных и незнатных, числом более двух тысяч; каждую представляли ему особенно. Сперва он выбрал 24, а после 12, коих надлежало осмотреть доктору и бабкам; долго сравнивал их в красоте, в приятностях, в уме; наконец предпочел всем Марфу Васильевну Собакину, дочь купца Новгородского, в то же время избрав невесту и для старшего Царевича, Евдокию Богдановну Сабурову. Отцы счастливых красавиц из ничего сделались Боярами, дяди будущей Царицы Окольничими, брат Крайчим; возвысив саном, их наделили и богатством, *добычею опал*, имением отнятым у древних родов Княжеских и Боярских. Но Царская невеста занемогла; начала худеть, сохнуть: сказали, что она *испорчена* злодеями, ненавистниками Иоаннова семейственного благополучия, и подозрение обратилось на ближних родственников Цариц умерших, Анастасии и Марии. Разыскивали — вероятно, страхом и лестью домогались истины или клеветы. Не знаем всех обстоятельств: знаем только, кто и как погиб в сию *пятую* эпоху убийств. Шурин Иоаннов Князь Михайло Темрюкович, суровый Азиатец, то знатнейший Воевода, то гнуснейший палач, осыпавый и милостями и ругательствами, многократно обогащаемый и многократно лишавый всего в забаву Царю, должен был с полком опричников идти вслед за Девлет-Гиреем: он выступил — и вдруг, сраженный опалю, был посажен на кол! Вельможу Ивана Петровича Яковлева (прощенного в 1566 году), брата его, Василия, бывшего пестуном старшего Царевича, и Воеводу Замятню Сабурова, родного племянника несчастной Соломонины, первой супруги отца Иоаннова, засекали, а Боярина Льва Андреевича Салтыкова постригли в Монахи Троицкой обители и там умертвили. Открылись казни иного рода: злобный клеветник доктор Елисей Бомелий, о коем мы упоминали, предложил Царю истреблять лиходеев ядом и составлял, как уверяют, губительное зелие с таким адским искусством, что отравляемый издыхал в назначаемую тираном минуту. Так Иоанн казнил одного из своих любимцев Григория Грязного, Князя Ивана Гвоздева-Ростовского и

многих других, признанных участниками в отравлении Царской невесты или в измене, открывшей путь Хану в Москве. Между тем Царь женился (28 Октября) на больной Марфе, надеясь, по его собственным словам, спасти ее сим действием любви и доверенности к милости Божией; чрез шесть дней женил и сына на Евдокии; но свадебные пиры заключились похоронами: Марфа 13 Ноября скончалась, быв или действительно жертвою человеческой злобы или только несчастною виновницею казни безвинных. Во всяком случае Царственный гроб ее, стоящий подле двух супруг Иоанновых, в Девичьем монастыре Вознесенском, есть предмет умиления и горестных мыслей для потомства.

Утешенный местию, Иоанн искал дальнейшего рассеяния в делах государственных. Боясь вторичного Ханского нашествия и желая взять меры для безопасности Москвы, он уничтожил ее посады: всех купцов и мещан перевел оттуда в город и запретил им строить *высокие* деревянные дома, опасные в случае пожара; осмотрел, распорядил войско; велел Касимовскому Царю, Саин-Булату, с передовою дружиною идти на Шведов к Орешку, и сам отправился в Новгород. Казалось, что ему нелегко было увидеть сие позорище лютых казней, ужасное знамение его гнева, — то место, где в страшном безмолвии людей камни вопияли на губителя, — место скорби, уныния, нищеты и болезней, которые там еще свирепствовали. Наместники Новгородские велели собраться всем жителям пред пустым необитаемым двором Архиепископским и читали им грамоту Иоаннову: Царь писал, чтобы они были спокойны и готовили, по древнему обычаю, запасы для его прибытия. Очистили ему двор и сад на Никитской улице; поставили в Софийской церкви новое место Царское и над ним золотого голубя как бы в знак примирения и незлобия; обновили и место Святительское в сем без владыки осиротелом храме. Взяли строгие меры для безопасности Царского здравия: не велели хоронить в городе людей, умирающих от болезни заразной; отвели для них кладбище на берегу Волхова, близ монастыря Хутынского; с утра до ночи ходили стражи по улицам, осматривая дома и запирая те, в коих сей недуг обнаружился; не пускали к больным и Священников, угрожая тем и другим, в случае непослушания, сожжением на костре. Сия жестокая строгость имела однако ж благодетельное следствие: в начале зимы Духовенство объявило торжественно Посланнику Государеву, что мор совершенно прекратился в Новгороде — и 23 Декабря для обрадования жителей, приехал к ним новый их Архиепископ Леонид, поставленный в Москве

из Архимандритов Чудовского монастыря; а на другой день и сам Государь с детьми своими и с знатнейшими чиновниками. Еще двор Иоаннов, несмотря на избиение столь многих Вельмож, казался пышным и блестящим; еще являлись у трона мужи, украшенные сединою и заслугами. Походную или воинскую Думу его составляли тогда Бояре и Князья Мстиславский, Воротынский, Пронский, Трубецкой, Одоевский, Сицкий, Шереметев и знатнейший между ими Петр Тутаевич Шийдяков Ногайский; Окольничий Василий Собакин; Думные Дворяне Малюта Скуратов и Черемисинов; Печатник Олферьев; Дьяки Андрей и Василий Яковлевы Щелкаловы, главные дельцы по смерти злосчастного Ивана Махайловича Висковатого. Полки собирались в Орешке и в Дерпте, чтобы воевать вместе и Финляндию и Эстонию в отмщение Королю Шведскому за неисполнение Эрикава безумного договора и за неудачу Магнуса под Ревелем.

Но пепел Москвы, оскудение России и новые опасения со стороны Хана склоняли Иоанна к миролюбию: он хотел только мира честного. Послы Шведские были сосланы в Муром: их привезли в Новгород, где объявили им условия Царской милости. Иоанн требовал, чтобы Король заплатил 10000 ефимков за оскорбление Воронцова и Наумова в Стокгольме, уступил нам всю Эстонию и серебряные рудники в Финляндии, заключил с Царем союз против Литвы и Дании, а в случае войны давал ему 1000 конных и 500 пеших ратников; наконец, чтобы Король именовал его в грамотах *Властителем Швеции* и прислал в Москву свой герб для изображения одного на печати Царской! Послы, изнуренные жестокою неволею, страшились досадить Иоанну как за себя, так и за слабую Швецию, угрожаемую нападением сильного войска: молили Царевичей и Бояр убедить Государя, чтобы он унял свой меч, отпустил их к Королю и согласился мирно ждать ответа; говорили, что в Финляндии нет серебряной руды; что Швеция есть земля бедная и не в силах помогать нам войском. Представленные Иоанну, они пали ниц: Царь велел им встать и сказал: «Я владыка Христианский и не хочу земного себе поклонения»; исчислил вины Короля: повторил свои требования и примолвил: «да исполнит волю нашу или увидим, чем меч острее». Далее объявил им, что он, требуя Екатерины от Эрика, считал ее вдовою бездетною: следственно не нарушал тем устава Божественного; хотел единственно иметь надежный залог для усмирения Сигизмунда. Послы уверяли, что Король во всем *исправится* и *добьет челом* Царю за вину свою; обедали с ним и подписали грамоту, в коей сказано, что великий

Государе Российский пременял гнев на милость к Швеции и согласился не воевать ее владений до Троицына дни, с условием, чтобы Король прислал к сему времени других Послов в Новгород, а с ними 10000 ефимков за обиду Воронцова и Наумова, 200 конных воинов, снаряженных по *Немецкому чину*, на службу Московскую и несколько искусных металлургов; чтобы он свободно пропускал в Россию мед, олово, свинец, нефть, серу: также медиков, художников, людей воинских. В ласковой беседе с Епископом Абовским Бояре расспрашивали о летах, уме и дородстве юной сестры Королевской; изъявили желание иметь ее живописный образ и дали чувствовать, что Царь может на ней жениться. Наконец отпустили Послов в Стокгольм с честью и с письмом к Королю. Иоанн писал: «Ничем не умолишь меня, если не откажешься от Ливонии. Надежда твоя на Цесаря есть пустая. Говори, что хочешь; но словами не защитишь земли своей». Тогда Царь объявил войску, что неприятельские действия отлагаются из уважения к челобитью Шведов, и пробыв 26 дней в Новгороде — не сделав там никому зла, восстановив к удовольствию жителей старинный обычай судных поединков, дав им в наместники первостепенного Боярина Князя Мстиславского, и Пронского — 18 Генваря выехал оттуда, провождаемый благословениями народа.

[1572 г.] Первым делом его по возвращении в Москву или в Александровскую Слободу было неслыханное дотоле в России церковное беззаконие. Он в *четвертый раз* женился, на Анне Алексеевне Колтовской, девице весьма незнатной, не рассудив за благо требовать Святительского благословения; но немедленно усовестился, созвал Епископов и молил их утвердить сей брак. Митрополит Кирилл в то время преставился: на Соборе первенствовал Новгородский Архиепископ Леонид, корыстолюбец, угодник мирской власти. Так Иоанн говорил Святителям (торжественно в храме Успения): «Злые люди чародейством извели первую супругу мою Анастасию. Вторая, Княжна Черкасская, также была отравлена, и в муках, в терзаниях отошла ко Господу. Я ждал немало времени и решился на третий брак, отчасти для нужды телесной, отчасти для детей моих, еще не достигших совершенного возраста: юность их претила мне оставить мир; а жить в мире без жены соблазнительно. Благословенный Митрополитом Кириллом, я долго искал себе невесты, испытывал, наконец избрал; но зависть, вражда погубили Марфу, только именем Царицу: еще в невестах она лишилась здоровья и чрез две недели супружества преставилась девою. В отчаянии, в горести я хотел посвятить себя житию Иноческому; но видя опять жалкую младость

сыновей и Государство в бедствиях, дерзнул на четвертый брак. Ныне, припадая с умилением, молю Святителей о разрешении и благословении». Такое смирение великого Царя, как сказано в деяниях сего Собора, глубоко тронуло Архиепископов и Епископов: они *проливали слезы*, болезнуя о вине и виновном. Читали устав Вселенских Соборов; рассуждали и положили утвердить брак, *ради теплого, умильного покаяния* Государева, с заповедию не входить Иоанну в храм до Пасхи, только в сей день причаститься Святых Таин, год стоять в церкви с *припадающими*, год с *верными* и вкушать антидор единственно в праздники; но в случае воинского похода увольняли его от сей эпитимии: брали ее на себя; между тем обязывались молиться за Царицу Анну — и дабы беззаконие Царя не было соблазном для народа, то грозили ужасною церковною клятвою всякому, кто подобно Иоанну дерзнет взять четвертую жену. Кроме Леонида грамоту разрешительную подписали Архиепископы Корнилий Ростовский и Антоний Полоцкий, семь Епископов, несколько Архимандритов и знатнейших Игуменов. Успокоив Иоаннову совесть, они занялись и другим важным делом: избрали Митрополита: сей чести удостоился Архиепископ Антоний.

Между тем, желая мира, но готовясь к войне — требуя всех детей Боярских на службу, укрепляя города южные, Волхов, Орел, незадолго до сего времени основанный в степи, — Иоанн имел переговоры с разными державами. Он возобновил союз с Королевою Елисаветою, быв недоволен ее холодностию к объявленному им намерению искать убежища в Англии и, едва не выгнав из России Лондонских купцов, обвиняемых в незаконном корыстолюбии. Чтобы умилоствовать Царя, Елисавета в четвертый раз прислала к нему Дженкинсона с уверениями в дружестве искреннем и неизменном. «Для чего же Королева (сказал Иоанн), занимаясь единственно выгодами Английской торговли, не оказала живого участия в обстоятельствах решительных для судьбы моей? Знаю, что торговля важна для Государства; но собственные дела Царские еще важнее купеческих». Дженкинсон оправдывал Елисавету, вина худых переводчиков, которые не умели истолковать ее слов, одушевленных любовью к Царю; спрашивал о преступлении купцов Лондонских; исчислил их услуги; доказывал, что они, исполняя волю Королевы, содействовали успехам нашего оружия в Ливонии, не дав Северным Державам заградить морского пути в Нарву и лишить Россию выгод Балтийской торговли, Иоанн смягчился; объявил милость всем Англичанам, не хотел говорить о вине их, сказав: «Кого прощаю, того уже не виню. Будем друзьями, как были. Прежняя тайна

остаётся тайною. Теперь иные обстоятельства; а в случае нужды откроюсь возлюбленной сестре моей Елисавете с полною доверенностию». То есть, искоренив мнимых внутренних врагов, он уже не мыслил о бегстве в Лондон! Снова исходатайствовав для купцев своих милостивое дозволение торговать в России, предложив основать контору в Астрахани для мены с Персиею и гостиный двор в Колмогорах, Дженкинсон требовал еще 1) свободного отпуска Английских художников и ремесленников из Москвы в Лондон; 2) платежа за товары, взятые у Англичан в долг некоторыми опальными, *казненными* Дворянами Царскими и 3) за все, что сгорело у сих купцев во время Московского пожара. Сии требования, кажется, были неприятны Иоанну: он сказал, что иноземцы вольны жить или не жить у нас; что велит справиться о долгах, а впредь не хочет о них слышать; что Государь не ответствен за огонь и за гнев Божий, который обратил Москву в пепел. Дженкинсона отпустили с честью и с ласковым письмом к Елисавете.

В новых сношениях с Даниею и с Литвою Иоанн следовал старым правилам гордой непреклонности. Король Фредерик не давал ему знать о своем мире с Швециею, не изъявлял ни малейшего участия в судьбе Магнуса, но уверял Царя в неизменном дружестве; жаловался, что Россияне отнимают у норвежцев земли и рыбные ловли; просил *опасной грамоты* для Послов Императора Максимилиана, едущих в Москву за важным делом. Царь сказал: «Фредерик хорошо делает, что желает нам быть верным другом до конца жизни; но то не хорошо, что без нашего веления мирится с неприятелем России. Да исправится; да стоит с нами заедино; да убедит Шведов повиниться воле моей! О делах Норвежских разведем и не замедлим в управе. Послов брата нашего, Максимилиана, ожидаем: им путь свободен сюда и отсюда». Сигизмундов посланник Гарабурда объявил Иоанну, что во многих Немецких городах ходят от его имени письма бранные, весьма оскорбительные для Короля, исполненные лжи и нелепостей; что Царь должен торжественно отказаться от сих злобою рассеянных клевет; что герцог Магнус с помощью Россиян воевал Королевские мызы; что мы в противность договору заняли Тарваст; что Сигизмунд желал бы охотно уступить нам некоторые из Ливонских городов за Полоцк. Дьяк Царский, Андрей Щелкалов, отвечивал, что бранные письма о Короле сочинены Немцами Таубе и Крузе в опровержение Сигизмундова злословия, как они доносили Иоанну; что сии два негодяя бежали в Литву; что Королю должно прислать их в Москву для казни и что тогда Царь немедленно известит всех Государей

Европейских о подлоге оскорбительных для Сигизмунда грамот; что Тарваст занят нами, ибо он наш; что Магнус воевал не Польские, а Шведские владения; что если Король уступит России всю Ливонию, то мы готовы уступить ему и Полоцк и Курляндию; что Иоанн, для дела столь важного, будет ждать великих Послов Королевских во Пскове: ибо Царь опять ехал в Новгород, чтобы заключить мир или воевать с Швециею презираемую, в то время, когда, не имея вестей из Тавриды, мог угадывать злое намерение Хана; когда уже носился слух о близости его нового нашествия; когда безопасность и Москвы и России требовала Царского присутствия в столице, возникающей из пепла, слабой, робкой в ужасных воспоминаниях своего недавнего бедствия! Иоанн как бы искал единственно личной безопасности в стране отдаленной: послал в Новгород 450 возов с казною; взял туда с собою и юную супругу, обоих сыновей, Царевича Михайла (Кайбулина сына), Молдавского Воеводича Стефана и Волошского Радула, братьев Царицы, Григория и Александра Колтовских, немногих Бояр, всех любимцев, лучших Дьяков и войско отборное, а на случай осады (следственно им предвиденной!) вверил защиту Москвы Князьям Юрию Токмакову и Тимофею Долгорукому. Но осталось войско и в поле: знаменитый муж Князь Михайло Воротынский, с достойными товарищами, с Боярином Шереметевым, с Князьями Никитою Одоевским, Андреем Хованским, стояли на Оке, чтобы ждать, отразить Хана. Государь дал им и свою семитысячную дружину Немецкую с ее предводителем Георгием Фаренсбахом; только сам — был уже далеко!

Приехав в Новгород, Иоанн усилил войско в Дерпте, Феллине, Лаисе; ждал вестей от Короля Шведского и писал к Сигизмунду, что успех государственных дел зависит от выбора людей; что Каштелян Троцкий Евстафий Волович и Писарь Михайло Гарабурда скорее всех иных Литовских Панов могут доставить своему отечеству надежный мир с Россиею. Король не хотел, кажется, исполнить желания Иоаннова, ответствуя, что Послами его будут сановники равной знатности с Воловичем и с Гарабурдою. Сие письмо было последним Сигизмундовым словом к Царю: он умер 18 Июля, дав совет Вельможам предложить корону Ягеллонов Государю Российскому. По крайней мере они спешили известить Царя о Сигизмундовой смерти, обещая немедленно вступить с ним в важные переговоры. Открылись новые благоприятные виды для честолюбия Иоаннова... Но в сие время он думал более о спасении своего Царства, нежели о приобретении чуждого.

Еще не довольный ни разорением Московских областей, ни

унижением гордого Иоанна и в надежде вторично обогатиться пленниками без сражения, убивать только безоружных, достигнуть нашей столицы без препятствия, даже свергнуть, изгнать Царя, варвар Девлет-Гирей молчал, отдыхал *не расседывая коней*, и вдруг, сказав Уланам, Князьям, Вельможам, что лучше не тратить времени в переписке *лживой*, а решить дело об Астрахани и Казани с Государем Московским изустно, лицом к лицу, устремился старым, знакомым ему путем к Дону, к Угре, сквозь безопасные для него степи, мимо городов обожженных, чрез пепел разрушенных сел, с войском, какого после Мамай, Тохтамыш, Ахмета, не собирали Ханы — с Ногаями, с Султанскими Янычарами, с огнестрельным снарядом. Малочисленные Россияне сидели в крепостях неподвижно; в поле изредка являлись всадники не для битвы, а для наблюдений. Хан уже видел Оку пред собою — и тут увидел наконец войско Московское: оно стояло на левом берегу ее, в трех верстах от Серпухова, в окопах, под защитою многих пушек. Сие место считалось самым удобным для переправы; но Хан, заняв Россиян жаркою пальбою, сыскал другое, менее оберегаемое, и в следующий день уже был на левом берегу Оки, на Московской дороге... Иоанн узнал о сем 31 Июля в Новгороде, где он, скрывая внутреннее беспокойство души, пировал в монастырях с Боярами, и праздновал свадьбу шурина своего Григория Колтовского и топил в Волхове детей Боярских. Еще имея полки, но уже не имея времени защитить ими столицу, Царь праздно ждал дальнейших вестей; а Москва трепетала, слыша, что Хан уже назначал в ее стенах дома для Вельмож Крымских. Настал час решить, справедливо ли Государь гневный всегда обвинял Полководцев Российских в малодушии, в нерадении, в холодности ко благу и ко славе отечества!

Воротынский, кинув укрепления бесполезные, ринулся за неприятелем, гнал его по пятам, настиг, остановил, принудил к битве 1 Августа, в пятидесяти верстах от столицы, у Воскресения в Молодах. У Хана было 120000 воинов: наших гораздо менее. Первым надлежало победить и для того, чтобы взять Астрахань с Казанью, и для того, чтобы спастись или открыть себе свободный путь назад, в отдаленные свои Улусы; а Россияне стояли за все, что еще могли любить в жизни: за Веру, отечество, родителей, жен и детей! Москва без Иоанна тем более умиляла их сердца жалостию, восстав из пепла как бы единственно для нового разрушения. Вступили *в бой на смерть* с обеих сторон. Берега Лопасни и Рожая облились кровию. Стреляли, но более секлись мечами в схватке отчаянной; давили друг друга; хотели победить дерзостию, упорством. Но Князь Воротынский и бился и

наблюдал: устраивал, ободрял своих; вымышлял хитрости; заманивал Татар в места, где они валились горами от действия скрытых им пушек — и когда обе рати, двигаясь взад и вперед утомились, начали слабеть, невольно ждали конца делу, сей потом и кровию орошенный Воевода зашел узкою долиною в тыл неприятелю... Битва решилась. Россияне победили: Хан оставил им в добычу обозы, шатры, собственное знамя свое; ночью бежал в степи и привел в Тавриду не более двадцати тысяч всадников, как уверяют. Лучшие Князья его пали; а знатнейший храбрец неверных, бич, губитель Христиан, Дивий Мурза Ногайский, отдался в плен суздальскому витязю Алалыкину. Сей день принадлежит к числу великих дней воинской славы: Россияне спасли Москву и честь; утвердили в нашем подданстве Астрахань и Казань; отмстили за пепел столицы и если не навсегда, то по крайней мере надолго уняли Крымцев, наполнив их трупами недра земли между Лопаснею и Рожаем, где донныне стоят высокие курганы, памятники сей знаменитой победы и славы Князя Михайла Воротынского.

6 Августа привезли радостную весть в Новгород сановник Давыдов и Князь Ногтев, свидетели, участники победы с лицом веселым, какого уже давно не видал Иоанн пред собою, вручили ему трофеи: два лука, две сабли Девлет-Гиреевы; смиренно били челом от Воевод добрых, которые всю славу приписывали Богу и Государю. Чуждый умиления благодарности, он был счастлив концом своего мучительного страха: осыпал вестников и Воевод милостями; велел звонить в колокола, петь молебны день и ночь, три дни сряду, и в обличение своего малодушия — в доказательство, что не Ливония, не Швеция, но боязнь Ханского нашествия заставила его оставить Москву — спешил возвратиться в столицу с супругою, с Царевичами, со всем Двором, чтобы принять благодарность народа за спасение отечества!..

Пред выездом из Новгорода Иоанн написал грозное письмо к Королю Шведскому. «Думая, — говорил он, — что ты и земля твоя, казенная нашим гневом, уже образумилась, я ждал Послов от тебя: они не едут, и ты распускаешь слух, будто я *прошу* у вас мира!.. Тебе не жаль земли Шведской; надеешься на свое богатство!.. Спроси, что было Хану Крымскому от Воевод моих! Мы едем ныне в Москву, а к Декабрю будем опять в Великом Новгороде. Тогда увидишь, как Царь Российский и его войско *просят мира* у Шведов».

Глава IV

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1572—1577 г.

Уничтожение опричнины. Годунов. Дела Крымские. Сношения с Литвою. Война в Эстонии. Бунт в Казанской области. Брак Магнуса. Перемирие с Швециею. Дела Польские. Союз с Австриею. Избрание Батория в Короли. Война Ливонская. Измена Магнуса. Письмо к Курбскому. Шестая эпоха казней. Местничества. Пример верности. Пятое и шестое супружество Иоанново.

Иоанн въехал в Москву с торжеством и славою. Все ему благоприятствовало. Бедствия, опасности и враги исчезли. Смертоносные болезни и голод прекратились в России. Хан смирился. Султан уже не мыслил о войне с нами. Литва, Польша, сиротствуя без Короля, неллицемерно искали Иоанновой дружбы. Швеция не имела ни сил, ни устройства; а Царь, оставив в Ливонии рать многочисленную, нашел в Москве 70000 победителей, готовых к новым победам. Но и без оружия, без кровопролития он мог совершить дело великое, исполнить важный замысел своего отца, возвратить, чего мы лишились в злосчастные времена Батыевы и еще соединить с Россиею древнее достояние Пиастов — то есть вследствие мирного, добровольного избрания быть Королем Польским. Один внутренний мятеж сердца злобного мешал Иоанну наслаждаться сими лестными для его честолюбия видами; но казалось, что Небо, избавив Россию от язвы и голода, хотело тогда смягчить и душу ее Царя.

Беспримерными ужасами тиранства испытал неизменную верность народа; не видя ни тени сопротивления, ни тени опасностей для мучительства; истребив *гордых, самовластных* друзей Адашева, главных сподвижников своего доброго Царствования; передав их знатность и богатство сановникам новым, безмолвным, ему угодным: Иоанн, к внезапной радости подданных, вдруг уничтожил ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лет терзала внутренность Государства. По крайней мере исчезло сие страшное имя с его гнусным символом, сие безумное разделение областей, городов, Двора, приказов, воинства. Опальная *земщина* назвалась опять Россиею. Кромешники разоблачились, стали в ряды обыкновенных Царедворцев, Государственных чиновников, воинов, имея уже не Атамана, но Царя, единого для всех Россиян, которые могли надеяться, что время убийств и грабежа миновало; что мера зол исполнилась, и горестное отечество успокоится под сению власти законной.

Некоторые действия правосудия, совершенные Иоанном в сие время, без сомнения также питали надежду добрых. Объявив

неприятелей великодушного иерарха Филиппа наглыми клеветниками, он заточил Соловецкого Игумена, лукавого Паисия на дикий остров Валаам; бесовестного Филофея, Епископа Рязанского, лишил Святительства; чиновника Стефана Кобылина, жестокого, Грубого пристава Филиппова, сослал в монастырь Каменного острова, и многих иных пособников зла с гневом удалил от лица своего, к утешению народа, который в их бедствии видел доказательство, что Бог не предал России в жертву слепому случаю; что есть Всевышний Мститель, закон и правда Небесная!

Оставался еще один, но главный из клеветов тиранства, Малюта Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, наперник Иоаннов до гроба: он жил вместе с Царем и другом своим для суда за пределами сего мира. Любовь к нему Государева (если тираны могут любить!) начинала тогда возвышать и благородного юношу, зятя его, свойственника первой супруги отца Иоаннова, Бориса Федоровича Годунова, в коем уже зрели и великие добродетели Государственные и преступное властолюбие. В сие время ужасов юный Борис, украшенный самыми редкими дарами природы, сановитый, благолепный, прозорливый, стоял у трона окровавленного, но чистый от крови, с тонкою хитростию избегая гнусного участия в смертоубийствах, ожидая лучших времен, и среди зверской опричнины сияя не только красотою, но и тихостию нравственною, наружно уветливый, внутренно неуклонный в своих дальновидных замыслах. Более Царедворец, нежели воин, Годунов являлся под знаменами отечества единственно при особе Монарха, в числе его первых оруженосцев, и еще не имея никакого знатного сана, уже был на Иоанновой свадьбе (в 1571 году) дружкою Царицы Марфы, а жена его, Мария, свахою: что служило доказательством необыкновенной к нему милости Государевой. Может быть, хитрый честолюбец Годунов, желая иметь право на благодарность отечества, содействовал уничтожению опричнины, говоря не именем добродетели опальной, но именем снисходительной, непротивной тиранам Политики, которая спускает им многое, осуждаемое Верою и нравственностию, но будто бы нужное для их личного, особенного блага, отвергая единственно зло бесполезное в сем смысле: ибо Царь не исправился, как увидим, и сокрушив любезное ему дотоле орудие мучительства, остался мучителем!..

Довольный расположением признательного народа, свободный от стыда и боязни, Иоанн по возвращении в столицу величаво принял гонца Ханского. Девлет-Гирей писал, что он совсем не думал воевать

России, а ходил к Москве единственно для заключения мира; что наши Воеводы хвалятся победою мнимою, вымышленною; что Ногаи, утомив коней своих, слезами убедили его идти назад, и что бывшие маловажные сшибки доказали превосходное мужество Крымцев, а не Россиян. «Долго ли, — говорил Хан, — враждовать нам за Астрахань и Казань? Отдай их, и мы друзья навеки. Тем спасешь меня от греха: ибо, по нашим книгам, не можем оставить Царств Мусульманских в руках у неверных. Казны твоей не требуем: с одной стороны у нас Литва, с другой Черкасы: станем их воевать по соседству, и не будем голодны». Он *просил* хотя одной Астрахани, но Иоанн отвечал ему уже как победитель: «Удаляясь от кровопролития, мы доселе *тешили* брата своего Девлет-Гирея, но ничем *не утешили*. Его требования безрассудны. Ныне видим против себя одну *саблю*, Крым; а если отдадим Хану завоеванное нами, то Казань будет *вторая сабля*, Астрахань третья, Ногаи четвертая». Девлет-Гирей, отпустив наконец знаменитого Российского Посла Афанасия Нагого в Москву, желал, чтобы Государь освободил и Крымского, Ян-Болдыя, который 17 лет томился у нас в неволе; но сей Вельможа Ханский, получив свободу, не успел ею воспользоваться и кончил жизнь в Дорогобуже. Один из любимцев Иоанновых, Василий Грязной, был взят Крымцами в разезде на Молошных Водах: Хан предлагал Царю обменять сего пленника на Мурзу Дивия. Иоанн не согласился, хотя и жалел о судьбе Грязного, хотя и писал к нему *дружественные письма*, в коих, по своему характеру, милостиво издевался над его заслугами, говоря: «Ты мыслил, что воевать с Крымцами так же легко, как шутить за столом моим. Они не вы: не дремлют в земле неприятельской и не твердят беспрестанно: *время домой!* Как вздумалось тебе назваться знатным человеком? Правда, что мы, окруженные Боярами изменниками, должны были, удалив их, приблизить вас, низких рабов к лицу нашему; но не забывай отца и деда своего! Можешь ли равняться с Дивием? Свобода возвратит тебе мягкое ложе, а ему меч на Христиан. Довольно, что мы, жалуя рабов усердных, готовы искупить тебя нашею казною». — «Нет, Государь, — писал в ответ Василий Грязной, раб умом и душою, хвастливый и подлый, — я не дремал в земле неприятельской: исполняя приказ твой, добывал языков для безопасности Русского Царства; не верил другим: сам день и ночь бодрствовал. Меня взяли израненного, полумертвого, оставленного робкими товарищами. В бою я губил врагов Христианства, а в плену твоих изменников: никто из них не остался здесь в живых; все тайно пали от руки моей!.. Шутил я за столом Государевым, чтобы веселить

Государя; ныне же умираю за Бога и за тебя; еще дышу, но единственно по особенной милости Божией, и то из усердия к твоей службе, да возвращуся вновь тешить Царя моего. Я телом в Крыму, а душою у Бога и у тебя. Не боюсь смерти: боюсь только опалы». Имея нужду в таких людях для своей забавы и (как он думал) безопасности, Иоанн выкупил Грязного за 2000 рублей; а Дивий умер невольником в Новгороде, к сожалению Царя: ибо Хан готов был клятвенно утвердить союз с нами для освобождения сего важного пленника, уже не требуя Астрахани. Между тем гонцы Московские ездили в Крым с дружескими письмами не столько для заключения мира, сколько для вестей, которые были весьма благоприятны для спокойствия России: ужасный голод свирепствовал в Тавриде; Козаки Донские и Днепровские непрестанными набегами опустошали Улусы ее: первые взяли даже Азов, и хотя не могли в нем удержаться, но сею смелостию изумили Константинополь. Хан жил в непрестанной тревоге: боялся гнева Султанского и внутреннего мятежа; слышал о намерении Вельмож Литовских возвести Иоанна на престол их отечества и страшился нового могущества России.

Сии обстоятельства, утверждая безопасность наших юго-восточных пределов, позволяли Царю свободно заниматься иными важными делами его внешней Политики. Вельможи Коронные и Литовские убеждали Иоанна из жалости к осиротелому их Государству не тревожить оною никакими воинскими действиями, ни самой Ливонии, до будущего вечного мира. Призвав к себе Литовского Посланника Воропая, он торжественно изъявил ему желание быть Сигизмундовым преемником, хвалился могуществом и богатством, искренно винился в своей жестокости, но извинял ее, как обыкновенно, вероломством Бояр. Сия любопытная речь, ознаменованная каким-то *искусственным* простосердечием, снисхождением, умеренностию, принадлежит к достопамятным изображениям ума Иоаннова. Царь сказал Посланнику: «Феодор! ты известил меня от имени Панов о кончине брата моего Сигизмунда-Августа: о чем я хотя уже и прежде слышал, но не верил: ибо нас, Государей Христианских, часто объявляют умершими; а мы, по воле Божией, все еще живем и здравствуем. Теперь верю и сожалею, тем более, что Сигизмунд не оставил ни брата, ни сына, который мог бы радеть о душе его и доброй памяти; оставил двух сестер: одну замужем (но какова жизнь ее в Швеции? к несчастью, всем известно); другую в девицах, без заступника, без покровителя — но Бог ее покровитель! Вельможные Паны теперь без *главы* : хотя у вас и много *голов* , но нет ни единой

превосходной, в коей соединялись бы все думы, все мысли Государственные, как потоки в море... Не малое время были мы в раздоре с братом Сигизмундом; вражда утихла: любовь начинала водворяться между нами, но еще не утвердилась — и Сигизмунда не стало! Злочестие *выситя*, Христианство *никнет*. Если бы вы признали меня своим Государем, то увидели бы, умею ли быть Государем-защитником! Престало бы веселиться злочестие; не унижил бы нас ни Царьград, ни самый Рим величавый! В отечестве вашем ославили меня злобным, гневливым: не отрицаю того; но да спросят у меня, на кого злобствую? Скажу в ответ: на злобных; а доброму не пожалею отдать и сию златую цепь и сию одежду, мною носимую»... Тут Вельможа Малюта Скуратов, прервав речь Иоаннову, сказал: «Царь Самодержавный! Казна твоя неубога: есть чем жаловать слуг верных!» — Государь продолжал: «В Вильне, в Варшаве знают о богатстве моего отца и деда: я вдвое богаче и сильнее. Упоминаю о том единственно мимоходом. Удивительно ли, что ваши Короли любят своих подданных, которые их взаимно любят? А мои желали предать меня в руки Хану и, быв впереди, не сразились: пусть не одержали бы победы, но дали бы Царю время изготвиться к новой битве. Я с благодарностию принял бы от них, во знамение усердия, хотя один бич, одну плеть Татарскую! Имея с собою не более шести тысяч воинов, я не испугался многочисленности врагов; но видя измену своих, только устранился. Одна тысяча мужественных спасла бы Москву; но люди знатные не хотели обороняться: что было делать войску и народу? Хан сжег столицу, а мне и знать о том не дали. Вот дела Бояр моих! Я казнил изменников: не милуют их и в Вильне, где, например, казнили злодея Викторина, уличив его в намерении известить брата моего, Сигизмунда, и распусшив слух, что будто бы я участвовал в сем замысле: клевета гнусная, нелепая!» Сей Викторин был четвертован в Вильне около 1563 года за тайное сношение с Царем Московским. Иоанн продолжал: «Кто меня злословит в вашем отечестве? Мои ненавистники, предатели, Курбский и подобные ему... Курбский!.. сей человек отнял у него мать (тут он указал на Царевича Иоанна)... отнял у меня супругу милую; а я хотел только на время лишить его Боярского сана и жалованного имения, не думая о казни смертной: в чем свидетельствуюсь Богом! Одним словом: желаете ли узнать злость или доброту мою? пришлите своих детей служить мне верно... осыпанные милостями Царскими, они увидят истину! Если угодно Всевышнему, чтобы я властвовал над вами, то обещаю ненарушимо блюсти все уставы, права, вольности ваши, и еще распространить их, буде надобно. Если Паны вздумают

избрать в Короли моего Царевича, то знайте, что у меня два сына как два ока: не расстанусь ни с единым. Если же не захотите признать меня своим Государем, то можете чрез Великих Послов условиться со мною о мире. Не стою за Полоцк; соглашусь придать к нему и некоторые из моих наследственных владений, буде уступите мне всю Ливонию по Двину. Тогда обяжемся клятвою, я и дети мои, не воевать Литвы, доколе Царствует Дом наш в России Православной. — Перемирия не нарушу до срока; даю тебе *опасную грамоту* для Послов, и буду ожидать их. Время дорого».

За сим Иоанн в глубокую осень выехал из Москвы с обоими сыновьями, чтобы устроить войско в Новгороде и сдержать данное Королю Шведскому слово. Полки стояли уже в готовности и двинулись к Нарве: сам Государь предводительствовал ими, имея с собою всех знатнейших Бояр, Царя Саин-Булата и Короля Магнуса, вооруженною рукою взятого в Аренсбурге и привезенного к Иоанну более в виде пленника, нежели будущего зятя. В один день вступило 80000 Россиян в Эстонию, где никто не ожидал их и где мирные Дворяне в замках своих весело праздновали Святки, так что передовые наши отряды везде находили пиры, музыку, пляски. Царь велел не щадить никого: грабили дома, убивали жителей, бесчестили девиц. Не было сопротивления до крепости Виттенштейна, где 50 Шведов с гражданами и земледельцами решились дать отпор всему войску Иоаннову. Россияне взяли приступом Виттенштейн; но Царь лишился друга: Малюта Скуратов умер честною смертью воина, положив голову на стене, как бы в доказательство, что его злодеяния превзошли меру земных казней! Иоанн изъявил не жалость, но гнев и злобу: послав с богатою вкладою тело Малюты в монастырь Св. Иосифа Волоцкого, где лежали отец, мать и сын его, он сжег на костре всех пленников, Шведов и Немцев: жертвоприношение достойное мертвеца, который жил душегубством!

[1573 г.] Овладев сею важною крепостию, Иоанн написал к Шведскому Королю новое ругательное письмо. «Казним тебя и Швецию, — говорил он: — правые всегда торжествуют! Обманутые ложным слухом о вдовстве Екатерины, мы хотели иметь ее в руках своих единственно для того, чтобы отдать Королю Польскому, а за нее без кровопролития взять Ливонию. Вот истина, вопреки клеветам вашим. Что мне в жене твоей? Стоит ли она войны? Польские Королевы бывали и за конюхами. Спроси у людей знающих, кто был Войдило при Ягайле? Не дорог мне и Король Эрик: смешно думать, чтобы я мыслил возвратить ему престол, для коего ни он, ни ты не

родился. Скажи, чей сын отец твой? Как звали вашего деда? Пришли нам свою родословную; уличи нас в заблуждении: ибо мы доселе уверены, что вы крестьянского племени. О каких *древних Королях Шведских* ты писал к нам в своей грамоте? Был у вас один *Король Магнус*, и то самозванец: ибо ему надлежало бы именоваться Князем. Мы хотели иметь печать твою и титул Государя *Шведского* не даром, а за честь, коей ты от нас требовал: за честь сноситься прямо со мною, мимо Новгородских Наместников. Избирай любое: или имей дело с ними, как всегда бывало, или нам поддайся. Народ ваш искони служил моим предкам: в старых летописях упоминается о Варягах, которые находились в войске Самодержца Ярослава-Георгия: а Варяги были Шведы, следственно его подданные. Ты писал, что мы употребляем печать Римского Царства: нет, собственную нашу, прародительскую. Впрочем и Римская не есть для нас чуждая: ибо мы приходим от Августа-Кесаря. Не хвалимся и тебя не хулим, а говорим истину, да образумишься. Хочешь ли мира? да явятся Послы твои пред нами!»

Иоанн возвратился в Новгород, оставив Царя Саин-Булата и Магнуса с полками воевать Эстонию. Они взяли Нейгоф и Каркус; но Шведский Генерал Акесон разбил отряд наш близ Лоде, взял обоз, пушки и знамена. Ливонские историки пишут, что Шведов было менее двух тысяч, а Россиян 16000, и что сия славная победа, доказав искусство первых, склонила Иоанна к миру. По крайней мере Царь, выслушав донесения своих Воевод и мнение Боярского Совета, написал новое письмо к Шведскому Королю, уже не бранное, но миролюбивое, уведомляя, что Воеводам нашим велено остановить все неприятельские действия до прибытия в Новгород Послов его, ожидаемых с нетерпением для утверждения истинного дружества между обоими Государствами. Сия перемена в расположении Иоанновом изъясняется не столько успехом Генерала Акесона, сколько другим важным обстоятельством, которое тогда нечаянно встревожило и Царя и Москву: сильным бунтом в Казанской области, где свирепый, дикий народ Черемисский, луговой и горный, имея тайные связи с Ханом Девлет-Гиреем, явно отложился от России, так что Государь должен был немедленно послать многочисленную рать к берегам Волги. К счастью, мятежники скоро увидели свое неблагоразумие: Хан не мог дать им войска, а Российское уже стояло в Муроме, готовое казнить их огнем и мечем. Они смирились.

В сие время Иоанн, прекратив войну в Ливонии, торжествовал в Новгороде бракосочетание Магнуса с юною княжною Мариєю Владимировною: пировал, веселился с своими любимыми гостями

Немецкими; сам распоряжал пляскою и пел с Монахами духовные песни. Уже Магнус, честимый, ласкаемый, надеялся быть действительным Королем, воображая, что Царь, сверх богатого, обещанного вена, отдаст ему все города Ливонские, занятые Россиянами; но, вместо *пяти бочек золота* привезли к нему в дом несколько сундуков с бельем и с нарядными одеждами молодой Королевы; вместо всей Ливонии Государь пожаловал своему зятю городок Каркус с следующим словесным и письменным наставлением: «Король Магнус! иди с супругою в удел, для вас назначенный. Я хотел ныне же вручить тебе власть и над иными городами Ливонскими вместе с богатым денежным приданым; но вспомнил измену Таубе и Крузе, осыпанных нашими милостями... Ты сын Венценосца и следственно могу иметь к тебе более доверенности, нежели к слугам подлым; но — ты человек! Если изменишь, то золотом казны моей наймешь воинов, чтобы действовать заодно с нашими врагами, и мы принуждены будем своею кровию вновь доставать Ливонию. заслужи милость постоянную, испытанною верностию!» Таким образом Магнус с печальным сердцем уехал в Каркус, из Каркуса в Оберпален, где в ожидании Государства жил весьма бедно, *не имея более трех блюд на столе* (как писал его брат Фридерик, Король Датский, к своему тестю Герцогу Мекленбургскому), *веселя тринадцатилетнюю жену детскими игрушками, питая сластями и, к неудовольствию Россиян, одев ее в Немецкое платье*. Сей Герцог, Иоанн Альбрехт, находился тогда в сношениях с Царем: присылал в Новгород сановника Мекленбургского, доктора Фелинга, и хотел, чтобы Россия утвердила право его (Альбрехтова) сына на Ригу, обещанную ему Королем Польским Сигизмундом-Августом. Фелинг от имени Герцога поднес Иоанну в дар золотого, алмазами и яхонтами украшенного Льва с объяснением, что *лев ужасает всех зверей, а Государь Московский всех неприятелей*. Царь отвечал: «Благодарю за смирение и ласку, но не могу отдать, чего еще не имею, хотя Ливония с Ригою и моя отчина, а не Королевская. Я намерен отправить Посольство к Немецкому Императору для заключения с ним союза против неверных и для дел Ливонских. Советую Герцогу вооружиться терпением: могу отдать ему Ригу, когда возьму ее договором или саблею».

Между тем Иоанн не без досады видел, что Король Шведский, им презираемый, начал изъяслять гордость. Долго не было никакой вести из Стокгольма; наконец Король отвечал, что никогда Послы его не будут в такой земле, где народное право неизвестно, — где их грабят, сажают в темницу; что Царь может прислать своих к нему, если

действительно желает мира, или по крайней мере на границу, куда выедут и Шведские уполномоченные; что о перемирии надлежало бы говорить тремя годами ранее, а не тогда, как войско Шведское выступает в поле. Сего мало: гонец наш, будучи в Стокгольме, терпел обиды, неслыханные в Державах образованных. «Вельможи Королевские, — доносил он Царю, — хотели прежде времени знать содержание твоей грамоты. Я доказывал им нелепость сего требования: за что один из них ударил меня в грудь, поносил словами непристойными. *Если бы*, — отвечал холоп твой нахалу Шведскому, — *если бы я сидел на коне вооруженный, ты не дерзнул бы бесчинствовать, ни поднять руки, ни открыть гнусного рта своего; но мы здесь не для битвы* ... Другой Вельможа хотел удержать меня идущего к престолу Королевскому, говоря: *дай письмо, а на сукно тронное не ступай*. Я стал на сукно, и вручил письмо Королю... В следующее утро сановник Шведский Христофор Флеминг сказал мне: *знай, что ты вчера не видал Государя: я сидел на его месте, а он стоял между Вельможами, ибо не хотел взять грамоты Царя вашего, думая, что в ней могут быть новые ругательства, коих нельзя читать и простому мещанину* ... Отпуская меня, Король молвил: *Царь сделался миролюбив; но я не хочу с ним мириться и его не боюсь* ». Одним словом, Швеция ободрилась, наняв 3000 Шотландцев и 2000 Англичан; а Царь, имея более ста тысяч воинов в Ливонии и Новгороде, изъявил кротость, не вступился за обиду гонца своего, снес насмешки и сделал угодное Королю: то есть выслал Бояр, Князя Сицкого с товарищами, на реку Сестру (которая служила границею между Финляндиею и Россиею) для переговоров о мире с Адмиралом Класом Флемингом и другими Королевскими чиновниками. Долго спорили о месте свидания: Флеминг требовал, чтобы оно было на мосту, в шатрах; но Князь Сицкий заставил Шведов перейти на Российский берег реки. Далее ни в чем не могли согласиться. Царь хотел взять Эстонию и в таком случае давал Королю право сноситься прямо с ним; а Король хотел последнего без всякой уступки, явив длинную родословную светлейшего дому Ваз, дабы убедить Иоанна в древней знаменитости оного. Заключили только перемирие (от Ильина дня 1575 до 1577 года) между Финляндиею и нашими Северными владениями: Россия обязывалась не воевать первой, а Швеция Новгородской земли, Корелы, Орешка и других мест. Не было слова о Ливонии, которая оставалась феатром войны. Иоанн удовольствовался обещанием, что скоро будут к нему Шведские Послы для нового мирного договора и торжественно обязался принять их с честью, не лишать ни свободы, ни имения, — не оскорблять ни

делом, ни словом! С того времени Короли Шведские перестали относиться к Новугороду: что всегда казалось им унижительно, происходило действительно от малого уважения Государей Московских к сим Венценосцам и было дотоле непрременным законом нашей гордой Политики.

Если снисходительность Царя казалась для него бесполезною, то и Королю не доставило она никакой *существенной выгоды* : неприятельские действия продолжались в Ливонии. Шведы с своими Шотландскими наемниками, без успеха приступали к Везенбергу: Россияне опустошили все места вокруг Ревеля и взяли город Иернау, который стоил им семи тысяч воинов, убитых в его укреплениях. Там Полководец Иоаннов Никита Романович Захарьин-Юрьев изумил жителей великодушием, оставив на волю каждому или присягнуть Царю или выехать со всем достоянием. Следствием политики столь человеколюбивой и благоразумной было то, что замки Гельмет, Эрмис, Руэн, Пургель, Леаль, Лоде, Фиккель сдались [в 1576 г.] без сопротивления, а скоро и важная крепость Габзаль, где находилось множество всяких запасов, немало воинов и Дворян, которые всегда любили хвалиться мужеством. Пишут, что сии мирные Герои, уверенные Царским Воеводою в совершенной безопасности, тешились и веселились в самый тот час, когда Россияне входили в город; что один из наших молодых Князей, видя их забавы, сказал своему приятелю Немцу: «Если бы мы, Русские, живые сдали неприятелю такую крепость: что сделал бы с нами Царь? и кто из нас смел бы взглянуть прямо в лицо доброму Христианину? А вы, Немцы, празднуете стыд свой!» Они праздновали среди могил и пепла. Казалось, что Ливония, истерзанная всеми бедствиями войны долговременной, жертва и добыча всех народов соседственных, уже не могла испытать ничего злейшего. Голод, нищета свирепствовали не только в хижинах, но и в замках. Так Летописец говорит, что жена знатного рыцаря фон Тедвена, имев прежде великолепный дом, блистав пышностию удивительною для самых богатых людей, умерла тогда в Габзале на соломе и положена в землю нагая!.. Но судьба еще готовила новые ужасы для сей страны несчастной; еще Иоанн удерживал свою руку, мечем и пламенем вооруженную для ее покорения или гибели. Остерегаясь, хотя уже и не страшась Девлет-Гирея, он должен был, в угрозу ему, от времени до времени собирать полки на берегах Оки; сам выехав из Новагорода (летом в 1574 году), осматривал войско многочисленное в Серпухове; посылал отряды и в степи, где являлись иногда толпы Ханские для разбоев; всего же более занимался происшествиями

Варшавскими, которые, польстив его властолюбию, имели следствия неожиданные, оскорбительные для Царя и вредные для России.

В начале 1573 года открылся Сейм в, Варшаве, чтобы избрать Короля. Главными кандидатами были: 1) юный Эрнест, сын Императора Максимилиана; 2) Герцог д'Анжу, брат Карла IX; 3) Король Шведский или сын его, Сигизмунд; 4) Государь Российский. За первого ходатайствовали Послы Испанский и Максимилианов, за второго Французский, за третьего Шведские: наших не было. Царь ждал к себе Послов от Сейма, рассуждая: «я им нужен, а не они мне!» Несмотря на сию гордость, многие Коронные, и в особенности Литовские Вельможи думали избрать Иоанна, чтобы сим способом утвердить навеки счастливый союз с опасною, могущественною Россиею: мысль, внушенная политикою здоровою и дальновидною! Зная без сомнения всю его жестокость, они надеялись, что законы их Республики обуздают тирана — и могли обмануться! Но Судьба устранила сей *опыт*. Условия, с обеих сторон предложенные, были равно неумеренны, равно противны той и другой. Выслушав в Новгороде Посла Литовского, Михайла Гарабурду, Иоанн (28 Февраля 1573 года) дал ему следующий ответ: «Долговременное молчание ваших Панов в деле столь важном, меня удивляло: ибо худо Государству быть без Государя. Вы извиняетесь бедствиями язвы, которая свирепствовала в земле вашей: сожалею; это воля Божия. Ныне спрашиваете, сам ли я желаю властвовать над Литвою и Польшею или дать вам Царевича Феодора в Короли, и требуете от нас клятвы в верном соблюдении ваших уставов; хотите еще, чтобы мы, отпустив к вам сына, возвратили Княжеству Литовскому Смоленск, Полоцк, Усвят, Озерище, а ему, Феодору, пожаловали некоторые особенные города из древних владений Российских. Одно естественно, другое непристойно. Естественно, чтобы всякая земля хранила свои обычаи, уставы, законы, и мы конечно можем утвердить присягою ваши права; но дельно ли требовать от нас Смоленска, Полоцка, даже наследственных городов Московских, в *приданое* Князю Феодору? разве он девица и невеста? Славно увеличивать, а не умялять Государства. Польское и Литовское нескудно городами: есть где жить Королю. И не вы, а мы должны требовать возмездия. Слушайте: если желаете иметь Феодора своим Государем, то 1) пишите весь мой титул, как уставлено Богом; называйте меня *Царем*, ибо я наследовал сие достоинство от предков и не присвоиваю себе чуждого. 2) Когда Господь возьмет моего сына из здешнего света, да властвуют над вами его сыновья правом *наследия*, а не *избрания*, когда же не останется у него сыновей, то Литва и Польша

да будут нераздельны с *Россиею* , как собственность моих наследников во веки веков, но без всякого изменения прав и вольностей народных, с особенным именем *Королевства Польского и Великого Княжества Литовского в титуле Государей Российских* . Пристойно ли сыну Короля не быть наследником его престола? И для общего блага сих трех держав им должно иметь единого Владыку. Знаю, что Австрия и Франция гораздо снисходительнее в переговорах с вами; но они не пример для России: ибо мы верно знаем, что кроме нас и Султана нет в Европе Государей, коих род царствовал бы за 200 лет пред сим: одни из Князей, другие иноземцы и для того пленяются честию Королевства; а мы Цари *изначальные* и происходим от Августа Кесаря (что всем известно). 3) Кто из моих наследников скончается в земле вашей, тело его да будет привезено в Москву для погребения. 4) Город Киев, древнейшее достояние России, да присоединится к ее владениям: за что, из любви к тишине и согласию Христианскому, уже не буду отыскивать наших старых владений в Литве по реку Березу. 5) Ливония вся останется за *Россиею!* — Вот условия, на коих могу отпустить к вам моего любезного сына. Но он еще слишком молод и не в силах противиться врагам, своим и нашим. Сверх того знаю, что многие из Панов хотят в Короли меня, а не Царевича. Если они говорят вам иное, то притворствуют. Слышу еще, что будто вы думаете взять у меня сына обманом с намерением выдать его Туркам, для заключения с ними мира. Правда ли, ложь ли, не знаю; но не могу скрыть сего от тебя в беседе искренней».

Видя, что Иоанн желает Королевства более для себя, нежели для сына, умный Посол сказал: «Государь! все мы хотели бы иметь такого сильного и мудрого Властителя, как ты; но Москва далека от Варшавы, а присутствие Короля необходимо для внешней безопасности, для внутреннего устройства и правосудия. У нас нет обычая, чтобы Король выезжал из Государства и вместо себя оставлял Наместников. *К тому же без принятия Веры Римской ты не можешь быть коронован* ». — Иоанн велел Послу удалиться.

На другой день снова призвав Гарабурду, Царь сказал: «Мы размыслили — и находим, что можем управлять вместе тремя Государствами, переезжая из одного в другое, и что легко устранить препятствия, о коих ты говорил нам. Требую только Киева без всех иных городов и волостей. Отдам Литве Полоцк и Курляндию. Возьму Ливонию до реки Двины. Титул наш будет: Божию милостию Господарь Царь и Великий Князь всея России, Киевский, Владимирский, Московский, Король Польский и Великий Князь

Литовский . Имена всех других областей распишем по их знатности: Польские и Литовские могут стоять выше Российских. Требую уважения к Вере греческой; требую власти строить церкви Православия во всех моих Государствах. *Да венчает меня на Королевство не Латинский Архиепископ, а Митрополит Российский* ... Но не изменю ни в чем ваших прав и вольностей: буду раздавать места и чины с согласия Думы Польской и Литовской. Когда же, изнуренный летами в силах душевных и телесных, вздумаю оставить свет и престол, чтобы в уединенной обители жить молитвою: тогда изберите себе в Короли любого из сыновей моих, но не чуждого, не иноплеменного Князя. Паны говорят, что Литва и Польша нераздельны: их воля; но скажу, что я хотел бы лучше быть единственно Великим Князем первой: тогда, утвердив все ее законы моим крестным целованием, возьму к России один Киев, а Литве возвращу, силою или договорами, все ее древние владения, отнятые Поляками, и буду писаться в титуле Великим Князем Московским и Литовским. — Слушай далее. Могу, но не без труда, ездить из земли в землю: ибо приближаюсь к старости; а Государю надобно все видеть собственными глазами. Итак, не лучше ли вам избрать в Короли сына Цесарева, заключив с нами мир и союз на сих условиях: 1) Киев и Ливония к России, Полоцк и Курляндия к Литве; 2) мне, Цесарю и сыну его помогать друг другу войском или деньгами против наших общих врагов? Тогда буду желать добра Литве и Польше столько же, как моей России — и в сем тесном союзе кого убоимся? Не захотят ли и все иные Государи Европейские присоединиться к оному, чтобы восстать на злодеев Христианства? Какая слава и какая польза!.. Наконец приказываю тебе сказать Панам, чтобы они не избирали Князя Французского: ибо сей Князь будет другом злочестивых Турков, а не Христиан; а если изберете его, то знайте, что я не останусь спокойным зрителем вашего неблагоразумия. — Еще объяви Панам, что многие из них писали к нам тайные грамоты, советуя мне идти с войском в Литву, чтобы страхом вынудить себе Королевство. Другие просили у меня золота и соболей, чтобы избрать моего сына. Да знает о том ваша Дума Государственная!»

С таким ответом Гарабурда поехал в Варшаву. Вероятно, что Паны Литовские единственно для вида и для соблюдения *пристойности* требовали Смоленска и городов Российских; что они в самом деле не ждали столь великой уступчивости от Царя и без дальнего упрямства отказались бы от сего требования: тем непреклоннее был Царь в своих условиях, единогласно отверженных Сеймом, который немедленно исключил его из кандидатов. Переменились ли Иоанновы мысли:

уверился ли он в невозможности господствовать над Польшею и Литвою, *как бы* ему хотелось? боялся ли примера своевольных Вельмож их для России безмолвной? Рассудил ли, что сей тесный союз имел бы истинные выгоды для первых двух Держав, а не для нашего отечества; что не они нам, но мы им должны были помогать и людьми и казною в случае войны с Турциею, с Австриею, с Тавридою; что имя Короля с властью ограниченою, ненадежною, не стоило умножения опасностей и расходов для Государя наследственной, великой Державы, которой Небо судило быть сильною не чуждыми, а собственными, природными силами? Или Царь думал, что Сейм *мог* согласиться на такие предложения строгие, уничтожить коренные законы Республики, добровольно отменить избрание Королей, уставить верховную власть наследственную, отдать нам Киев и Святителю иноверному вручить венец Ягеллонов для возложения на Иоанна? Трудно вообразить, чтобы надменность ослепляла его до сей степени безрассудности: гораздо вероятнее, что он, изъявив сперва искреннее желание заступить место Сигизмунда-Августа, по основательном соображении всех обстоятельств уже сделался равнодушнее к такой чести.

Но избрание Эрцгерцога в Короли, им одобренное, не угрожало ли нам опасным соседством с Австрийскою, сильною Державою, тем более, что ее Посол, ходатайствуя за Эрнеста, торжественно обещал Панам усердное вспоможение Императора в войнах с Россиею? Иоанн не долженствовал ли скорее благоприятствовать исканиям Франции отдаленной и следственно менее для нас опасной? Не можем осудить его политики. Зная дружественную связь Парижа с Константинополем, он мыслил, что Генрик д'Анжу будет располагать силами Турции против нашего отечества; а Султаны, кроме их зловерия, были страшнее Императоров славою войск и побед многочисленных. — К досаде Царя и Максимилиана Варшавский Сейм избрал Генрика, обольщенный хитростями Французского Посла Монлюка, который: в пышных речах своих бесстыдно хвалил Вельмож Польских и Литовских, сравнивал их с древними Римлянами, называл ужасом тиранов, Героями добродетели, обещая им миллион флоринов, сильное войско для изгнания Россиян из Ливонии и совершенную зависимость Короля от Верховного Совета.

Такое, как говорил Иоанн, *ослушание* Сейма соединило виды нашей Политики с Австрийскою. Император спешил воспользоваться добрым расположением Царя: писал к нему ласково; жаловался на «злодейство Карла IX, истребившего более ста тысяч верных

подданных в день Св. Варфоломея, единственно за то, что они имели свою Веру особенную»; говорил с негодованием о приязни Французов с Султаном, коего ревностным вспоможением дается Генрику венец Ягеллонов; убеждал Иоанна вступить за Христиан; предлагал ему взять Литву, а Польшу уступить Австрии и заключить тесный союз с Империею против Турков. Царь немедленно отправил гонца к Максимилиану, советуя ему употребить все способы для задержания Генрика на пути в Варшаву; желал видеть скорее Послов Императорских в Москве, чтобы утвердить вечный союз Австрии с Россиею, и писал: «Мы все будем стараться о том, чтобы Королевство Польское и Литва *не отошли* от наших Государств; а мне все одно, мой ли, твой ли сын сядет там на престоле... Ты, брат наш любезный, сетуешь об ужасном истреблении невинных людей и младенцев в день Св. Варфоломея: все Государи Христианские должны скорбеть о сей бесчеловечной жестокости Короля Французского, пролившего *без ума* столь много крови!» Однако ж Иоанн, следуя миролюбивой системе, не хотел прежде времени объявить себя врагом нового Короля Польского: напротив того, узнав об его прибытии и торжественном короновании в древней столице Пиастов, он готовился послать к нему знатного чиновника с приветствием. Но Генрик предупредил Царя: известил о своем восшествии на трон; убеждал не нарушать перемирия с Республикою до 1576 года; писал, что он в горести; что Король Французский умер; что ему должно ехать в Париж и что сие временное отсутствие не мешает Царю сноситься в делах с Вельможными Панами. Иоанн отвечивал: «Брат наш Генрик! о твоём восшествии на престол радуемся, о твоей печали сожалеем. Кончина Государей Христианских есть бедствие для Христиан и веселие для неверных. Мы хотим жить в любви с тобою. Послы мои будут в Варшаву, когда ты возвратишься: ожидаю твоих в Москву; а без тебя мне непристойно иметь дело с Панами. О сохранении перемирия мы дали указ своим Воеводам». Но Генрик был уже Королем-беглецом! Искав венца Польского единственно в угодность матери, честолюбивой Екатерине Медицис, которая действовала в сем случае по внушению хитрого карлы и бродяги Иоанна Красовского, Генрик, ленивый, сладострастный, в три месяца не Государственной деятельности, а пиров, неги и звериной ловли, успел возненавидеть свое Королевство и власть ограниченную; тайно изготовился к отъезду и ночью ускакал от одного престола к другому; спешил наследовать державу и несчастье своего брата, подобно ему Царствовать среди мятежей, измен и злодейств, оказать себя малодушным, вероломным, но умереть с

прекрасным словом, которое навеки осталось в истории и достойно наилучшего из Царей. Изумленные бегством Короля, Паны должны были искать другого. Тогда многие из них — Архиепископ Гнезненский, Кастеллан Минский, Ян Глебович, и другие — снова обратились к Царю: советовали ему немедленно прислать умных Бояр в Варшаву с такими условиями, на каких был избран Генрик; отнестись письменно к Духовенству, к Рыцарству и к каждому Вельможе в особенности; просить их об избрании его (Иоанна) в Короли; сказать в грамоте, что он не еретик, а Христианин и действительно крещен во имя Троицы; что Поляки и Россияне, будучи единого племени, Славянского, или Сарматского, должны как братья иметь единого отца-Государя. Иоанн писал к ним весьма дружелюбно, благодарил за доброе намерение, обещал выслать Бояр своих к Сейму, но не сказал ничего решительного в рассуждении условий, ибо ждал Послов Цесаревых, которые уже ехали в Москву.

Гонец наш, Скобельцын, в Августе 1574 года возвратился из Вены без всякого ответа, сказывая, что Император хотел писать к Царю с своим человеком. Сия странность объяснилась: новый гонец Максимилианов привез к Иоанну жалобу, что Скобельцын не взял ответной грамоты, будто бы надписанной без полного Царского имени, и самовольно уехал; сверх чего вел себя непристойно и злословил Императора. Максимилиан уверял Царя в искренней дружбе и благодарности, а Царь известил его, что он *возложил* на Скобельцына *опалу*. После того были в Москве и другие чиновники Австрийские, с извинением, что Максимилиан *за большими недосугами* медлит условиться с Иоанном о делах Польских. В знак усердия один из сих гонцов донес Боярам, что Паны тайно склоняют Магнуса изменить России, обещая ему город Ригу. Наконец в Генваре 1576 года приехали к нам знатные Австрийские сановники Ян Кобенцель и Даниил Принц. Государь встретил их в Можайске великолепно и пышно: *в Русском саженом* платье сидел на троне, в венце и в диадеме, держа в руке скипетр; престол окружали все Бояре и Дворяне в золотых одеждах. Иоанн и Царевич встали, спрашивая о здравии Императора, который прислал в дар своему *брату* и *союзнику* золотую цепь, украшенную драгоценными камнями с изображением имени Максимилианова ценою в 8000 талеров. Император *молил* Иоанна способствовать ему словом и делом, грамотами и мечом, в возведении Эрнеста на трон Польский и не воевать Ливонии, области *издавна принадлежащей к Римской Империи*. «Тогда, — говорили Послы Максимилиановы Иоанну, — вся Европа Христианская заключит союз с тобою, чтобы

одним» у даром, на морях и на суше, низвергнуть высокую Державу Оттоманов. Вот подвиг, коим ты можешь навеки прославить себя и Россию! Изгоним Турков из Константинополя в Аравию, искореним Веру Магометову, знамением креста снова осеним Фракию, Элладу — и все древнее Царство Греческое *на восход солнца* да будет твое, о Царь Великий! Так вещают Император, Св. Отец Папа и Король Испанский». Иоанн слушал холодно, не пленяясь мыслию царствовать на берегах Воспора и Геллеспонта; сказал, что его слово всегда твердо и ненаруσιμο; что он не переменял своих мыслей в рассуждении Королевства Польского: отдает его Эрнесту и снова напишет о том к Вельможам Коронным; но что Литва и Киев должны навеки соединиться с Россиею; что Ливония наша, была и будет; что прежде никто не мыслил об ней, а когда мы взяли оную, тогда Император, Дания, Швеция, Польша вздумали объявить свои мнимые права на сию землю; что для заключения союза против неверных надлежит быть в Москву Послам Короля Испанского, Датского, Князей Немецких и других Государей; что в России известна судьба Людовика Венгерского, который, веря обещаниям Императора, выступил в поле, но, всеми оставленный, в неравной битве с Турками лишился жизни. Послы Цесаревы, соглашаясь уступить нам Ливонию и Киев, доказывали невозможность отделить Литву от Польши, которые хотят иметь одного Властителя. «Знаете ли, — сказали они Московским Боярам, — тайный замысел некоторых мятежных Ляхов взять себе в Короли данника Оттоманов, Князя Седмиградского, в угодность Султану и ко вреду Христианства?» *Сего не будет*, отвечивал Царь, требуя, чтобы Послы клятвою утвердили договор о Ливонии; но Кобенцель и Даниил Принц объявили, что Государь их, в знак особенного уважения к Иоанну, пришлет для того в Москву других, *великих людей, Князей Владетельных*, впрочем уверяли, что все сделается, как угодно Царю, и дали слово, что Император склонит Шведского Короля к покорности. Иоанн был доволен; угостил их во дворце обедом и привел в удивление великолепием: сидел с сыном за особенным столом в бархатной малиновой одежде, усыпанной драгоценными камнями и жемчугом, — в остроконечной шапке, на коей сиял необыкновенной величины яхонт; две короны (Царя и Царевича), блестящие крупными алмазами, алами, изумрудами, лежали подле; серебро, золото стояло горами в комнатах... «И всякой дворец (писал Кобенцель к Австрийским Министрам) имеет особенную кладовую, наполненную такими чашами и блюдами; а Кремлевский превосходит богатством все иные... Одним словом, я видел сокровища его Императорского

Величества, Королей Испанского, Французского, Венгерского, Богемского, Герцога Тосканского, но не видал подобных Иоанновым... Когда мы ехали в Россию, Вельможи Польские страшали нас несносною грубостию Московского Двора: что ж оказалось? ни в Риме, ни в Испании не нашли бы мы лучшего приема: ибо Царь знает, с кем и как обходиться: унижая Поляков, Шведов, честит, кого уважает и любит». Отдарив Максимилиана черными соболями в 700 рублей, Иоанн послал к нему, в сане *Легких Послов*, Князя Сугорского и Дьяка Арцыбашева с убедительным представлением, что надобно скорее заключить договор, ясный, торжественный между Австриею и Россиею: а к Вельможам Коронным написал, чтоб они выбрали Эрнеста, если хотят быть в вечной дружбе с сильным Московским Государством и не принимали властителя от *Султанской руки*, если не хотят ответствовать Богу за ужасное кровопролитие. Тогда же в грамоте к Панам Литовским он изъявил желание быть их Великим Князем или дать им Царевича Феодора в Государи, прибавив: «если же вы не рассудите за благо иметь особенного Властителя, то вместе с Польшею изберите Максимилианова сына».

Нет сомнения, что Иоанн и цесарь могли бы предписать законы Сейму, если бы решительно объявив ему свои требования, подкрепили оные движением войска с обеих сторон, как писали к Царю доброхотствующие нам Вельможи Литовские, зная расположение умов в Вильне и в Варшаве; но Максимилиан, уже слабый телом и душою, медлил: честил наших Послов в Регенсбурге, а своих не присылал в Москву и в новых бесполезных сношениях с Иоанном, чрез гонцов, досаждал ему, во-первых, тем, что затруднялся называть его *Императором* или *Царем России*, называя только *Царем Казанским и Астраханским*, во-вторых, не престаивал ходатайствовать о *жалкой, убогой* Ливонии и твердить, что она есть область Германии. Ответствуя Максимилиану всегда учтиво, всегда дружелюбно, Царь хладел в усердии доставить Эрнесту корону Польскую и слышал без гнева, что Рыцарство и Шляхта противятся Вельможам в сем избрании. Сейм объявил тогда кандидатами: 1) Эрнеста; 2) Фердинанда, брата Максимилианова; 3) Короля или Принца Шведского; 4) Альфонса, Князя Моденского. О Царе не было слова: ибо он не отступился торжественно от сделанных им в 1574 году предложений, столь несогласных с законами Республики, и вторично не рассудил за благо прислать знатных уполномоченных сановников в Варшаву, довольствуясь угрозами и тайными сношениями с некоторыми из Панов. Между тем гонцы наши извещали его о всех движениях Сейма. Иоанн

из слободского дворца своего видел игру и борение страстей на сем шумном феатре, где ум и красноречие заслуживали рукоплескание, а золото и сила решили; где не только спорили, вопили, но и мечи обнажались, и копыя сверкали; где, отвергнув всех кандидатов, выбрали наконец двух Королей: вместо Эрнеста, самого Императора и Стефана Батория: имя дотоле мало известное, но коему надлежало прославиться в Истории Российской, к бесславию Иоанна!

Еще в 1574 году, узнав о бегстве Генрика, Султан Селим дал знать Вельможным Панам, что если Королем их будет Принц Австрийский, воспитанный в ненависти к Оттоманской Империи, то война и кровопролитие неминуемы для обеих держав; что Князь Российский также опасен; что они могут возложить венец на добродетельнейшего из Вельмож, Сендомирского Воеводу, или на Короля Шведского, или — если хотят *лучшего* — на Князя Седмиградского Батория, мужа знаменитого разумом и великодушием, который принесет к ним и счастье и славу, будучи верным другом могущественной Порты. Сие предложение не осталось без действия: ибо Султан был страшнейшим из врагов Королевства Польского. В Варшаве, в Кракове говорили о Стефане, обязанном своею княжескою честью и властью не предкам, а собственному уму и характеру, избранию Вельмож и народа Седмиградского. В сей стране полудикой, необразованной, населенной людьми грубыми, духа мятежного, происхождения и Закона разного, он утвердил тишину, безопасность, терпимость Вер: исповедуя Римскую, приобрел любовь и Лютеран и Кальвинистов; снискал доверенность Султана и в то же время оказывал важные услуги Императору; не менее отличался и храбростию, сведениями в Науках, красноречием — и самую величественною наружностью: имея 42 года от рождения, еще был прекрасным мужем. Одним словом, усердные к Государственному благу Поляки не могли желать достойнейшего Венценосца. Сторона их усилилась ходатайством Вельможи Самуила Зборовского, бывшего изгнанником в Трансильвании и там облагодетворенного Стефаном. Действовали и любовь к отечеству и золото Баториево; еще более закоренелая народная ненависть к Австрийскому Дому. Сенат усердствовал Императору и Эрнесту; но в решительный час избрания раздался голос: «Хотим Батория! он даст нам мир с Турками и победу над всеми иными врагами!» Шляхта завопила: «Батория!» Напрасно многие Вельможи представляли, что он есть данник неверных, что стыдно Христианской Республике иметь главою раба Султанского. Коронный Гетман Ян Замойский, Епископ Краковский и знатная часть Дворянства наименовали Королем Седмиградского Князя, а Примас и

Сенаторы Польские Максимилиана, старого, недужного, как бы для того, чтобы вероятною близостию нового выбора угодить мятежной Шляхте, которая любила законодательствовать на Сеймах. Та и другая сторона уведомили избранного ею о сей чести, и Максимилиан, уже с смертного одра, писал в Москву, что он Король Польский. «Радуюсь, — отвечал Царь: — но Баторий уже в Кракове!» Он действительно прибыл туда с хоругвию Султанскою и с именем Короля, к искреннему огорчению многих Литовских Вельмож, усердно хотевших иметь Феодора своим Государем в надежде, что сей юный Царевич, невинный в жестокостях родителя, будет всегда жить в Литве, примет их обычаи и нравы, полюбит сию страну единовенную как второе отечество, утвердит ее целость миром с Россиянами и возвратит ей не только Полоцк, но, может быть, и Смоленск, и всю землю Северскую. «Для чего, — говорили они в Вильне чиновнику Иоаннову, Бастанову, — для чего Иоанн не хотел для себя славы, а для нас счастья? Для чего Послы его не были на Сейме с объявлением условий, согласных с истинным благом обеих Держав? Мы не любим Цесаря, не терпим Батория, как присяжника Селимова». Некоторые из них даже мыслили, что еще не ушло время действовать; что можно уничтожить незаконный выбор двух Королей, если Иоанн отнесется с ласкою и с дарами к главным Польским Вельможам; если наше войско немедленно вступит в Литву... Но Максимилиан умер (12 Октября 1576), а Баторий сел на престоле в Кракове, дав торжественное обязательство свято наблюдать договор Генриков и все уставы Республики; жениться на пятидесятилетней сестре Августа-Сигизмунда, Анне, — заключить союз с Оттоманскою Империею, смирить Хана, освободить мечем или выкупить всех Христианских пленников в Тавриде, оградить безопасность Государства крепостями, всегда лично предводительствовать ратию и снова присоединить к Литве все ее земли, завоеванные Царями Московскими, если Сенат и народ хотят войны с Россиею. «Да исчезнет боязнь малодушная! — говорил он: — имею дружину опытную, силу в руке и доблесть в сердце!» Раздоры кончились; недовольные умолкли. Польша и Литва единодушно воскликнули: «Да здравствует Король Баторий!»

Сие было в Ноябре 1576 года. Угадывая характер своего противника, твердость, непреклонность Стефанову — не имея надежды достигнуть цели одними угрозами и склонить его к тому, чтобы он добровольно отдал нам Ливонию, Иоанн решился всеми силами наступить на Шведские и Польские владения в сей земле. Время

казалось ему благоприятным: Король Шведский, в угодность жене своей окружив себя иезуитами, вводя снова Латинскую Веру в сем Государстве, теряя любовь народа, производя мятежи, расколы, не мог и мыслить тогда о сильном сопротивлении Россиянам в Ливонии; а Стефан воевал в Пруссии и должен был заняться кровопролитною осадю бунтующего Данцига. Хан Девлет-Гирей, боясь долговременным бездействием заслужить презрение Россиян, отважился было (в 1576 году) явиться в поле с пятьюдесятью тысячами всадников; но с Молочных Вод ушел назад, сведав, что полки Московские стоят на берегах Оки; что сам Иоанн в Калуге; что Донские Козаки в смелом набеге взяли Ислам-Кирмен. Сделав все нужные распоряжения для безопасности государственной; умножив войско в крепостях юго-восточной и западной России для отражения Хана и Литвы; составив, сверх того, значительную рать судовую на Волге из Двинян, Пермичей, Суздальцев, чтобы обуздывать мятежную Черемису, Астрахань, Ногаев, и вместе с Донскими Козаками действовать против самой Тавриды, Иоанн готовился решить судьбу Ливонии.

Настал 1577 год, ужаснейший для сей земли несчастной, предзнаменованный (как думал народ) страшными осенними ветрами и неслыханными зимними метелями, так что море Балтийское покрылось остатками разбитых кораблей, а берега и пути трупами людей, утопших во глубине вод и снегов, равно бурных. В сие время 50000 Россиян шло от Новагорода к Ревелю, коего граждане тщетно ждали вспоможения морем, из Финляндии, Швеции, Любека: корабли с запасами и с воинами тонули, или, уступая силе противных ветров, обращались назад. Все было в ожидании и в страхе; а Король Шведский, как бы в шутку, писал к Иоанну, что им нет никакой причины воевать друг с другом; что Швеция продает Ревель Немецкому Императору и что Царь, желая иметь сей город, может требовать его от наследника Максимилианова!

Но Ревельцы ободряли себя воспоминанием 1571 года — то есть Магнусова бегства от их стен — и под начальством Шведского Генерала Горна встретили Россиян с хладнокровным мужеством. Первыми Воеводами Царскими были юный Князь Федор Иванович Мстиславский и старший из Московских Полководцев Иван Васильевич Меньший Шереметев, который дал слово Государю взять Ревель или положить там свою голову. Тяжелым снарядом огнестрельным управлял Князь Никита Приимков-Ростовский, имея многих пушкарей Немецких и Шотландских. 23 Генваря началась осада, 27 пальба изо всех наших укреплений — и продолжалась недель

шесть без всякого решительного действия. Церкви, дома загорались; но граждане тушили огонь, ответствовали на пальбу пальбою и в частых вылазках иногда одерживали верх, так что число Россиян от битв, холода и болезней значительно уменьшалось. Шереметев сдержал слово: не взял Ревеля, но положил свою голову, убитый ядром пушечным. Тело сего храброго Воеводы отвезли в Москву вместе с добычею и пленниками Эстонскими и Финляндскими, ибо Князь Мстиславский, несмотря на заключенное двухлетнее перемирие с Финляндиею, посылал Татарскую конницу через лед залива опустошать сию землю. Для устрашения Ревельцев и для ободрения своих, Воеводы Московские распускали слух, что сам Государь к ним едет; но первые знали (от изменника, Мурзы Булата, ушедшего из стана в крепость), что Царь в Москве; что в Полководцах наших нет бодрости, а в воинах нет доверенности к Полководцам — и с гордостью отвергали все миролюбивые предложения Мстиславского. 13 Марта Россияне, зажгли стан, наполненный трупами и, велев сказать гражданам, что прощаются с ними ненадолго, удалились.

Следствием сего вторичного торжества Ревельцев было опустошение всех Иоанновых владений в Ливонии: не только Шведы и Немцы, но и самые Эстонские крестьяне везде нападали на малочисленных Россиян. Явился витязь, сын Ревельского монетчика, Ив Шенкенберг, прозванный Аннибалом за смелость: предводительствуя толпами вооруженных земледельцев, он взял Виттенштейн, сжег Пернау, ограбил несколько городков и замков в Ервене, в Вирландии, близ Дерпта; злодейски мучил, убивал наших пленников и тем возбудил жестокую месть, которая скоро пала на Ливонию: ибо войско, столь неудачно осаждавшее Ревель, было только нашим передовым отрядом.

Иоанн весною с обоими сыновьями прибыл в Новгород: там и во Пскове соединились все ратные силы его обширного Царства, всех земель и городов, южных и полунощных, Христианских и неверных, с берегов моря Каспийского и Северного, Черкасы и Ногаи, Мордва и Татары, Князья, Мурзы, Атаманы — наконец все Воеводы, кроме сторожевых, оставленных блюсти границу от Днепра до Воронежа. Под Иоанном начальствовал бывший Царь Касимовский Саин-Булат, который тогда, уже будучи Христианином, именовался *Симеоном, Великим Князем Тверским*. Князья Иван Шуйский, Василий Сицкий, Шейдяков, Федор Мстиславский и Боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев предводительствовали особенными полками. Давно Россия не видала такого сильного войска. Все думали, что оно

устремится на Ревель. «Мужайтесь снова, — писали к его гражданам Рижане, отправив к ним суда с хлебом и воинскими снарядами: — готовьтесь к третьей, ужаснейшей буре — и в третий раз да спасет вас Господь от злочестивого тирана!» 15 Июня выехав из Новагорода, Царь около месяца жил во Пскове, где явился к нему и Магнус, уже с трепетом, уже вероломный, как увидим; но еще Царь не знал сего тайного коварства и велел ему с его Немецкою дружиною идти к Вендену, а сам, 25 Июля, вступил в южную Ливонию, к изумлению поляков, которые там господствовали, считая себя в мире с Россиею. Таким образом, началась война Иоаннова с Баторием, столь важная последствиями! Главный Воевода Стефанов, Хоткевич, нимало не готовый к обороне, бежал: за ним и другие. Царь в несколько дней взял Мариенгаузен, Луицен, Розиттен, Дюнебург, Крейцбург, Лаудон; защитники их, поляки и Немцы, не обнажили меча, требуя милосердия: которые сдавались без размышления, тех выпускали свободными; которые медлили, тех брали в плен. До основания разорив Лаудон, а все другие крепости заняв Московскими дружинами, Иоанн отрядил Воеводу Фому Бутурлина к городу Зесвегену, где начальствовал брат изменника Таубе. Россияне овладели посадом; но Бутурлин известил Царя, что Немцы, отвергнув милость, *сели на смерть* в крепости. Государь пришел сам и велел стрелять из пушек: стены пали, а с ними и Немцы к ногам его. Уже не было милости: знатнейших из них посадили на кол; других продали Татарам в неволю. Берсон, Кальценау покорились без условия: Иоанн отпустил всех тамошних Немцев, с женами и детьми, в Курляндию. — С другой стороны, Магнус также брал города, не силою, а добровольно. «Хотите ли спасти жизнь, свободу, достояние? — писал он к Ливонцам: — покоритесь мне, или увидите над собою меч и оковы в руках Москвитян». Все с радостью признавали его Королем, на условиях выгодных для их безопасности, и в надежде избавиться тем от грозы Иоанновой. Магнус без ведома Государева занял Кокенгузен, Ашерадён, Ленвард, Роннебург и многие иные крепости; наконец Венден и Воль-мар, где граждане выдали ему Воеводу Стефанова Князя Александра Полубенского. С легкомысленною гордостью известив Царя о сих успехах, он требовал, чтобы Россияне не беспокоили Ливонцев, уже верных законному Королю своему, и в числе городов, ему подвластных, называл даже самый Юрьев, или Дерпт. Иоанн изумился!

Мы видели, что Царь, избрав Магнуса в орудие нашей политики, не ослеплялся излишнею к нему доверенностию; помнил измену Таубе и Крузе; знал, что союз родственной не есть надежное ручательство в

усердии властолюбивого. Он конечно не оставил без внимания и не забыл слухов о тайных Магнусовых сношениях с Панами; но молчал, скрывал подозрение до сего времени: тут закипел гневом; устремился к Кокенгузену; велел умертвить там 50 Немцев Магнусовой дружины и всех жителей продать в неволю; а к зятю написал следующее: «*Гольдовнику* нашему, Магнусу Королю. Я отпустил тебя из Пскова с дозволением занять единственно Венден... а ты, следуя внушениям злых людей или собственной безрассудности, хочешь всего! Знай, что мы недалеко друг от друга. Управа легка: имею воинов и сухари; а более мне ничего ненадобно. Или слушайся, или — если ты недоволен городами, мною тебе данными — иди за море в свою землю. Могу отправить тебя и в Казань; а Ливонию очищу и без твоего содействия». Послав Воевод своих в Ашераден, Ленвард, Шваненбург, Тирсен, Пибальге, Царь два дня отдыхал в Кокенгузене, где, любя прения богословские, мирно беседовал с главным Пастором о Вере Евангелической, но едва было не предал его казни за нескромное сравнение Лютера с Апостолом Павлом. Узнав, что крепости южной Ливонии не противятся нашему войску, он выступил к Эрле, пленил всех ее жителей за то, что они не вдруг сдались и спешил к Вендену. В то же время Богдан Бельский с Московскими стрельцами окружил Вольмар, где начальствовал сановник Магнусов, Георг Вильке. Сия крепость считалась одною из важнейших. Вильке не хотел впустить Россиян, ответствуя, что она *взята Королевскою саблею* ; но видя изготовление к приступу, выехал к нашему Воеводе и сказал: «Знаю, что мой Король присяжник Царя: удерживаюсь от кровопролития. Возьмите город: еду к Магнусу». Его послали к Иоанну с двадцатью Немцами; а других Магнусовых людей, числом семьдесят, изрубили; купцов и всех жителей оковали; их имение и дома опечатали. В знак своего особенного удовольствия Иоанн наградил Бельского золотою цепью, а бывших с ним Дворян золотыми медалями.

В Вендене находился сам Магнус, который не хотел ехать к Царю на встречу, но, исполняя волю его, прислал к нему Воеводу Стефанова Князя Полубенского и двух знатных сановников с извинениями. Обласкав первого, Иоанн, как пишут, выведал от него важную тайну: узнал вероломство своего присяжника; узнал, что Магнус сносится с Герцогом Курляндским и мыслит покориться с Ливонскими городами Баторию, внутренне ненавидя Россиян или Царя их. Что заставило сего Воеводу Стефанова изменить доверенности Магнуса? Желание ли отомстить ему за бунт Вольмарских жителей? малодушный ли страх? неожиданная ли милость Иоаннова? Как бы то ни было, Царь мог

законно казнить изменника, мог предаться естественному, праведному гневу — но, умея иногда обуздывать себя, хладнокровно велел двух Послов Магнусовых высечь розгами и сказать ему, чтобы он немедленно явился в нашем стане. Магнус трепетал; не смел послушаться и с двадцатью пятью чиновниками поехал на страшный суд; увидел Иоанна, сошел с коня, пал к ногам Царским. Иоанн поднял его и говорил так, более с презрением, нежели с гневом: «Глупец! ты дерзнул мечтать о Королевстве Ливонском? ты, бродяга, нищий, принятый в мое семейство, женатый на моей возлюбленной племяннице, одетый, обутый мною, наделенный казною и городами — ты изменил мне, своему Государю, отцу, благодетелю? Дай ответ! Сколько раз слышал я о твоих замыслах гнусных? но не верил, молчал. Ныне все открылось. Ты хотел обманом взять Ливонию и быть слугою Польским. Но Господь милосердый сохранил меня и предает тебя в мои руки. И так будь жертвою правосудия; возврати мое и снова пресмыкайся в ничтожестве!» Магнуса со всеми его чиновниками заперли в одном пустом ветхом доме, где он несколько дней и ночей провел на соломе. Между тем что делалось в Вендене?

Россияне без сопротивления вступили в город. Воеводы, Князь Голицын и Салтыков, не велели им трогать жителей; везде поставили крепкую стражу; очистили дома для Государя и Бояр. Все казалось мирно и тихо. Но Магнусовы Немцы, боясь свирепости Иоанновой, с женами, с детьми, с драгоценнейшим имением укрылись в замке и не отворяли его. Россияне хотели употребить силу: Немцы начали стрелять, убили многих Детей Боярских, ранили Воеводу Салтыкова; не слушались даже и Магнуса, который приказывал им сдаться. Узнав о том, гневный Царь велел знатного пленника, Георга Вильке, посадить на кол, пушками разбить замок, умертвить всех Немцев. — Три дня громили стены: они валялись; не было спасения для осажденных. Тогда один из них сказал: «Умрем, если так угодно Богу; но не дадим себя тирану на муки. Подорвем замок!» Все изъявили согласие, даже и Пасторы, с ними бывшие. Наполнили порохом своды древнего Магистерского дома; причастились Святых Таин; стали на колена, рядом, семействами: мужья с женами, матери с детьми; молились усердно — и видя стремящихся к ним Россиян, дали знак: сановник Магнусов Генрик Бойсман бросил в окно горящий фитиль на кучу пороха... с ужасным треском взлетело здание. Все погибли, кроме Бойсмана, оглушенного ударом, изувеченного, но еще живого, найденного в развалинах. Через несколько минут он испустил дух, и мертвый был посажен на кол! Страшная месть пала и на мирных

жителей: мучили и казнили, секли и жгли их, на улицах бесчестили жен и девиц. Трупы лежали вокруг города непогребенные. Одним словом, сия *Венденская кара* принадлежит к ужаснейшим подвигам Иоаннова тиранства: она удвоила ненависть Ливонцев к Россиянам.

Оттуда Царь пошел [12 Сентября 1577 г.] к Роннебургу, Трикату, Шмильтену; сии крепости, занятые Литовцами, ему не противились. Начальники мирно встречали его, довольные свободою возвратиться в отечество без оружия и без имения; а Немцев с женами и с детьми брали в плен. Оставалось только взять Ригу; но предвидя осаду кровопролитную, Иоанн спешил в Вольмар торжествовать свои победы; дал великолепный пир Воеводам Российским и знатым Литовским освобожденным пленникам; в особенности ласкал Князя Александра Полубенского; одарил их шубами и кубками; сказал им гордо: «Идите к Королю Стефану; убедите его заключить мир со мною на условиях, мне угодных: ибо рука моя *высока*. Вы видели: да знает и он!» Вольмар напомнил Иоанну беглеца Курбского: он написал к нему письмо такого содержания (и вручил оное Князю Полубенскому для доставления): «Мы, Великий Государь всея России, к бывшему Московскому Боярину... Смирение да будет в сердце и на языке моем. Ведаю свои беззакония, уступающие только милосердию Божию: оно спасет меня, по слову Евангельскому, что Господь радуется о едином кающемся грешнике более, нежели о десяти праведниках. Сия пучина благодати потопит грехи мучителя и блудника!.. Нет, не хвалюся честью: честь не моя, а Божия... Смотри, о княже! судьбы Всевышнего. Вы, друзья Адашева и Сильвестра, хотели владеть Государством... и где же ныне? Вы, сверженные правосудием, кипя яростию, вопили, что не осталось мужей в России; что она без вас уже бессильна и беззащитна: но вас нет, а тверди Немецкие пали пред силою Креста Животворящего! Мы там, где вы не бывали... Нет, ты был здесь, но не в славе победы, а в стыде бегства, думая, что ты уже далеко от России, в убежище безопасном для измены, недоступном для ее мстителей. Здесь ты изрыгал хулы на Царя своего; но здесь ныне Царь, здесь Россия!.. Чем виновен я пред вами? Не вы ли, отняв у меня супругу милую, сделались истинными виновниками моих человеческих слабостей? Говорите о лютости Царя, хотел лишить его и престола и жизни! Войною ли, кровию ли приобрел я Государство, быв Государем еще в колыбели? И Князь Владимир, любезный вам, изменникам, имел ли право на державу не только по своему роду, но и по личному достоинству, Князь равно бессмысленный и неблагодарный, вашими отцами вверженный в темницу и мною освобожденный? Я стоял за

себя; остервенение злодеев требовало суда неумолимого... Но не хочу многословия; довольно и сказанного. Дивися промыслу Небесному; войди в себя; рассуди о делах своих! Не гордость велит мне писать к тебе, а любовь Христианская, да воспоминанием исправишься, и да спасется душа твоя». — Сие мнимое *смирение* конечно не исправило и не обмануло изменника, но могло растравить язву сердца его к удовольствию мстительного Царя. Курбский, также мстительный, ждал благоприятного времени для ответа: оно приближалось!

Доселе Иоанн брал, что хотел; свирепствовал, казнил Ливонию беспрепятственно; смеялся над слабостью врагов; с надменностию воображал ужас, отчаяние Королей Шведского и Польского; думал, что оружие уже все решило; что остальное прибавят договоры сильного с бессильными. Отрядив часть конницы к Ревелю для нового опустошения Шведских владений, расставив войско по городам, вверив оное великому Князю Тверскому Симеону, Князьям Ивану Шуйскому и Василию Сицкому, Царь поехал в Дерпт. За ним везли изменника Магнуса и знатных Дворян его, которые ежечасно ждали смерти; но Иоанн, не уважая законов Государственной нравственности, Государственного неумолимого правосудия, умел быть снисходительным к измене для выгод Политики. Так он, будучи в Дюнебурге, *милостиво* сносился с беглецами Крузе и Таубе; ибо сии вероломные, видя успехи его, дерзнули снова предложить ему свои услуги, искренно или коварно, с обещанием способствовать нам в дальнейших завоеваниях. Так Иоанн, к общему удивлению, простили Магнуса в Дерпте, взяв с него клятву в верности, с обязательством заплатить России 40000 Венгерских гульденов; возвратил ему свободу и владение, Оберпален, Каркус; еще прибавил к сим городам Гельмет, Зигесвальде, Розенберг и другие; оставил Магнусу имя Короля, а себе Верховного Повелителя Ливонии, и велел там изобразить в церквах следующую надпись худыми Немецкими стихами, им самим, как уверяют, сочиненными: «Есмь Иоанн, Государь многих земель, исчисленных в моем титуле. Исповедаю Веру предков своих, истинно Христианскую, по учению Св. Апостола Павла, вместе с добрыми Москвитянами. Я их Царь природный: не вымолил, не купил сего титула; а мой Царь есть Иисус Христос». — Из Дерпта приехав во Псков, Иоанн осмотрел всех пленников Ливонских, некоторых освободил, других скованных послал в Москву, и сам, как бы утружденный великими подвигами, спешил отдохнуть в уединении Слободы Александровской.

Здесь конец наших воинских успехов в Ливонии, хотя и не весьма

важных для потомства, но знаменитых, блестящих для тогдашних Россиян, которые славились взятием *двадцати семи городов* в два или три месяца. Увидим жестокий оборот Судьбы, злополучие отечества и стыд Царя; увидим новое доказательство, что малодушие свойственно тирану: ибо бедствия для него казнь, а не искушение, и доверенность к Провидению столь же чужда его сердцу боязливому, сколь и доверенность к народному усердию!.. Но прежде описания войны, какой дотоле мы не имели, в последний раз еще явим Иоанна губительным Ангелом Тьмы для Россиян, обгаренным святою кровию невинности.

Уже не было имени опричников, но жертвы еще падали, хотя и реже, менее числом; тиранство казалось утомленным, дремлющим, только от времени до времени пробуждаясь. Еще великое имя вписалось в огромную книгу убийств сего Царствования смертоносного. Первый из Воевод Российских, первый *слуга Государев* — тот, кто в славнейший час Иоанновой жизни прислал сказать ему: *Казань наша*, кто, уже гонимый, уже знаменований опалю, бесчестием ссылки и темницы, сокрушил Ханскую силу на берегах Лопасни и еще принудил Царя изъявить ему благодарность отечества за спасение Москвы — Князь Михаил Воротынский чрез десять месяцев после своего торжества был предан на смертную муку, обвиняемый рабом его в чародействе, в тайных свиданиях с злыми ведьмами и в умысле извести Царя; донос нелепый, обыкновенный в сие время и всегда угодный тирану! Мужа славы и доблести привели к Царю окованного. Услышав обвинение, увидев доносителя, Воротынский сказал тихо: «Государь, дед, отец мой учили меня служить ревностно Богу и Царю, а не бесу; прибегать в скорбях сердечных к олтарям Всевышнего, а не к ведьмам. Сей клеветник есть мой раб беглый, уличенный в татьбе: не верь злодею». Но Иоанн хотел верить, доселе щадив жизнь сего *последнего* из верных друзей Адашева, как бы невольню, как бы для того, чтобы иметь хотя единого победоносного Воеводу на случай чрезвычайной опасности. Опасность миновалась — и шестидесятилетнего Героя связанного положили на дерево между двумя огнями; жгли, мучили. Уверяют, что сам Иоанн кровавым жезлом своим пригребал пылающие уголья к телу страдальца. Изожженного, едва дышущего взяли и повезли Воротынского на Белоозеро: он скончался в пути. Знаменитый прах его лежит в Обители Св. Кирилла. «О муж великий! — пишет несчастный Курбский: — муж крепкий душою и разумом! священна, незабвенна память твоя в мире! Ты служил отечеству неблагоприятному, где добродетель губит и слава

безмолвствует; но есть потомство, и Европа о тебе слышала: знает, как ты своим мужеством и благоразумием истребил воинство неверных на полях Московских, к утешению Христиан и к стыду надменного Султана! Приими же здесь хвалу громкую за дела великие, а там, у Христа Бога нашего, вечное блаженство за неповинную муку!» Знатный род Князей Воротынских, потомков Св. Михаила Черниговского, уже давно пресекался в России: имя Князя Михаила Воротынского сделалось достоянием и славою нашей Истории.

Вместе с ним замучили Боярина Воеводу Князя Никиту Романовича Одоевского, брата злополучной Евдокии, невестки Иоанновой, уже давно обреченного на гибель мнимым преступлением зятя и сестры; но тиран любил иногда отлагать казнь, хвалясь долготерпением или наслаждаясь долговременным страхом, трепетом сих несчастных! Тогда же умертвили старого Боярина Михаила Яковлевича Морозова с двумя сыновьями и с супругою Евдокиею, дочерью Князя Дмитрия Бельского, славною благочестием и святостию жизни. Сей муж прошел невредимо сквозь все бури Московского Двора; устоял в превратностях мятежного господства Бояр, любимый и Шуйскими и Бельскими и Глинскими; на первой свадьбе Иоанновой, в 1547 году, был дружкой, следственно ближним царским человеком; высился и во время Адашева, опираясь на достоинства; служил в Посольствах и воинствах, управлял огнестрельным снарядом в Казанской осаде; не вписанный в опричнину; не являлся на кровавых пирах с Басмановыми и с Малютою, но еще умом и трудами содействовал благу Государственному; наконец пал в чреду свою, как противный остаток, как ненавистный памятник времен лучших. — Так же пал (в 1575 году) старый Боярин Князь Петр Андреевич Куракин, один из деятельнейших Воевод в течение тридцати пяти лет, вместе с Боярином Иваном Андреевичем Бутурлиным, который, пережив гибель своих многочисленных единокровцев, умев снискать даже особенную милость Иоаннову, не избежал опалы ни заслугами, ни искусством придворным. В сей год и в следующие два казнили Окольничих: Петра Зайцева, ревностного опричника; Григория Собакина, дядю умершей Царицы Марфы; Князя Тулупова, Воеводу *Дворового*, следственно любимца Государева, и Никиту Борисова; Крайчего, Иоаннова шурина, Марфина брата, Калиста Васильевича Собакина, и Оружничего, Князя Ивана Деветелевича. Не знаем вины их, или, лучше сказать, предлога казни. Видим только, что Иоанн не изменял своему *правилу смешения* в губительстве: довершая истребление Вельмож старых, осужденных его политикою, *беспристрастно* губил и новых; карая

добродетельных, карал и злых. Так он, в сие же время, велел умертвить Псковского Игумена Корнилия, мужа святого — смиренного ученика его, Вассиана Муромцева, и Новгородского Архиепископа Леонида, Пастыря недостойного, алчного корыстолюбца: первых каким-то мучительским орудием раздавили: последнего обшили в медвежью кожу и затравили псами!.. Тогда уже ничто не изумляло Россиян: тиранство притупило чувства... Пишут, что Корнилий оставил для потомства историю своего времени, изобразив в ней бедствия отечества, мятеж, разделение Царства и гибель народа от гнева Иоаннова, глада, мора и нашествия иноплеменников. Здесь Курбский повествует еще о гибели добродетельного Архимандрита Феодорита. Сей муж, быв иноком Соловецкой обители, другом Св. Александра Свирского и знаменитого старца Порфирия, гонимого отцом Иоанновым за смелое ходатайство о несчастном Князе Шемякине, имел славу крестить многих диких Лопарей; не убоился пустынь снежных; проник во глубину мрачных, хладных лесов и возвестил Христа Спасителя на берегах Туломы; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, изобрел для них письмена, основал монастырь близ устья Колы, учил, благодворил, подобно Св. Стефану Пермскому, и с сердечным умилением видел ревность сих мирных, простодушных людей к Вере истинной. В 1560 году, по воле Иоанна, он ездил в Константинополь и привез ему от тамошнего Греческого Духовенства *благословение на сан Царский вместе с древнею Книгою венчания Императоров Византийских*. После того жил в Вологде в монастыре Св. Дмитрия Прилуцкого и несмотря на старость, часто бывал в своей любимой Кольской обители, у новых Христиан Лапландских; ездил из пустыни в пустыню, летом реками и морем, зимою на оленях; находил везде любовь к нему и внимание к его учению. Всеми уважаемый, и самим Царем, Феодорит возбудил гнев Иоаннов дружбою к Князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностного Христианского Пастыря: дерзнул напомнить Государю о жалостной судьбе знаменитого беглеца, столь же несчастного, сколь и виновного; дерзнул говорить о прощении. Феодорита утопили в реке, по сказанию некоторых; другие уверяли, что он хотя и заслужил опалу, но мирно преставился в уединении.

Не щадя ни добродетели, ни святости, -требуя во всем повиновения безмолвного, Иоанн в то же время с удивительным хладнокровием терпел непрестанные *местничества* наших Воевод, которые в сем случае не боялись изъяслять самого дерзкого упрямства: молча видели казнь своих ближних; молча склоняли голову под секиру палачей: но не

слушались Царя, когда он назначал им места в войске не по их родовому старейшинству. Например: чей отец или дед Воеводствовал в Большом полку, тот уже не хотел зависеть от Воеводы, коего отец или дед начальствовал единственно в *Передовом* или в *Сторожевом*, в *Правой* или в *Левой руке*. Недовольный отсылал указ Государев назад с жалобой, требуя суда. Царь справлялся с Книгами разрядными и решил тяжбу о старейшинстве, или, в случаях важных, отвечивал: «*быть Воеводам без мест*, каждому оставаться на своем впредь до разбора». Но время действовать уходило, ко вреду Государства, и виновник не подвергался наказанию. Сие местничество оказывалось и в службе придворной: любимец Иоаннов Борис Годунов, новый Крайчий, (в 1578 году) судился с Боярином Князем Василием Сицким, которого сын не хотел служить наряду с ним за столом Государевым; несмотря на Боярское достоинство Князя Василия, Годунов Царскою грамотою был объявлен выше его *многими местами* для того, что дед Борисов в старых разрядах стоял выше Сицких. — Дозволяя Воеводам спорить о первенстве, Иоанн не спускал им оплошности в ратном деле: например, знатного сановника Князя Михайла Ноздроватого высекли на конюшне за худое распоряжение при осаде Шмильтена.

«Но сии люди, — пишет Историк Ливонский, — ни от казней, ни от бесчестия не слабели в усердии к их Монарху. Представим достопамятный случай. Чиновник Иоаннов, Князь Сугорский, посланный (в 1576 году) к Императору Максимилиану, занемог в Курляндии. Герцог, из уважения к Царю, несколько раз навещивался о больном чрез своего Министра, который всегда слышал от него сии слова: *жизнь моя ничто: лишь бы Государь наш здравствовал*. Министр изъявил ему удивление. *Как можете вы*, — спросил он, — *служить с такою ревностию тирану?* Князь Сугорский отвечивал: «*Мы, Русские, преданы Царям, и милосердым и жестоким*». В доказательство больной рассказал ему, что Иоанн незадолго пред тем велел за малую вину одного из знатных людей посадить на кол; что сей несчастный жил целые сутки, в ужасных муках говорил с своею женою, с детьми, и беспрестанно твердил: «Боже! помилуй Царя!»... То есть Россияне славились тем, чем иноземцы укоряли их: слепую, неограниченную преданностию к Монаршей воле в самых ее безрассудных уклонениях от Государственных и человеческих законов.

В сии годы необузданность Иоаннова явила новый соблазн в преступлении святых уставов Церкви, с бесстыдством неслыханным. Царица Анна скоро утратила нежность супруга, своим ли бесплодием или единственно потому, что его любострастие, обманывая закон и

совесть, искало новых предметов наслаждения: сия злосчастная, как некогда Соломония, должна была отказаться от света, заключилась в монастыре Тихвинском, и названная в Монашестве или в Схиме Дариею, жила там до 1626 года; а Царь, уже не соблюдая и легкой пристойности, уже не требуя благословения от Епископов, без всякого церковного разрешения женился (около 1575 года) в пятый раз на Анне Васильчиковой. Но не знаем, дал ли он ей имя Царицы, торжественно ли венчался с нею: ибо в описании его бракосочетаний нет сего *пятого*, не видим также никого из ее родственников при дворе, в чинах, между Царскими людьми ближними. Она схоронена в Суздальской девичьей обители, там, где лежит и Соломония. *Шестую* Иоанновою супругою, или, как пишут, *женищем* — была прекрасная вдова, Василисса Мелентьева: он, без всяких иных священных обрядов, *взял только молитву* для сожития с нею! Увидим, что сим не кончились незаконные женитьбы Царя, ненасытного в убийствах и в любострастии!

Глава V

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1577—1582 г.

Переговоры с Австрией. Договор с Даниею. Дела Крымские. Переговоры и война с Баторием. Чудесное дело Московских пушкарей. Взятие Полоцка, Сокола. Письмо Курбского. Собор в Москве. Посольство к Императору и к Папе. Завоевание Великих Лук. Бедствия России. Седьмое супружество Иоанново. Неслыханное уничтожение. Письмо к Баторию: ответ его. Посольство от Папы. Славная осада Пскова. Шведы берут Нарву. Переговоры о мире. Заключение перемирия. Сыноубийство. Мысль Иоаннова оставить свет. Врач Строганов. Беседы Иоанновы с Римским Послом.

Торжествуя в Москве свои Ливонские завоевания, презирая Батория и Швецию, Иоанн, кажется, не видал, не угадывал великих для себя опасностей; однако ж искал союзников: писал к новому Императору Рудольфу в ответ на его уведомление о кончине Максимилиановой; изъявлял готовность заключить с ним договор о *любви и братстве*, посылал в Вену Дворянина Ждана Квашнина в надежде склонить Цесаря к войне с общим недругом, чтобы изгнать Стефана, разделить Польшу, Литву, — наконец ополчиться со всею Европою на Султана; главная мысль сего времени, внушенная Папами

Императорам! При Дворе Венском жил тогда знаменитый беглец, Сирадский Воевода Албрехт Ласко, враг Стефанов, который имел тайные сношения с Иоанном: Государь убеждал его одушевить умом своим и ревностью медленную, слишком хладнокровную политику Австрийскую. Заметим, что Квашнин должен был разведать в Германии, дружен ли Папа с Императором, с Королями Испанским, Французским, Шотландским, Елисаветою Английскою; усмирились ли внутренние мятежи во Франции; какие переговоры идут у Цесаря с нею и с другими Державами; сколько у него доходу и войска? Так со времен Иоанна III, Первоначальника Державы Российской и государственной ее системы, Цари наши уже не чуждались Европы; уже всегда хотели знать взаимные отношения Государств, отчасти из любопытства, свойственного разуму деятельному, отчасти и для того, чтобы в их союзах и неприязни искать непосредственной или хотя отдаленной выгоды для нашей собственной Политики. Но Квашнин возвратился только с обещанием, что Император не замедлит прислать кого-нибудь из первых Вельмож в Москву, желая утвердить дружбу с нами; и, к неудовольствию Иоанна, Рудольф жаловался ему на бедственное опустошение Ливонии, несогласное ни с их *братством*, ни с человеколюбием, ни с справедливостию. Квашнин привез также грамоту от Венгерского Воеводы Роберта, который, хваля ум сего Царского посланника, молил Иоанна, как *второго* Христианского Венценосца, быть спасителем Европы, обещал ему знатное вспоможение золотом и людьми в войне с Турками, убеждал его взять Молдавию, *отказанную России* умершим в Москве Господарем Богданом. Сие письмо было тайное: ибо Австрийский Кабинет, издавна опасливый, без сомнения не дозволил бы Магнату Венгерскому от имени своего народа сноситься с чужеземным Государем о делах столь важных. Роберт уже знал Императора, искусного Химика, Астронома и всадника, но весьма худого Монарха; предвидел грозу для Венгрии от властолюбия Султанов и желал противоборствовать оному новым властолюбием России, ославленной тогда могуществом: ибо Максимилиановы Послы, бывшие у нас в 1576 году, распустили слух в Европе о несметности Иоаннова войска. Но слабодушный преемник Максимилианов хотя и ненавидел Батория, хотя и трепетал Султана, но не думал воспользоваться союзом Царя для того, чтобы взять Польшу и спасти Венгрию.

Другим естественным союзником нашим мог быть Король Датский Фридерик: несмотря на мир с Швециею, он не верил ее дружбе, искал Иоанновой, и (в 1578 году) прислал в Москву знатных чиновников,

Якова Ульфельда и Григория Ульстанда, с жалобой, что Россияне заняли в Ливонии некоторые Датские владения: Габзаль, Леаль, Лоде, и с предложением вечного мира на условиях выгодных для обеих Держав. Фридерик желал иметь часть Эстонии и способствовать нам в изгнании Шведов, хваляся тем, что он не принял никаких льстивых обещаний врага нашего, Стефана. Но гордые, непреклонные Бояре Московские, как пишет Ульфельд, думали только о выгодах собственного властолюбия; не оказали ни малейшего снисхождения; не хотели слушать ни требований, ни противоречий; отвергнули искренний союз Дании, вечный мир, и заключили единственно перемирие на 15 лет, коего условия были следующие: 1) Король признает всю Ливонию и Курляндию собственностию Царя, а Царь утверждает за ним остров Эзель с его землями и городами; 2) первому не давать ни людей, ни денег Баторию, ни Шведам в их войне с Россиею, которая также не будет помогать врагам Дании; 3) в Норвегии восстановятся древние границы между Российскими и Датскими владениями; 4) с обеих сторон объявляется полная свобода для купцов и безопасность для путешественников; 5) Фридерик не должен останавливать Немецких художников на пути в Москву. За сей договор, явно выгодный для одного Царя, Ульфельд лишился Фридериковой милости, и злобясь на Россиян, в описании своего путешествия клянет их упрямство, лукавый ум, необузданность беспримерную.

Желая если не союза, то хотя мира с Девлет-Гиреем, уже слабым, издыхающим, Иоанн не престаивал сноситься с ним чрез гонцов; если не уступал, то и не требовал ничего, кроме шертной грамоты и мирного бездействия от Хана. Девлет-Гирей умер (29 Июня 1577), и сын его, Магмет-Гирей, заступив место отца, весьма дружелюбно известил о том Иоанна; сделал еще более: напал на Литву, разорил и выжег немалую часть земли Волынской, исполняя совет Вельмож, которые говорили, что новый Хан должен ознаменовать свое воцарение пожарами и кровопролитием в землях соседственных! Иоанн спешил отправить к нему знатного сановника Князя Мосальского, с приветствием, с богатыми дарами, каких дотоле не видала Таврида, и с наказом весьма снисходительным; например: *«Бить челом Хану; обещать дары ежегодные в случае союза, но не писать их в шертную грамоту; требовать, но без упорства, чтобы Магмет-Гирей называл Великого Князя Царем; вообще вести себя смирно, убегать речей колких, и если Хан или Вельможи его вспомнят о временах Калиты и Царя Узбека, то не оказывать гнева, но отвечать тихо: не знаю старины; ведает ее Бог и вы, Государи!»* Столь домогался Иоанн

найти сподвижника в новом Хане, чтобы обуздать Стефана ужасом Крымских, гибельных для Литвы набегов! Но сия Политика, счастливая только в государствование Иоанна III, ни для сына, ни для внука его не имела успеха. Магмет-Гирей за свою дружбу хотел Астрахани, обещая отдать нам Литву и Польшу! Хотел также, чтобы Царь свел Козаков с Днепра и с Дона. Сии требования были объявлены Ханскими Послами в Москве. Им сказали, что Днепровские и Донские Козаки не зависят от нас; что первые служат Баторию, а вторые суть беглецы Российские и Литовские, коих велено казнить, где явятся в наших пределах; что оружие и Вера навеки утвердили Астрахань за Россию; что там уже воздвигнуты храмы Бога Христианского, основаны монастыри, живут коренные Христиане. Магмет-Гирей твердил Царю: «Ты уступал нам сей город: исполни же *обещание*. Тогда вдовы и сироты ваши могут спокойно ходить в серебре и золоте: никто из моих воинов не тронет их на самых пустынных дорогах». Между тем он просил четырех тысяч рублей: Государь послал ему тысячу; не жалел даров ни для жен, ни для Вельмож его, но не достиг цели: Стефан предупредил нас, и купив постыдное дружество сего Атамана разбойников, мог действовать всеми силами против России.

Любя великие дела и славу, но умея ждать времени и случая, Баторий, занятый осадой Данцига, как бы равнодушно видел успехи Иоанновы в Ливонии; без сомнения знал, что не переговорами, а мечем должно решить дело, однако ж писал к Царю, что он удивляется его явному недружелюбию и предлагает не лить крови, буде еще можно согласить миром выгоды, честь, безопасность обеих Держав, России и Польши. «Твоя досада неосновательна, — отвечал ему Иоанн: — взяв города свои в Ливонии, я выслал оттуда людей ваших без всякого наказания. Ты Король, но не Ливонский». Послы Стефановы, Воеводы Мазовецкий и Минский, прибыв в Москву (в Генваре; 1578), торжественно объявили Боярам, что Король мыслит единственно о спокойствии держав Христианских, хочет жить в дружбе со всеми и в особенности с Россией; что перемирие нарушено неприятельскими действиями Царя в Ливонии; что Стефан уполномочил их (Послов) восстановить тишину навеки. Для сего Бояре требовали, чтобы Король, именуя Иоанна Царем, Великим Князем Смоленским и Полоцким, не вступался ни в Ливонию, ни в Курляндию, нераздельную с нею, и еще отдал России Киев, Канев, Витебск с другими городами; а Паны Королевские требовали не только всей Ливонии, но и *всех* древних Российских областей от Калуги до Чернигова и Двины. Видя невозможность мира, согласились единственно возобновить перемирие

на три года, но в Русскую грамоту включили слова: *Королю не вступаться в Ливонию* (чего не было в Польской грамоте), и Государь, утверждая сей договор обыкновенною присягою, сказал: «целую крест *соседу* моему, Стефану Королю, в том, что исполню условия; а Ливонской и Курляндской земли не отступаюсь». Сановники Карпов и Головин поехали к Стефану быть свидетелями его клятвы и разменяться записями. Но сей договор остался без действия и не унял кровопролития.

Уже обстоятельства начали изменяться, к досаде Иоанна и ко вреду России. Еще в 1577 году Шведский Адмирал Гилленанкер с вооруженными судами явился перед Нарвою, сжег там деревянные укрепления, умертвил и взял в плен несколько Россиян; другая толпа Шведов опустошила часть Кексгольмского уезда. Ревельцы и Шенкенберг-Аннибал также непрерывными впадениями тревожили Эстонию Российскую; а Воеводы Иоанновы спокойно отдыхали в городах, презирая слабых врагов, и своим бездействием вселяя в них смелость. Пишут, что Литовские сановники, желая отнять у нас Дюнебург, употребили хитрость: как бы в знак дружбы прислали тамошним Московским воинам бочку вина, ночью ворвались в крепость и всех их умертвили пьяных. Немцы, служащие Баторию, столь же внезапно и легко взяли еще гораздо важнейшее место, Венден, прославленный великодушною гибелию Магнусовой дружины и жестокою местию Царя. Оплошные Воеводы не видали, не слыхали, как немцы, подделав ключи к воротам Венденским, вступили в город, чтобы резать сонных Россиян. В то же время сведал Иоанн, что тень мнимого Королевства Ливонского, изобретение хитрой его Политики, исчезла наконец бегством мнимого Короля. Измена, уже давно замышляемая, совершилась: жертва честолюбия и страха, Магнус, снова присягнув в верности к Иоанну, снова обратился к Баторию, заключил с ним договор и тайно уехал из Оберпалена в Курляндию, в городок Иильтен, вместе с юною супругою, которая не без горести пожертвовала ему своим отечеством, хотя и не могла любить дяди, убийцы несчастных ее родителей.

Легковерие не было свойственно Иоанну: он конечно не удивился бегству Магнуса, желав только на время иметь в нем орудие для своей Политики; но казался изумленным, винил себя в излишнем милосердии к вероломному и послал знатнейших Воевод к Вендену, Князя Ивана Федоровича Мстиславского с сыном, Боярина Морозова и других, чтобы землю, омоченную там кровию Россиян, омочить Немецкою; но Воеводы не умели взять крепости: стреляли из пушек и, сделав пролом

в стене, удалились: ибо сведения, что на них идут Воеводы Баториевы Дембинский, Бюринг и Хоткевич. Сию неудачу загладили младшие сановники Царские, Князь Иван Михайлович Елецкий и Дворянин Леонтий Григорьевич Волуев: с горстиею людей осажденные в Ленвардене Рижскими Немцами и Литовским Воеводою, не имея хлеба, имея только железо и порох, они бились как Герои в течение месяца: питались лошадиным мясом, кожами, и своим мужеством, своим терпением победили неприятеля: он ушел, оставив множество трупов под стенами. Между тем Шведы и неутомимый Шенкенберг-Аннибал сожгли предместье Дерпта, и всех, захваченных ими Россиян умертвили, жен и детей. Не было милосердия, ни человечества: обе стороны в ужасных своих лютостях оправдывались законом мести.

В конце лета [1578 г.] Воеводы Московские, Князя Иван Юрьевич Голицын, Василий Агишевич Тюменский, Хворостинин, Тюфякин, приступили к Оберпалену, занятому Шведами после Магнусова бегства с согласия тамошних Немцев. Взяв сию крепость и 200 пленников, Воеводы отослали их в Москву на казнь и смерть; должны были идти немедленно к Вендену, но споря между собою о начальстве, не исполняли Царского указа: Иоанн с гневом прислал в Дерпт знаменитого Дьяка Андрея Щелкалова и любимого Дворянина своего Данила Салтыкова, велел им сменить Воевод в случае их дальнейшего слушания. Наконец они выступили, дав время изготавиться неприятелю и Литовцам соединиться с Шведами; осадили Венден и чрез несколько дней (21 Октября) увидели неприятеля за собою: Сапега с Литвою и Немцами, Генерал Бое с Шведами напали на 18000 Россиян, едва успевших построиться вне своих окопов. Долго бились мужественно; но худая конница Татарская в решительный час выдала нашу пехоту и бежала. Россияне дрогнули, смешались, отступили к укреплениям, где сильною пальбою еще удерживали стремление неприятеля. Ночь прекратила битву: Сапега и Бое хотели возобновить ее, ждали утра; но первый Вождь Московский Голицын, Окольников Федор Шереметев, Князь Андрей Палицкий, вместе с Дьяком Щелкаловым, равно умным и малодушным, в безумии страха уже: скакали на борзых конях к Дерпту, оставив войско ночью в ужасе, коего следствием было общее бегство. Еще некоторые говорили о долге и чести; их не слушали — но они говорили, что думали, и явили пример достойный лучших времен Рима: Воеводы, Боярин Князь Василий Андреевич Сицкий, Окольников Василий Федорович Воронцов (начальник огнестрельного снаряда), Данило Борисович Салтыков, Князь Михайло Васильевич Тюфякин, не тронулись с места, хотели

смерти, и нашли ее, когда неприятель в следующее утро, видя единственно горсть великодушных в стане, всеми силами на них ударил; Окольничего Татова, Князей Хворостинина, Семена Тюфякина, Дьяка Клобукова взял в плен; кинулся на снаряд огнестрельный, и с изумлением увидел редкое действие воинской верности: Московские пушкари, ужасаясь мысли отдаться неприятелю, повесились на своих орудиях... Сии люди не мечтали о славе; имена их остались неизвестными: самое дело не дошло бы до потомства, если бы умный секретарь Королевский, Гейденштейн, не внес оно в свою историю, с удивлением души благородной, чувствительной к великому и в самых неприятелях. Добычею победителей были 17 пушек, весь обоз и множество коней Татарских. Число убитых Россиян простиралось за 6000. Так начались важные успехи Баториевы и несгоды Иоанновы в сей войне злосчастной, но не бесславной для России, которая все имела для победы: и силу и доблесть, но не имела великодушного отца Государя!

Доселе Иоанн не мыслил искренно о мире: без сомнения думал, что и перемирие не будет утверждено Королем с обязательством не вступаться в Ливонию; ждал вестей с одной стороны от Послов Московских из Кракова, с другой — от Воевод о чаемом, легком взятии Вендена, и не хотел видеть Стефанова гонца, присланного к нему с убеждением заключить особенный договор о городах Ливонских. Встревоженный судьбою нашего войска под Венденом, Иоанн немедленно ответствовал на письмо Баториево, что он согласен дружелюбно решить судьбу Ливонии, будет ждать для того новых Послов Королевских в Москву, удивляется невозвращению наших из Кракова и ревностно желает честного мира. Но Баторий уже изготовился к войне, смилив Данциг.

[1579 г.] Сей опасный враг, изъявляя нам миролюбие, в то же время предлагал Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружием безопасность Государства. «Имеем двух злых неприятелей, — сказал он: — Крымцы жгут, Россияне берут наши владения. Идти ли на обоих вместе? или с кого начать?» Уже присутствие великого мужа одушевляло Вельмож и Дворянство ревностию ко благу отечества: Баторий знал худо язык, но твердо историю Литвы и Польши; исчислил земли, отнятые у них Россиею; винил слабость Королей, льстил народному самолюбию, указывал на меч свой и слушал рассуждения Сейма. «Таврида, — говорили Паны, — зависит от Султана: наступательная война с нею может раздражить его; когда мы будем в Тавриде, Оттоманы будут в Польше. И что корысти? Сей дикий

неприятель всегда грабит и всегда беден. Лучше до времени искать мира с Ханом. — Государство Московское велико и сильно: тем славнее победа! Оно цветет изобилием природы и торговлею: тем более добычи!» Решили единогласно воевать Россию; велели собирать многочисленное войско; обременили неслыханными дотоле налогами владельцев и граждан: никто не противился; вооружались и платили с чувством или с видом усердия. Не обольщая себя излишнею надеждою на собственные силы, Баторий требовал вспоможения от других Держав, от Султана и Папы! Желая снискать особенное благоволение первого, он не усомнился нарушить святую обязанность чести: ибо думал, что совесть должна молчать в Политике, и что государственная выгода есть главный закон для Государя. В самое то время, когда Стефан везде искал мира и союза, чтобы усильно действовать против нас, бедный Козак Днепровский, родом Волох, славный наездник и силач (одною рукою ломавший надвое подкову и для сего прозванный *Подковою*), умел с толпою бродяг нечаянно завоевать Валахию, где властвовал присяжник Султанский, друг Баториев, Господарь Петр. Оскорбленный таким успехом дерзости, Стефан послал войско изгнать хищника. Но мужественный Козак, Воеводами и словом Батория удостоверенный в личной безопасности, сдался им добровольно. Что же сделал Король? Велел отсечь ему голову в угодность Султану и в присутствии его посла, сказав Вельможам: «для народного права не раздражу сильного, ко вреду Государства!» Сие вероломство доставило Баторию одну ласку Амуратову: умный Визирь Махмет сказал Послам Стефановым в Цареграде: «Желаем Королю славы и победы; возможно, хотя и нелегко одолеть Царя Московского, коего один Султан превосходит грозою». Папа обещал Баторию ходатайствовать за него во всех кабинетах Европы и прислал меч с благословением, а Курфирст Бранденбургский несколько пушек. Король Датский, тайно доброхотствуя врагу нашему, колебался, ждал следствия; но Шведский немедленно заключил с ним оборонительный и наступательный союз. Хан требовал даров от Литвы и получил их с условием содействовать ей в войне Российской. Из Трансильвании шла к Стефану его старая, опытная дружина, из земли Немецкой рать наемная. Еще недоставало доходов государственных для всех воинских издержек: он умерил расходы двора; сыпал в казну собственное золото и серебро; занимал, где мог; осматривал, учил войско; готовил съестные припасы — и как бы еще имея много свободного времени, учреждал новые судилища, давал новые уставы государственные, льстил Дворянству, утверждал власть Королевскую.

В сих обстоятельствах прибыли к нему Послы Иоанновы, Карпов и Головин, с мирною грамотою. Чиновники Королевские долго задерживали их в пути; спорили с ними о титуле обоих Государей; отвергали пустое имя *soseda*, кое Царь давал Баторию; хотел равенства; не таили, что договор, написанный в Москве, останется без исполнения. Встретили Послов с честью; но Баторий, сидя на троне величаво, не хотел для них встать, ни спросить о здравии Царя и равнодушный к их неудовольствию, велел сказать им, что они могут идти вон из дворца и ехать назад; что Литовский гонец доставит Иоанну ответ Королевский. Послы уехали, и вслед за ними Король выступил с войском, отправив чиновника Лопатинского с письмом в Москву.

Но Иоанна уже не было в столице. Зная, что происходило на Сейме Варшавском — долго не имея вести от Карпова и Головина — слыша о сильном, беспримерном вооружении Литвы и Польши, он сам не терял времени: в общем Совете Бояр и Духовенства объявил что настала *година великого кровопролития*, что он, прося милости Божией, идет на *дело отечественное и свое*, на землю Немецкую и Литовскую; двинул все полки к западу; расписал им пути и места; оставляя войско в *осьмидесяти* городах для их обороны, на берегах Волги, Дона, Оки, Днепра, Двины, указал соединиться главным силам в Новгороде и Пскове, Европейским и Азиатским: кроме Россиян, Князя Черкесские, Шевкалские, Мордовские, Ногайские, Царевичи и Мурзы древней Золотой Орды, Казанской, Астраханской, день и ночь шли к Ильменю и Пейпусу. Дороги заперлися пехотою и конницею. Зима, весна, часть лета миновали в сих движениях. Наконец, поручив Москву Князю Андрею Петровичу Куракину, взяв с собою всех Бояр, Думных Дворян, множество Дьяков для воинских и государственных дел, Царь в июле выехал из столицы в Новгород, где все Воеводы ждали его дальнейших повелений. Туда прибыли к Иоанну и наши Послы из Литвы с донесением, что Баторий, отвергну перемирную грамоту, идет на Россию; что у него сорок тысяч воинов, но что сие число умножается подходящими дружинами из Трансильвании, из Немецкой земли и Литовскою вольницею. Вот сила неприятеля, замышлявшего потоптать Россию! А Царь в одном своем особенном полку имел сорок тысяч; Дворян, Детей Боярских, стрельцов, Козаков, сверх главной Новгородской, сверх Псковской рати, под начальством Великого Князя Тверского Симеона Бекбулатовича, Князей Ивана Мстиславского, Шуйских, Ногтева, Трубецкого и многих иных Воевод. Одно слово Иоанново могло бы устремить сию громаду на Литву, где народ и

Дворянство не весьма благоприятствовало воинственным замыслам Стефановым, внутренно желая мира с Россиею и где вопль ужаса раздался бы от Двины до Буга. Но тени Шуйского, Серебряного, Воротынского мечтались воображению Иоаннову, среди могил Новгородских, исполненных жертвами его гнева: он не верил усердию Воевод своих, ни самого народа; доверенность свойственна только совести чистой. Изгубив Героев, Царь в сие время щадил Воевод недостойных: Князя Иван Голицын, Палицкий, Федор Шереметев, запечатленные стыдом Венденского бегства, снова начальствовали в рати! Видя опасную войну пред собою, он не смел казнить их, чтобы другие, им подобные, не изменили ему и не ушли к Баторию! Думая так о своих Полководцах, Иоанн считал медленность, нерешительность благоразумием; хотел угрожать неприятелю только числом собранного войска; еще надеялся на мир, или ждал крайней необходимости действовать мечем — и дождался! Узнав, что Баториев чиновник Лопатинский едет в Москву, Царь велел остановить его в Дорогобуже. Сей гонец прислал к нему письмо Стефаново, весьма плодovitое, не красноречивое, сухое, но умное. Стефан писал (из Вильны, от 26 Июня), что наша перемирная грамота есть подложная; что Бояре Московские обманом включили в нее статью о Ливонии; что Иоанн, говоря о мире, воюет сию землю Королевскую и выдумал басню о своем происхождении от Кесарей Римских; что Россия незаконно отняла у Литвы и Новгород, и Северские области, и Смоленск и Полоцк; что Карпов и Головин, ничего не сделав, ничего не сказав, уехали из Кракова; что дальнейшие Посольства будут бесполезны; что он (Стефан) с Божиею помощию решился искать управы оружием. В то же время известили Царя, что Баторий уже в пределах России.

Честно объявив нам войну, Король советовался в Свире с Вельможами своими и Полководцами, где и как начать оную? Многие из них предлагали вступить в Ливонию, изгнать Россиян, осадить Псков, город важный, богатый, но — как они думали — худо укрепленный. Король был иного мнения, доказывая, что трудно вести войну в Ливонии опустошенной, неблагоприятно оставить ее за собою, опасно удалиться от границ; что лучше взять Полоцк, ключ Ливонии и самой Литвы; что сие завоевание, надежный щит для их тыла, откроет им Россию, утвердит безопасное сообщение с Ригою посредством Двины, доставит выгоды и для ратных действий и для торговли; что должно завоевать Ливонию вне Ливонии; что Полоцк крепок, но тем славнее, тем желательнее взять его для ободрения своих, для устрашения неприятеля. Говорил муж великий: его слушались. Войско

Стефаново, подобно Аннибалову, было составлено из людей чуждых друг другу языком, обычаями, Верою: из Немцев, Венгров, Ляхов, Древних Славян Галицких, Волынских, Днепровских, Кривских и коренных Литовцев: Баторий умел дать ему единодушие и соревнование. Выступив из Свира, он издал манифест к народу Российскому; объявил, что извлекает меч на Царя Московского, а не на мирных жителей, коих будет щадить, миловать во всяком случае; что любя доблесть, гнушается варварством, желает победы, а не разрушения, не кровопролития бесполезного. Сказал и сделал: никогда война не бывала для земледельцев и граждан тише, человеколюбивее сей Баториевой; говоря как Христианин, он действовал как политик: хотел преклонить к себе жителей, ибо хотел завоеваний прочных. — В начале Августа Баторий осадил Полоцк.

Там было мало войска: ибо Царь не ожидал сильного нападения на Литовской границе, думая, что феатром важных неприятельских действий будет Ливония; но Полоцк издревле славился своими укреплениями, исправленными, распространеными с 1561 года. Две крепости, Стрелецкая и так называемый Острог, обтекаемые Двиною и Полотою, соединяемые мостом, воздвигнутые на крутых высотах, служили защитою *большому городу*, сверх его глубоких рвов, деревянных стен и башен. Князь Василий Иванович Телятевский начальствовал в городе, Петр Волынский в Остроге, Князь Дмитрий Щербатый и Дьяк Ржевский в крепости, имея довольно запасов и снарядов, много усердия и мужества, гораздо менее искусства, как сказана в наших Разрядных книгах. Чтобы устрашить неприятеля и не оставить себе на выбор ничего, кроме победы или смерти, они, захватив несколько Литовских пленников, велели их умертвить, привязать к бревнам и кинуть в Двину на позорище войску Королевскому... Приступ начался с города: Россияне малочисленные сами зажгли его, оставили, ушли в крепость, где более трех недель оборонялись мужественно. Время им благоприятствовало: лили дожди; бойницы осаждающих действовали худо; обозы их с хлебом тонули в грязи; лошади падали; войско терпело голод: приступало к крепости, но без успеха. Воспользовался ли Царь сими обстоятельствами?

1 Августа Иоанн, будучи во Пскове, отрядил Воевод, Князя Хилкова и Безнина, с двадцатью тысячами Азиатских всадников за реку Двину в Курляндскую землю, где дело их состояло в одном безопасном губительстве; тогда же послал другое войско защитить Корелию и землю Ижерскую, опустошаемую Шведами; усилил *засады*, или гарнизоны, в Ливонии — но еще имел столько войска, что мог бы смело

идти на Вильну и Варшаву. Встревоженный известием о нечаянной осаде Полоцкой, он велел Шеину, Князьям Лыкову, Палицкому, Кривоборскому с дружинами Детей Боярских и Донских Козаков спешил к сему городу, вступить в него хитростию или силою, а в случае невозможности занять крепость Сокол, тревожить неприятеля, мешать его сообщению с Литвою, в ожидании нашей главной рати. Шеин приблизился к Баториеву стану: не дерзнул на битву и занял Сокол, распустив слух, что сам Иоанн немедленно будет там с войском сильным. Но Король не утратился: чувствовал единственно необходимость скорее решить судьбу осады. Видя слабое действие бойниц, он предложил Венгерским удалцам взойти на высоту крепости и зажечь ее стену, обещая им славу и золото. Для успеха их смелости, как бы нарочно, сделалось ясное, сухое время: с пылающими факелами они устремились к стенам... Многие пали мертвые; некоторые достигли цели, и чрез пять минут вспыхнула крепость. Тут, воскликнув победу, вся дружина Венгерская кинулась на приступ, не слушая ни своих Вождей, ни Короля. Осыпаясь ядрами, пулями, головнями, Венгры сквозь огонь падающих стен вломились в крепость; но Россияне отчаянно стали грудью, резались, вытеснили неприятеля: он возвратился, усиленный толпами Немцев, Поляков, и снова уступил остервенению наших. Сам Король, забыв личную опасность, находился в сей кровопролитной битве, чтобы восстановить порядок, удержать, соединить бегущих. Час был решительный. Если бы Шеин, Князья Лыков, Палицкий, ударили на Литву, то могли бы спасти и крепость и честь России. Они видели пожар, могли издали видеть самую битву и слышать громкий клик осажденных, победителей в сию минуту, призывный клик к своим братьям Сокольским... Но прозорливый Баторий занял дорогу: выслал свежее войско к Дриссе, чтобы остановить Россиян в случае их движения к Полоцку. В то же время Донские Козаки изменили нашим Воеводам в Соколе: самовольно ушли восвояси, к извинению Шеина и его товарищей. Стефан ждал весь день, всю ночь опасного их нападения; успокоился и спешил загладить неудачу.

Отбив приступ, Россияне угасили огонь в крепости: неприятель сделал новые бойницы, новые окопы, приблизился к стенам, отчасти разрушенным, и калеными ядрами опять зажег башни. Еще несколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать от дыма и жара; падали от Литовских ядер, от усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобождения; наконец, утратив всю бодрость, требовали переговоров. Сперва Воеводы и достойный Архиепископ Киприан не

хотел о том слышать, говоря: «страшимся не злобы Стефановой, а гнева Царского!» В отчаянии великодушном они думали взорвать крепость, чтобы погребсти себя в ее развалинах. Но слабый духом Петр Волынский и стрельцы не дали им исполнить сего намерения и предложили условия Стефану, который, из уважения ли к оказанной ими храбрости, или боясь длить время, согласился отпустить и сановников и рядовых (из острога и крепости) в Россию с семействами, с имением, а желающим вступить к нему в службу обещал великие милости. Воеводы, не хотев участвовать в сем договоре, заперлись вместе с Архиепископом в древней церкви Софийской, откуда силою извлекли и представили их Баторию, смиренных без унижения. Историк-очевидец пишет, что Россияне, живо чувствуя великодушие и человеколюбие Короля, никак однакож не захотели служить ему; что почти все, ожидая неминуемой казни от гневного Царя, с твердостью шли на оную и не внимали льстивым обещаниям Стефановым: «доказательство удивительной любви к отечеству!» прибавляет сей Историк. Но Стефан, вопреки условию, не скоро отпустил сих пленников, как бы опасаясь возвратить неприятелю таких верных, добрых воинов. Велев очистить крепость, наполненную трупами, Король въехал в нее торжественно; объявил Полоцк Литовским Воеводством; указав строить там великолепную церковь Римского исповедания, оставил Софийскую Христианам Греческим; дал им в Епископы бывшего Святителя Витебского и грамотою утвердил свободу нашей Веры, имея в виду дальнейшие завоевания в России и желая угодить ее народу сею благоразумною терпимостию, вопреки своим любимцам, Иезуитам, коим он дал тогда богатые местности и земли в Белоруссии с обязательством исправлять нравы жителей учением и примером: — С сего времени древний наш Полоцк, Удел племени Владимирова и Рогнедина, легко взятый, бесславно утраченный Иоанном, быв 18 лет областью Государства Московского, сделался вновь собственностью Литвы, до Царствования Екатерины бессмертной.

Стефан послал войско к Соколу, а легкую конницу к самому Пскову, чтобы наблюдать движения Иоанновой рати. 19 Сентября Литовцы осадили Сокол; 25 зажгли башни и с трубным звуком устремились к стенам. Россияне тушили огонь; но вдруг запылали многие бранные здания, так что не оставалось в городе места безопасного для пяти или шести тысяч бывших там воинов. Они сделали вылазку; бились долго; уступив наконец превосходной силе, обратились назад, а Немцы вместе с ними втеснились в крепость. Тут

началась ужасная сеча, отчаянная для тех и других: ибо Россияне захлопнули ворота, опустили железную решетку и не оставили возможности спасения ни себе, ни врагам; резались в пламени, задыхались и горели, до той минуты, как Литовцы и Поляки вломились в город для совершенного истребления наших, коих пало 4000; пленили только Шереметева с малым числом детей Боярских. В остервенении злобы Немцы, терзая мертвых, исказили трупы Шеина и многих иных Россиян. — Литовцы взяли Красный, Козьян, Ситну, Туровль, Нещерду; опустошили землю Северскую до Стародуба; выжгли 2000 селений в Смоленской области... а Царь стоял неподвижно во Пскове!

В то время, когда гибли добрые Россияне, предаваемые в жертву врагам Иоанновою боязливостию; когда отечество сетовало в незаслуженном унижении, торжествовал, к вечному стыду своему, один Россиянин, некогда любезный отечеству: Князь Андрей Курбский. Преступлением лишенный имени Русского, он в злобе своей искал нового утешения мести и находился под знаменами Баториевыми, вместе с другим беглецом Московским, Владимиром Заболоцким; деятельно способствовал успехам Королевского оружия и с свежего пепла завоеванной крепости Полоцкой, где дымилась кровь Россиян, написал ответ на Вольмарское к нему письмо Иоанново. «Где твои победы? — говорил он: — в могиле Героев, истинных Воевод Святой Руси, истребленных тобою. Король с малыми тысячами, единственно мужеством его сильными, в твоём Государстве, берет области и твердыни, некогда нами взятые, нами укрепленные; а ты с войском многочисленным сидишь, укрываешься за лесами или бежишь, никем не гонимый, кроме совести, обличающей тебя в беззакониях. Вот плоды наставления, данного тебе лжесвятителем Вассианом! Един Царствуешь без *мудрых* советников; един воюешь без *гордых Воевод* — и что же? вместо любви и благословений народных, некогда сладостных твоему сердцу, стяжал ненависть и проклятия всемирные; вместо славы ратной стыдом уповаешься: ибо нет доброго Царствования без добрых Вельмож и несметное войско без искусного Полководца есть стадо овец, разгоняемое шумом ветра и падением древесных листьев. Ласкатели не синклиты и карлы, увечные духом, не суть Воеводы. Не явно ли совершился Суд Божий над тираном? Се глады и язва, меч варваров, пепел столицы и — что всего ужаснее — позор, позор для Венценосца, некогда столь знаменитого! Того ли мы хотели, то ли готовили ревностною, кровавою службою нашему древнему отечеству?»... Письмо заключалось хвалою доблести Стефановой, предсказанием близкой гибели всего Царского Дому и

словами: «кладу перст на уста, изумляюся и плачу!»... Движимый ненавистью к Иоанну, Курбский мог оправдывать себя умом, но не в совести, которая тревожила его до конца жизни; владея городами и селами в Большой, ни в богатстве, ни в знатности не находил успокоения; женился там на Княгине Дубровицкой, но не любил ее; искал утешения в дружестве и в учении; зная язык Латинский, переводил Цицерона; описал славное взятие Казани, войну Ливонскую, мучительства Иоанна; пережил его, и в старости еще тосковал о России, с чувством называя оную своим *любимым отечеством*. Мрак неизвестности сокрыл последние дни и могилу мужа ознаменованного славою ратных дел, ума, красноречия — и бесславием преступления!

Иоанн уже не отвечал Курбскому: ибо не мог ничем хвалиться, ни грозить в тогдашних обстоятельствах и в расположении своего духа. Он написал в Москву к Государственному Дьяку Андрею Шелкалову, что должно объявить успехи неприятеля жителям ее хладнокровно и спокойно. Созвав граждан, умный Дьяк сказал им: «Добрые люди! Знайте, что Король взял Полоцк и сжег Сокол: весть печальная; но благоразумие требует от нас твердости. Нет постоянства в свете; счастье изменяет и Великим Государям. Полоцк в руках у Стефана: вся Ливония в наших. Пали некоторые Россияне: пало гораздо более Литовцев. Утешимся в малой несгоде воспоминанием столь многих побед и завоеваний Царя православного!» Удостоверенный в тишине, в спокойствии Москвы, Иоанн велел Боярам написать к Литовской Думе, что он мыслил немедленно идти на Короля, но что Советники Государственные, жалея слез Христианских, умолили его, хотя и не без великого труда, остановить все неприятельские действия; что Стефан докажет свою истинную любовь к человечеству и справедливости, если, уняв кровопролитие, вступит с Царем в переговоры о вечном мире, *о родстве* и дружбе искренней. С такую миролюбивою грамотою послали гонца в Вильну. Сам Баторий прислал чиновника к Иоанну, но с письмом весьма грубым, объявляя, что воюет за Ливонию, для обуздания его безрассудного властолюбия, и требуя, чтобы Лопатинский, не выпускаемый из Дорогобужа, был освобожден согласно с народным правом. Сей гонец неприятельский обедал у Царя в Новгороде, угощаемый как бы Вельможа дружественной державы: чего дотоле не бывало. «Не хочу (ответствовал Иоанн Королю) возражать на упреки: ибо хочу быть в братстве с тобою. Даю *опасную грамоту* для твоих Послов, коих ожидаю с доброжелательством. Между тем да будет тишина в Ливонии и на всех границах! А в залог мира отпусти пленников Российских, на обмен или выкуп». То же

писал Иоанн и с Лопатинским, немедленно освобожденным, и с новым гонцом, посланным к Королю; несколько месяцев занимался спорами Воевод своих о первенстве и не думал идти на Стефана, будучи доволен некоторыми успехами нашей оборонительной системы в Ливонии, где Россияне, в жаркой схватке, пленили наконец славного разбойника Аннибала (после казненного во Пскове), мужественно отразили Шведов от Нарвы и гнали их до Ревеля. Сим заключился 1579 год. Царь уже был в Москве и не праздно.

В Генваре 1580 года он созвал знаменитейшее Духовенство в столицу: Архиепископа Александра Новгородского, Иеремию Казанского, Давида Ростовского, всех Епископов, Архимандритов, Игуменов, славнейших умом или благочестием Иноков; торжественно объявил им, что церковь и православие в опасности; что бесчисленные враги восстали на Россию; что с одной стороны неверные Турки, Хан, Ногаи, — с другой Литва, Польша, Венгры, Немцы, Шведы как дикие звери разинули челюсти, дабы поглотить нас; что он с сыном своим, с Вельможами и Воеводами бодрствует день и ночь для спасения Державы, но что Духовенство обязано содействовать им в сем великом подвиге; что мы, имея людей, не имеем казны достаточной; что войско скудеет и нуждается, а монастыри богатеют; что Государь требует жертвы от Духовенства, и что Всевышний благословит его усердие к отечеству. Предложение было важно и затруднительно. Великий дед Иоаннов хотел коснуться церковного достояния, но оставил сию мысль, встреченный сильным прекословием Святителей: внук умерил требования, и Собор приговорил грамотою, что земли и села *Княжеские*, когда-либо отказанные Митрополитам, Епископам, монастырям и церквам, или купленные ими, оттоле будут Государевыми, а все другие остаются навеки их неотъемлемым достоянием; что впредь они уже не должны присваивать себе имений недвижимых, ни добровольною уступкою, ни куплею, и что *заложенные* им земли также отдаются в казну. — Сим легким способом умножив владения и доходы государственные, Иоанн непрестанно умножал и войско: чиновники ездили из области в область с списками Детей Боярских; отыскивали всех, кто укрывался или бегал от службы; наказывали их телесно и за порукою отсылали во Псков или Новгород, где стояла главная рать, упуская благоприятное время действовать наступательно: ибо Россияне любили всегда выходить в поле, когда другие уходили в дома от ненастья и морозов.

Хотя Баторий не мыслил дать нам перемирия, но осень и зима остановили его блестящие успехи. Наемники требовали денег, свои —

отдохновения. Расположив войско в привольных местах близ границы, он спешил в Вильну и на Сейм в Варшаву готовить новые средства победы, наслаждаться славою, испытать, устыдить неблагодарность и все одолеть, чтобы достигнуть цели. В Вильне граждане и Дворянство встретили его с громогласными благословениями, а в Варшаве многие Паны с мрачными лицами и с ропотом неудовольствия — те, которые любили законную и незаконную власть свою более отечества, расслабленного их своевољством, негою, корыстолюбием. Великих мужей славят и злословят: утрашенные сильною волею, сильными мерами Короля, Паны жаловались на его самовластие и доверенность к чужеземцам; распускали слух, что он воует только для вида, налогами тяготит землю и мыслит тайно уехать в Трансильванию с богатою казною Королевскою. Действием сей клеветы мог быть отказ в государственных пособиях, необходимых для войны. Баторий предстал Сейму: клевета умолкла. Сказал, что сделал и сделает: единодушно, единогласно одобрили все его предложения; уставили новые налоги, велели собирать новое войско...

А Царь домогался мира. Когда гонцы наши возвратились с ответом, что Король не хочет и слышать о посольстве в Москву, готовый единственно из снисхождения принять Иоаннове в своей столице, если мы действительно расположены к умеренности и договорам честным; что пленников не отпускают во время кровопролития; что они в земле Христианской, следственно в безопасности и не в утеснении: тогда Иоанн вторично написал к Стефану письмо дружелюбное. «В Московских перемирных грамотах (говорил он) были слова *разные*, внесенные в них с ведома и согласия твоих Послов. Ты мог отвергнуть сей договор; но для чего же укоряешь нас обманом? Для чего без дела выслал наших Послов из Кракова, и столь грубо, и писал к нам в выражениях столь язвительных? Забудем слова гневные, вражду и злобу. Не в Литве и не в Польше, а в Москве издревле заключались договоры между сими Державами и Россиею. Не требуй же нового! Здесь мои Бояре с твоими уполномоченными решат все затруднения к обоюдному удовольствию Государств наших». Но гонец Московский, в случае упрямства и явной готовности Баториевой к возобновлению неприятельских действий, должен был тайно сказать ему, что Царь согласен прислать Бояр своих в Вильну или в Варшаву. — Уничужение бесполезное: Король ответствен, что дает Иоанну пять недель сроку и будет ждать Послов наших в мирном бездействии, хотя войско его готово вступить в Россию, пылая нетерпением мужества. Уже знатные сановники Царские, Стольник

Князь Иван Сицкий, Думный Дворянин Пивов и Дьяк Петелин ехали в Вильну, когда узнали в Москве, что Баторий с войском в пределах России. «Назначенный срок минул, — писал он к Царю: — ты должен отдать Литве Новгород, Псков, Луки со всеми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонию, если желаешь мира».

Сие нападение казалось Иоанну вероломством: по крайней мере он не чаял его в конце лета; советовался с Боярами и спешил отправить гонца (Шевригина) к Императору, даже к Папе, с убеждением, чтобы они вступились за нас; в грамоте к первому доказывал, что Стефан воюет Россию за ее тесную дружбу с Максимилианом; требовал, чтобы Рудольф исполнил свое обещание и прислал уполномоченных в Москву для возобновления союза против общих врагов; жаловался папе на злобу и вероломство Баториево; предлагал ему усостыжить, отвести его от ненавистной связи с Турками; уверял, что ревностно желает вместе со всеми Европейскими Государями ополчиться на Султана и быть для того в непрестанных, дружественных сношениях с Римом. Имея силу в руках, но робость в душе, Иоанн унижался исканием чуждого, отдаленного вспоможения, ненужного и невероятного. Он не думал сам выступить в поле; расположил войско единственно для обороны и, не зная, куда устремится Баторий, направлял полки к Новгороду и Пскову, Кокенгузену и Смоленску; занял и берега Оки близ Серпухова, опасаясь Хана. Сия неизвестность продолжалась около двух или трех недель, и Баторий опять явился там, где его не ожидали.

Историк Стефанов с пышным красноречием описывает устройство, ревность войска, одушевленного Гением начальника. Конницею предводительствовали Сенаторы и лучшие Воеводы; многие из знатных чиновников, гражданских и придворных, служили в ней наряду с простыми всадниками. Большая часть пехоты нового набора еще не видала огня: Немецкие и Седмиградские опытные воины составляли ее твердую основу, и между ими отличался бодростью изменник наш, Датский Полковник, Георгий Фаренсбах, который знал силу и слабость Россиян, быв предводителем Иоанновой Ливонской дружины. Неприятель шел болотами и лесами дикими, где 150 лет не ходило войско; где только Витовт в 1428 году умел открыть себе путь к областям Новгородским и где некоторые места еще назывались его именем. Баторий, подобно Витовту, просекал леса, делал гати, мосты, плоты; сражался с трудностями, терпел недостаток; вышел к Велижу, к Усвяту; взял ту и другую крепость, наполненные запасами и, разбив легкий отряд нашей конницы, приступил в исходе Августа к Великим Лукам. Сей город, красивый местоположением, богатый и торговый,

ключ древних южных владений Новгородской Державы, обещал знатную добычу корыстолюбивому войску, близостию своею к Витебску и другим Литовским крепостям представляя удобность для осады. Там находилось тысяч шесть или семь Россиян; но в Торопце стоял Воевода Князь Хилков с полками, довольно многочисленными. Были вылазки смелые, иногда и счастливые; в одной из них осажденные взяли знамя Королевское. Хилков, избегая общего сражения, везде стерег Литовцев, хватал их в разъездах, истреблял целыми толпами и ждал других Воевод из Смоленска, Пскова, Новагорода.

В сие время, когда надлежало восстать России и подавить дерзкого Батория, спешили к нему в стан уполномоченные Иоанновы, Князь Сицкий и Пивов, для унижительных договоров. Стефан принял их в шатре, величаво, надменно; сидел в шапке, когда они ему *кланялись* от Царя; не хотел сказать им учтивого слова. Послы требовали, чтобы Король немедленно снял осаду: вместо ответа загремели пушки Литовские. Тут Послы изъявили снисхождение: сказали, что еще в первый раз Московский Государь начинает переговоры с Литвою вне Москвы; что он будет именовать Стефана *братом*, если Король возвратит нам Полоцк; соглашались не требовать и Полоцка; уступали Курляндию и двадцать четыре города в самой Ливонии. Но Стефан хотел всех областей Ливонских, даже Великих Лук, Смоленска, Пскова, Новагорода. Тут Сицкий и Пивов, объявив, что уже не могут уступить ничего более, потребовали отпуска или дозволения писать к Иоанну. Отправили гонца в Москву — и в тот же день, Сентября 5, от взрыва башни, наполненной порохом, взлетела на воздух часть крепости; огонь довершил разрушение стен, а меч неприятельский гибель Россиян: Король взял пепелище, омоченное их кровию, покрытое истерзанными телами и членами. Велев немедленно восстановить укрепления сего важного места, он напал на Хилкова близ Торопца и разбил его. В сем жарком деле пленили сановника Царского Григорья Нащокина, употребляемого в Посольствах, Думного Дворянина Черемисинова, любимца Иоаннова, и 200 Детей Боярских. В то же время Литовский Вельможа Филон Кмита с девятью тысячами всадников приблизился к Смоленску в надежде сжечь его предместья; но встреченный в поле тамошними храбрыми начальниками, Данилом Ногтевым и Князем Федором Мосальским, бежал, кинув знамена, обоз и 60 легких пушек. Сии единственные наши трофеи, вместе с тремя стами восьмидесятью взятыми пленниками, были посланы в Москву, за что Иоанн наградил Воевод золотыми медалями. Еще Баторий, несмотря на глубокую

осень, усиленно продолжал войну. Невель, Озерище ему сдались. Заволочье, крепостию места и мужеством Воеводы Сабурова, держалось и стоило неприятелю дорого; наконец также сдалось, и Баторий выпустил оттуда Россиян с честью. Сим заключился его поход. Войско изнемогало от трудов и недугов; сам Король лежал больной в Полоцке и еще с бледным лицом явился на Сейме Варшавском дать отчет в делах своих. «Радуйтесь победе, — говорил он Панам: — но сего не довольно: умеете пользоваться ею. Судьба предает вам, кажется, все Государство Московское: смелость и надежда руководствуют к великому. Хотите ли быть умеренными? Возьмите по крайней мере Ливонию, которая есть главная цель войны, и присоединенная навеки к Империи ляхов, останется для потомства знаменитым памятником вашего мужества. Дотоле нет для нас мира!» Требуя нового вспоможения людьми и деньгами, Король жаловался Панам, что они не дают ему способов вести войну непрерывно; что время теряется для него в переездах и шумных прениях Сейма, а войско слабеет духом в праздности и Россия отдыхает. Баторий действительно тратил время; но Литовские Воеводы и зимою еще тревожили Россию: внезапным набегом взяли Холм, выжгли Старую Русу, обогатились в ней добычею; в Ливонии взяли Шмильтен; опустошили вместе с изменником Магнусом часть Дерптских и самых Псковских владений. С другой стороны показались и Шведы: завоевали Кексгольм, осадили Падис, где малочисленные Россияне, томимые голодом, ели собак, кошек, даже мертвые тела младенцев, но застрелили Шведского чиновника, предлагавшего им сдать крепость. Там с горсткою отчаянных сидел Воевода старец Данило Чихачев. Шведы, овладев замком, нашли в нем не людей, а тени: умертвили всех, кроме одного молодого сановника Князя Михайла Сицкого. В течение зимы они взяли на договор и Везенберг, где находилось около тысячи стрельцов Московских, которые вышли оттуда с одними деревянными иконами.

Россия казалась слабою, почти безоружною, имея до восьмидесяти станов воинских или крепостей, наполненных снарядами и людьми ратными — имея сверх того многочисленные воинства полевые, готовые устремиться на битву! Зрелище удивительное, навеки достопамятное для самого отдаленнейшего потомства, для всех народов и Властителей земли; разительное доказательство, сколь тиранство унижает душу, ослепляет ум привидениями страха, мертвит силы и в Государе и в Государстве! Не изменились Россияне, но Царь изменил им! Укрываясь в Слободе Александровской, он написал к главным Воеводам во Ржев или в Вязьму, к Великому Князю Тверскому Симеону

Бекбулатовичу и Князю Ивану Мстиславскому: «Промышляйте делом Государевым и земским, как Всевышний вразумит вас и как лучше для безопасности России. Все упование мое возлагаю на Бога и на ваше усердие». Воеводы, смятенные нерешительностью Царя, сами опасались действовать решительно; посылали отряды для наблюдения, для защиты границ и только однажды дерзнули вступить в неприятельскую землю: Князя Михайло Катырев-Ростовский, Дмитрий Хворостинин, Щербатой, Туренин, Бутурлин, соединясь в Можайске, ходили к Дубровне, Орше, Шклову, Могилеву, Радомлю; выжгли уезды и посады сих городов; разбили Литовцев под стенами Шклова (где в самых воротах пал мужественный Бутурлин), и привели в Смоленск множество пленников. Иоанн дал им золотые медали, но не ободрился в духе, как увидим.

В то время, когда Герой Баторий в излишней надменности обещал Вельможным Панам всю Россию, Царь ее праздновал свадьбы: женил второго сына своего, Феодора, на сестре знаменитого Бориса Годунова Ирине и сам женился в шестый или в седьмой раз, без всякого церковного разрешения, на девице Марии, дочери сановника Федора Федоровича Нагого: два брака ужасные своими неожиданными следствиями для России, вина и начало злу долговременному! Уже Годунов, возведенный тогда на степень Боярства, усматривал, может быть, вдали, неясно, смелую цель его властолюбия, дотеле беспримерного в нашей Истории! Как любимец Государев он мог завидовать только Богдану Яковлевичу Бельскому, Оружничему, ближнему слуге, днем и ночью неотходному хранителю особы Иоанновой; как шурин Царевича делился уважением и честью с Царскими свойственниками, с Князем Иваном Михайловичем Глинским и с Нагими, коими вдруг наполнился дворец Иоаннов; как Думный советник видел еще многих старейших Бояр, Мстиславских, Шуйских, Трубецких, Голицыных, Юрьевых, Сабуровых, но ни единого равного ему в уме государственном. На сих двух роковых свадьбах, празднуемых Иоанном только с людьми ближними, в Слободе Александровской, во дни горестные для отечества, под личиною усердных слуг и льстецов скрывались два будущие Царя и третий гнусный предатель России: Годунов был дружкой Марии, Князь Василий Иванович Шуйский Иоанновым, Михайло Михайлович Кривой-Салтыков чиновником поезда! С ними же пировал и другой, менее важный, хотя и равно презрительный изменник, свойственник Малюты Скуратова Давид Бельский, который чрез несколько месяцев бежал к Стефану. Не знаем ни опал, ни казней сего времени, кроме

одной, весьма достопамятной и всеми одобренной. Мы упоминали о медике Бомелии, ненавистном советнике убийств: незадолго до бракосочетания Иоаннова с Нагою он был всенародно сожжен в Москве, уличенный в тайной связи с Баторием. Другие пишут, что Россияне, выведенные из терпения злобою сего наушника Царского, искали и нашли способ погубить его: что он, клеветою губив невинных, сделался жертвою навета, ко славе Небесного правосудия. Может быть, доносы, ложные или справедливые, коснулись тогда и Бельского: может быть, подобно Курбскому, он ушел невинным, но сказался преступником, ибо начал давать советы Баторию ко вреду России.

[1581 г.] Из сей несчастной Александровской Слободы (где тиран обыкновенно свирепствовал или пировал, ужасал верных подданных или трепетал врагов отечества) Царь, сведав о падении Великих Лук, дал новый наказ Сицкому и Пивову, которые вслед за Баторием ездил из места в место, будучи смиренными, жалкими свидетелями торжества его. В Варшаве они уступали ему еще несколько областей Ливонских за взятые им города Российские, убеждая Стефана отправить Послов в Москву для мирных условий и прекратить войну; но им ведено было ехать к Царю с ответом: «не будет ни Посольства, ни мира, ни перемирия, доколе войско Российское не очистит Ливонии!» Более и более снисходительный, Иоанн в ласковом письме именовал Стефана *братом*, жаловался, что Литовцы не престают тревожить России нападениями; молил его не собирать войска к лету, не истощать тем казны государственной — и немедленно послал к нему Думных Дворян Пушкина и Писемского, велел им не только быть смиренными, кроткими в переговорах, но даже (неслыханное уничижение!) терпеть и побои! Так Иоанн пил чашу стыда, им, не Россиею заслуженного! Новая уступчивость производила новые требования: Баторий, кроме всей Ливонии, хотел городов Северских, Смоленска, Пскова, Новгорода, — по крайней мере Себежа; хотел еще взять с России *400 тысяч золотых Венгерских* и прислал гонца в Москву за решительным ответом! Наконец Иоанн изъявил досаду: принимая гонца Литовского, не встал с места, не спросил о здоровье Короля и написал к Стефану: «Мы, смиренный Государь всея России, *Божиею, а не человеческою многомятежною волею* ... Когда Польша и Литва имели также Венценов наследственных, законных, они ужасались кровопролития: ныне нет у вас Христианства! Ни Ольгерд, ни Витовт не нарушали перемирия; а ты, заключив его в Москве, кинулся на Россию с нашими злодеями Курбским и другими; взял Полоцк изменою, и торжественным манифестом обольщаешь народ мой, да

изменит Царю, совести и Богу! Воюешь не мечем, а предательством — и с каким лютым зверством! Воины твои режут мертвых... Наши Послы едут к тебе с мирным словом, а ты жжешь Луки калеными ядрами (изобретением новым, бесчеловечным); они говорят с тобою о дружбе и любви, а ты губишь, истребляешь! Как Христианин я мог бы отдать тебе Ливонию; но будешь ли доволен ею? Слышу, что ты клялся Вельможам присоединить к Литве все завоевания моего отца и деда. Как нам согласиться? Хочу мира, хочешь убийства; уступаю, требуешь более, и неслыханного: требуешь от меня золота за то, что ты незаконно, бессовестно разоряешь мою землю!.. Муж кровей! вспомни Бога!» Но Иоанн, несмотря на досаду свою, еще уступал Литве все завоеванные Баторием крепости Российские, желая единственно удержать восточную Эстонию и Ливонию, Нарву, Вейсенштейн, Дерпт и на таком условии заключить семилетнее перемирие. Ответом на сию грамоту было *третье* выступление Баториево в поле и письмо, исполненное язвительных укоризн, равно плодовитое и непристойное для Венценосца. «Хвалишься своим наследственным Государством, — писал Стефан: — не завидую тебе, ибо думаю, что лучше достоинством приобрести корону, нежели родиться на троне от Глинской, дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзанием *мертвых* : я не терзал их; а ты мучишь *живых* : что хуже? Осуждаешь мое вероломство мнимое, ты, сочинитель подложных договоров, изменяемых в смысле обманом и тайным прибавлением слов, угодных единственно твоему безумному властолюбию! Называешь изменниками Воевод своих, честных пленников, коих мы должны были отпустить к тебе, ибо они верны отечеству! Берем земли доблестию воинскою и не имеем нужды в услуге твоих мнимых предателей. Где же ты, *Бог* земли Русской, как велишь именовать себя рабам несчастным? Еще не видали мы лица твоего, ни сей *крестоносной* хоругви, кою хвалишься, ужасая *крестами* своими не врагов, а только бедных Россиян. Жалеешь ли крови Христианской? Назначь время и место; явися на коне, и един сразися со мною единым, да правого увенчает Бог победою!» Не соглашаясь оставить за Россией ни пяди земли в Ливонии, Баторий не хотел далее говорить с нашими Послами, выгнал их из своего ратного стана и с насмешкою прислал к Иоанну изданные в Германии на Латинском языке книги о Российских Князях и собственном его Царствовании в доказательство (как он изъяснялся), что древние Государи Московские были не Августовы родственники, а данники Ханов Перекопских; советовал ему также читать пятидесятый псалом Давидов и Христиански узнать самого себя. Сию бранную

Стефанову грамоту подал Иоанну гонец Литовский; Царь, выслушав оную, тихо сказал ему: «мы будем отвечать *брату* нашему, Королю Стефану», и встав с места, примолвил учтиво: «кланяйся от нас своему Государю!» То есть, Иоанн, приведенный в новый страх движением Литовского войска, хотел снова искать мира в надежде на важного посредника, который тогда явился между им и Баторием. Гонец Московский, Шевригин, посланный в Вену и в Рим, возвратился. Слабый, беспечный Рудольф отвечал, что он не может ничего сделать без ведома Князей Имперских; что его Вельможи, коим надлежало ехать в Москву для заключения союза или умерли или больны. Но Папа, славный ревностию к успехам Латинской веры — тот, который осветил Рим потешными огнями, сведав о злодействах Варфоломеевской ночи во Франции — Григорий XIII изъявил живейшее удовольствие, видя, как он думал, случай присоединить Россию к своей обширной пастве. Еще в 1576 году Григорий хотел послать в Москву одного Священника именем Рудольфа Кленхена, знавшего обычаи и язык России, с письменным наставлением, весьма умным и хитрым, в коем сказано (для объявления Царским Вельможам), что Папа, много слышав о силе, завоеваниях, геройстве, мудрости, благочестии и всех великих свойствах Иоанновых, равно удивительных и любезных, исполняет наконец свое давнишнее ревностное желание изъявить столь необыкновенному Венценосцу сердечную приязнь и надежду, что ему угодно будет смирить ненавистников Христианства, Оттоманов, и восстановить целостность Святой Веры на земном шаре. Вероятно, что сию мысль внушил Григорию Посол Императорский Кобенцель: ибо он славил в Европе не только могущество, но и мнимое доброжелательство Россиян к Латинской Церкви, говоря в донесении к Венскому Министерству: «Несправедливо считают их врагами нашей Веры; так могло быть прежде: ныне же Россияне любят беседовать о Риме; желают его видеть; знают, что в нем страдали и лежат великие Мученики Христианства, ими еще более, нежели нами уважаемые; знают, лучше многих Немцев и Французов, святость Лоретты; не усомнились даже вести меня к образу Николая Чудотворца, главной святыне сего народа, слыша, что я древнего Закона, а не Лютерова, для них ненавистного». Но Кленхен, кажется, не был в Москве: наставление, ему данное, осталось только в Римских Архивах. Ласково приняв Шевригина, одарив его золотыми цепями и бархатными фerezями, Папа велел славному богослову, Иезуиту Антонию Поссевину, ехать к Баторию и в Москву для примирения воюющих Держав. Антоний нашел Короля в

Вильне. «Государь Московский (сказал Баторий Иезуиту) хочет обмануть Св. Отца; видя грозу над собою, рад все обещать: и соединение Вер и войну с Турками; но меня не обманет. Иди и действуй: не противлюсь; знаю только, что для выгодного и честного мира надобно воевать: мы будем иметь его; даю слово». И миротворец Антоний, благословив Короля на дела достойные Героя и Христианина, поехал к Царю; а Баторий след за ним со всем войском, вновь усиленным, быстро двинулся ко Пскову, в августе месяце.

Сие нападение уже не было нечаянным: Иоанн ожидал его и вверил защиту Пскова Воеводам надежным: Боярам, Князьям Шуйским, Ивану Петровичу и Василию Федоровичу (Скопину), Никите Ивановичу Очину-Плещееву, Князю Андрею Хворостинину, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову; дал им письменный наказ, и в храме Успения, пред Владимирскою иконою Богоматери, взял с них торжественную присягу, что они не сдадут города Баторию до своей смерти.

Воеводы такую же клятвою обязали и Детей Боярских, стрельцов, граждан Псковских, *старых* и *малых*, все целовали крест в восторге любви к отечеству, взывая: «умрем, но не сдадимся!» Их было тридцать тысяч. Исправили ветхие укрепления, расставили пушки, ручницы, пищали; назначили места, где быть каждому Воеводе с своею особенною дружиною для обороны кремля, города Среднего и Большого, Запсковья и так называемой *Окольней*, или внешней стены на пространстве семи или осьми верст. Царь непрестанно писал к сановникам и войску, чтобы они помнили клятву и должность. То же писал к ним и Новгородский владыка Александр. Игумен Печерский, добродетельный Тихон, оставив свою обитель, явился на феатре будущего кровопролития, чтобы увещаниями и молитвою служить отечеству. Все изготвилось принять Батория с тем великодушием, коего он не любил в Россиянах, но коему умел отдавать справедливость. В Новгороде было 40000 воинов с Князем Юрием Голицыным, во Ржеве тысяч пятнадцать для вспоможения угрожаемому Пскову. На берегах Оки стояли Князья Василий Иванович Шуйский и Шестунов, чтобы действовать оборонительно в случае Ханского впадения; в Волоке Великий Князь Тверской Симеон, Мстиславские и Курлятев с главными силами, так что Государь имел в поле до трехсот тысяч воинов: рать, какой не видала ни Россия, ни Европа с нашествия Моголов! Иоанн выехал наконец из Слободы Александровской и прибыл в Старицу со всем двором, с Боярами, с дружиною Царскою — казалось, для того, чтобы лично предводительствовать войсками, взять

и двинуть их громаду, по примеру Героя Донского, навстречу к новому Мамаю... Но Иоанн готовился к хитростям и лести, а не к битвам!

18 Августа приехал к Государю в Старицу нетерпеливо ожидаемый им Иезуит Поссевин, коего от Смоленска до сего места везде честили, приветствовали с необыкновенною пышностью и ласкою. Дружины воинские, блестящие золотом, стояли в ружье пред Иезуитом; чиновники сходили с коней, низко кланялись и говорили речи. Никогда не оказывалось в России такого уважения ни Королевским, ни Императорским Послам. Через два дни, данные путешественнику на отдохновение, Антоний с четырьмя братьями своего Ордена был представлен Государю, удивленный великолепием двора, множеством Царедворцев, сиянием драгоценных металлов и камней, порядком и тишиною. Иоанн и старший Царевич встали при имени Григория XI. Ни с великим вниманием рассматривали дары его: крест с изображением Страстей Господних, четки с алмазами и книгу в богатом переплете о Флорентийском Соборе. Григорий писал особенно и к Царевичам и к Царице (именуя Марию *Анастасиею*), называл Иоанна, в письме к нему, своим сыном возлюбленным, а себя единственным Наместником Христовым; уверял Россию в усердном доброжелательстве; обещал склонить Батория к миру, нужному для общего блага Христианских Держав, и к возвращению отнятого несправедливо, в надежде, что Иоанн умирит Церковь соединением нашей с *Апостольскою*, вспомнив, что Греческая Империя пала от неприятия уставов Флорентийского Собора. Антоний объявил на словах Думным Дворянам и Дьяку Андрею Щелкалову, что он, исполняя волю Папы, и готовый отдать душу за Царя, склонил Батория не требовать с нас денег за убытки войны; что Стефан удовольствуется одною Ливониею, но всею; что, заключив мир с ним и с Королем Шведским (чего желает Папа), Иоанн должен вступить в тесный союз с Римом, с Императором, с Королями Испанским, Французским, с Венециею и с другими Европейскими Державами против Оттоманской; что Папа даст 50000 или более воинов в состав сего Христианского ополчения, в коем и Шах Персидский может взять участие. Наконец Антоний просил Государя, чтобы он дозволил Венецианам свободно торговать и строить церкви в России. Ему ответствовали ласково, однако ж с некоторою твердостью. Царь благодарил Папу за любовь и доброжелательство; хвалил за великую мысль наступить на Турков общими силами Европы; не отвергал и соединения Церквей и мира с Швециею, в угодность Григорию, но прежде хотел мира с Баторием; изъявлял доверенность к Поссевину; сказал, чтобы он снова ехал к

Королю для совершения начатого им дела; что Россия, от времен Ярослава I владев Ливониею, уступает в ней Стефану 66 городов и сверх того Великие Луки, Заволочье, Невель, Велиж, Холм, удерживая за собою единственно 35 городов Ливонских, Дерпт, Нарву и проч.; что более ничего уступить не может, и что от Стефана зависит прекратить войну на сих условиях. Позволяя Италианским купцам торговать в России, иметь Латинских Священников и молиться Богу, как им угодно, Иоанн примолвил: «а церквей Римских у нас не бывало и не будет». — Во время сих переговоров смиренные Иезуиты обедали у Государя на золоте, вместе с Боярами и людьми знатнейшими. «Я видел (пишет Антоний) не грозного самодержца, но радушного хозяина среди любезных ему гостей, приветливого, внимательного, рассылающего ко всем яства и вина. В половине обеда Иоанн, облокотясь на стол, сказал мне: *Антоний! укрепляйся пищею и пиием. Ты совершил путь дальний от Рима до Москвы, будучи послан к нам святым отцем, главою и Пастырем Римской Церкви, коего мы чтим душевно* ». Исполненный надежды услужить Царю миром и тем содействовать важным намерениям Папы в отношении к России, Антоний поехал к Стефану и нашел его уже среди кровопролития.

Сведав, что Стефан идет прямо на Псков, тамошние Воеводы и воины, Духовенство и граждане с крестами, чудотворными иконами и мощами Св. Князя Всеволода-Гавриила обошли вокруг всех укреплений; матери несли младенцев на руках. Молились, да будет древний град Ольгин неодолимою твердынею для врагов, да спасется и спасет Россию! Услышав, что Баторий взял Опочку, Красный, Остров и на берегах Черехи разбил легкий отряд нашей конницы, Воеводы (18 Августа) зажгли предместье, сели на коней, велели звонить в *осадный колокол*, и скоро увидели густые облака пыли, которые сильным южным ветром неслися к городу. Явилась и рать Стефанова: она шла медленно, осторожно, толпами необозримыми; заняла дорогу Порховскую и стала вдоль реки Великой. Россияне сделали жаркую вылазку: с обеих сторон взяли пленников; узнали силу неприятеля. Разноплеменное войско Баториево состояло из Поляков, Литвы, Мазовшан, Венгров, Немцев Брауншвейгских, Любских, Австрийских, Прусских, Курляндских, из Датчан, Шотландцев, числом до ста тысяч, конных и пеших, исправных, вооруженных столь красиво, что Посол Оттоманский, прибыв в стан к Королю и смотря на его блестящую рать, сказал в восторге: «ежели Султан и Баторий захотят действовать единодушно, то победят вселенную». Но сие многочисленное, прекрасное войско убоялось трудностей, видя крепость города,

обширного, наполненного запасами, снарядами и воинами, которые в самой первой битве оказали необыкновенное мужество. Еще в Вильне изменник наш Давид Бельский советовал Королю не ходить к Новгороду, ни к Пскову, городам, окруженным болотами и реками, твердым и каменными стенами и духом Русским, но осадить Смоленск, менее недоступный, менее чуждый Литовского духа. Король отвергнул сей совет благоразумный; не слушал и Воевод, которые думали, что скорее можно взять Новгород. Непреклонный Баторий страшился изъяснить опасение и слабость; хотел быть уверенным в своем счастье и в мужестве войска; любил одолевать трудности — и начал достопамятную осаду Пскова.

26 Августа неприятель обступал город под громом всех наших бойниц, заслоняясь лесом от их пальбы, но теряя немало людей, к удивлению Стефана, не хотевшего верить столь меткому и сильному действию Российских пушек. Он стал в шатрах на Московской дороге, близ Любатовской церкви Св. Николая, и должен был снять их, чтобы удалиться от свиста летающих над ним ядер к берегам Черехи, за высоты и холмы. Пять дней миновало в тишине. Неприятель укреплял стан на берегу Великой, осматривал город и 1 Сентября начал *копать борозды* (или вести траншеи) к воротам Покровским, вдоль реки; работал день и ночь; прикатил туры, сделал осыпь. Воеводы Псковские видели работу, угадывали намерение и в сем опасном, угрожаемом месте заложили новые внутренние укрепления, деревянную стену с раскатами; выбрали лучших Детей Боярских, стрельцов и смелого Вождя Князя Андрея Хворостинина, для ее защиты; велели петь там молебны и кропить Святою водою землю, готовую ороситься кровию воинов доблех. Тут были неотходно и Князя Шуйские и Дьяки Государевы, данные им для совета. Поляки 7 Сентября, устроив бойницы, на самом рассвете открыли сильную пальбу из двадцати тяжелых орудий; громили стены между воротами Покровскими и Свиными; в следующий день сбили их в разных местах — и Король объявил своим Воеводам, что путь в город открыт для Героев; что Россияне в ужасе, и время дорого. Воеводы, обедая в шатре Королевском, сказали Баторию: «Государь! мы будем ныне ужинать с тобою в замке Псковском». Спешили к делу, обещая воинам все богатства города, корысть и плен без остатка. Венгры, Немцы, Поляки устремились к проломам, распустив знамена, с трубным звуком и с воплем. Россияне ждали их: извещенные о приступе звоном *осадного колокола*, все граждане простились с женами, благословили детей, стали вместе с воинами между развалинами каменной стены и новую

деревянную, еще не достроенную. Игумен Тихон и священники молились в храме соборном. Господь услышал сию молитву: 8 Сентября осталось в Истории славнейшим днем для Пскова.

Невзирая на жестокий огонь городских бойниц, неприятель по телам своих достиг крепости, ворвался в проломы, взял башню Покровскую, Свиную и распустил на них знамена Королевские к живейшей радости Батория, смотревшего битву с колокольни Св. Никиты Мученика (в полуверсте от города). Поляки в отверстиях стены резались с гражданами, с Детьми Боярскими и стрельцами; из башен, занятых Венграми и Немцами, сыпались пули на Россиян, слабеющих, теснимых. Тут Князь Шуйский, облитый кровию, сходит с раненого коня, удерживает отступающих, показывает им образ Богоматери и мощи Св. Всеволода-Гавриила, несомые Иереями из соборного храма: сведав, что Литва уже в башнях и на стене, они шли с сею святынею, в самый пыл битвы, умереть или спасти город Небесным вдохновением мужества. Россияне укрепились в духе; стали непоколебимо — и вдруг Свинская башня, в решительный час ими подорванная, взлетела на воздух с Королевскими знаменами... ров наполнился трупами Немцев, Венгров, Ляхов; а к нашим приспели новые дружины воинов из дальних, безопасных частей города: все твердо сомкнулись, двинулись вперед, воскликнув: «не предадим Богоматери и Св. Всеволода!» дружным ударом смяли изумленных врагов, вытеснили из проломов, низвергнули с раскатов. Долее иных упорствовали Венгры, засев в Покровской башне: их выгнали огнем и мечем. Кровь лилася до вечера (ибо Стефан свежим войском усилил Поляков), но уже вне крепости, где оставались только больные, старцы и дети: самые жены, узнав, что *стена очищена от ног Литовских* — что Царские знамена опять стоят на ее раскатах и что неприятель бросил несколько легких пушек в воротах — явились на месте битвы: одне с веревками, чтобы тащить сии взятые орудия в кремль; другие с холодною водою, чтобы освежить запекшиеся уста воинов, изнемогающих от жажды; многие даже с копьями, чтобы помогать мужьям и братьям в сече. Наконец все нерусское бежало. С трофеями, знаменами, трубами Литовскими и с великим числом пленников возвратились победители в город, уже ночью, воздать хвалу Богу в Соборной церкви, где Воеводы сказали ратникам и гражданам: «Так миновал для нас первый день трудов, мужества, плача и веселия! Совершим, как мы начали! Пали сильные враги наши, а мы слабые с их доспехами стоим пред олтарем Всевышнего. Гордый *исполин лишился хлеба*, а мы в Христианском смирении насытились милосердием небесным. Исполним клятвенный

обет, данный нами без лукавства и хитрости; не изменим Церкви и Государю ни робостию, ни малодушным отчаянием!» Воины и граждане ответствовали со слезами умиления: «Мы готовы умереть за Веру Христову! как начали, так и совершим с Богом, без всякой хитрости!» — Послали гонца в Москву с радостною вестию: он счастливо миновал стан Литовский. Велели успокоить и лечить раненых из казны Государевой. Их было 1626 человек, убитых же 863. Неприятелей легло около пяти тысяч, более осьмидесяти знатных сановников, и в числе их Бекези, Полководец венгерский, отменно уважаемый, любимый Стефаном, который с досады заключился в шатре и не хотел видеть Воевод своих, обещавших ужинать с ним в замке Псковском.

Но, как бы устыдись сего душевного огорчения, Баторий на другой день вышел к войску с лицом покойным; созвал Думу; сказал, что должно умереть или взять Псков, осенью или зимою, невзирая ни на какие трудности; велел делать подкопы, стрелять день и ночь в крепость, готовиться к новым приступам, и написал к Воеводам Российским: «Дальнейшее кровопролитие для вас бесполезно. Знаете, сколько городов завоевано мною в два года! Сдайтесь мирно: вам будет честь и милость, какой не заслужите от Московского тирана, а народу льгота, неизвестная в России, со всеми выгодами свободной торговли, некогда процветавшей в земле его. Обычай, достояние, Вера будут неприкосновенны. Мое слово закон. В случае безумного упрямства гибель вам и народу!» С сею бумагою пустили стрелу в город (ибо осажденные не хотели иметь никакого сношения с врагами). Воеводы таким же способом отвечали Королю: «Мы не Жиды: не предаем ни Христа, ни Царя, ни отечества. Не слушаем лести, не боимся угроз. Иди на брань: победа зависит от Бога». Они спешили довершить деревянную стену, защитили ею пролом, выкопали ров между ими, утвердили в нем дубовый острый частокол; пели молебны в укреплениях, под ядрами Литовских бойниц; спокойно ждали битв и в течение пяти или шести недель славно отражали все нападения. Бодрость осажденных возрастала: осаждающие слабели духом и телом, терпя ненастье, иногда и голод; роптали; не смея винить Короля, винули главного Воеводу, Замойского; говорили, что он в Академиях Италианских выучился всему, кроме искусства побеждать Россиян; без сомнения уедет с Королем в Варшаву блистать красноречием на Сейме, а войско будет жертвою зимы и свирепого неприятеля. Баторий велел рыть землянки; запасался порохом и хлебом; не слушал ропота; надеялся на действие подкопов. Но Шуйский, узнав от беглеца

Литовского о сих тайных девяти подкопах, умел *перенять* некоторые из них; другие сами обрушились. Тщетны были все дальнейшие опыты, хитрости, усилия Баториевы; ни огненные ядра его, столь бедственные для Великих Лук и Сокола, ни отчаянная смелость не производили желаемого действия. Так в один день (Октября 28), при ужасной пальбе всех Литовских бойниц, Королевские Гайдуки устремились от реки Великой прямо к городу с кирками и с ломами; начали, между угольною башнею и воротами Покровскими, разбивать каменную стену, закрывая себя широкими щитами; лезли в отверстия и хотели сжечь внутренние деревянные укрепления. Россияне удивились, но в несколько минут истребили сих Баториевых смельчаков: лили на них пылающую смолу, кидали гранаты (*кувшины с зеллем*), зажигали щиты; одних кололи в отверстиях, других били камнями, из ручниц, самопалов: немногие спаслись бегством. В следующие пять дней пальба не умолкала; оказался новый пролом в стене, от реки Великой, и Баторий (2 Ноября) хотел *в последний раз* испытать счастье приступом. Литовцы густыми толпами шли по льду реки, сперва отважно и бодро; но вдруг, осыпанные ядрами из крепости, стали, замешались. Напрасно Воеводы Стефановы, разъезжая на конях, кричали, махали саблями, даже секли робких: второй сильный залп из города обратил в бегство и воинов и Воевод, в виду Короля! Он имел твердость и нужду в ней. К умножению Баториевой досады, Голова Стрелецкий, Федор Мясоедов, с свежею, довольно многочисленною дружиною сквозь цепь неприятельских полков открыл себе путь и вступил в славный Псков к несказанной радости его защитников, неутомимых в мужестве, но уменьшенных числом. Наконец Стефан дал повеление оставить укрепления, вывезти пушки, снять туры, и деятельную, жестокую осаду превратить в тихое облежание, думая изнурить осажденных голодом. Россияне ликовали на стенах, видя, как неприятель удалялся, бежал от крепости с огнестрельным снарядом.

Сего мало! Чтобы каким-нибудь легким завоеванием ободрить унылую рать свою и потешить корыстолюбивых наемников, Баторий хотел взять в пятидесяти шести верстах от Пскова древний Печорский монастырь, в 1519 году обновленный, украшенный Великокняжеским Дьяком Мунехиным, и с того времени славный чудесами исцеления для набожных, богатыми вкладами, красотою зданий. Там, кроме Монахов, находилось для защиты каменных стен и башен 200 или 300 воинов, которые, имея отважного Вождя Юрья Нечаева, беспрестанными нападениями тревожили подвозы Литовские. Витязь Георгий Фаренсбах с Немцами и Воевода Королевский Борнемисса с

Венгерскою дружиною, приступив к монастырю, требовали немедленной сдачи; но добрые Иноки ответствовали им: «Похвально ли для витязей воевать с Чернцами? Если хотите битвы и славы, то идите ко Пскову, где найдете бойцов достойных. А мы не сдаемся». Монахи еще лучше действовали, нежели говорили: вместе с воинами, с их женами и детьми, отразили два приступа; взяли молодого Кетлера, Герцогова племянника, и двух знатных Ливонских сановников. — С того времени многочисленная рать неприятельская сражалась более всего с холодом и голодом. Воины на часах замерзали, цепенели в шатрах. За четверть ржи в Баториевом стане платили не менее *десяти* нынешних серебряных рублей, за яловицу около *двадцати пяти*, кормовщиков надлежало посылать с великою опасностью верст за 150; лошади, скудно питаемые сеном и соломою, умирали. Казна истощалась; войску не выдавали жалованья, и 3000 Немцев ушло восвояси. «Король хочет сдержать слово, — писали Вожди Литовские к друзьям своим в Вильну: — не возьмет города, но может умереть в снегах Псковских».

Гибель действительно казалась вероятным следствием Баториева упрямства. Если бы Князь Юрий Голицын из Новагорода, Мстиславские из Волока, Шуйский из Пскова вдруг наступили на Батория, то он увидел бы, что судьба еще *не предает ему всей Державы Российской*. Но один Шуйский действовал, беспокоил неприятеля вылазками. Голицын, славный беглец, сидел крепко в стенах каменных и слыша, что Литовские Козаки жгут Русу, едва не обратил всей Торговой стороны в пепел, боясь осады. Великий Князь Тверской Симеон и Мстиславские стояли неподвижно, охраняя Москву и Государя; а Государь, встревоженный вестию о новых успехах Шведов в Ливонии и еще более приближением Радзивила с легким отрядом Баториевым к самому Ржеву, ускакал из Старицы в Александровскую Слободу.

Отважный набег Литовцев на берега Волги, испугав Иоанна, не доставил им иной, существенной выгоды: Радзивил бежал, встретив превосходную силу Воевод Московских; хотел взять Торопец, не мог, и возвратился к Королю. Но происшествия Ливонские были важны. Баторий требовал, чтобы Шведы напали морем на северные берега России, истребили гнездо нашей торговли с Англиею, взяли гавань Св. Николая, Колмогоры и Белозерск, где хранилась главная казна Царская. Сия мысль, действительно смелая, казалась Шведам дерзостью безрассудною: ужасаясь отдаленных, хладных пустынь Российских, они, к досаде Батория, искали ближайших, вернейших, прочных

завоеваний в Ливонии и не думали уступить ему всех областей ее без раздела; пользуясь долговременною осадю Пскова, бездействием Воевод Иоанновых, в два или три месяца отняли у нас Лоде, Фиккель, Леаль, Габзаль, самую Нарву, где в кровопролитной сече легло 7000 Россиян, стрельцов и жителей; где мы уже двадцать лет торговали с Европою: с Даниею, с Германиею, с Нидерландами; где находилось множество товаров и богатства. Через несколько дней знаменитый Вождь Шведский Француз де-ла-Гарди поставил ногу и на древнюю Русь: завоевал Иваньгород, Яму, Копорье; пленил дружину Московских Дворян и в числе их нашел опасного для нас изменника Афанасия Бельского, который, будучи достойным родственником Малюты Скуратова и беглеца Давида, предложил свои ревностные услуги Шведам. Овладев и крепким Виттенштейном, величавый де-ла-Гарди торжествовал победу в Ревеле, и навел, как пишут, такой ужас на Россиян, что они устави́ли молебствия в церквах, да спасет их Небо от сего врага лютого.

По крайней мере Иоанн был в *ужасе*, не видал сил и выгод России, видел только неприятельские и ждал спасения не от мужества, не от победы, но единственно от Иезуита Папского Антония, который писал к нему из Баториева стана, что сей Герой истинно Христианский, не обольщаясь славою, готов, как и прежде, дать мир России на условиях, известных Царю, отвергая все иные, и ждет для того наших уполномоченных сановников; что войско Литовское бодро и многочисленно; что дальнейшее кровопролитие угрожает нам великими бедствиями. Сего было довольно для Иоанна: он положил на совете с Царевичем и с Боярами: «уступить необходимости и могуществу Батория, союзника Шведов, располагающего силами многих земель и народов; отдать ему, но только *в конечной неволе, всю Российскую Ливонию* с тем, чтобы он возвратил нам все иные завоевания и не включал Шведов в договор, дабы мы на свободе могли унять их».

С таким наказом отправили к Стефану Дворянина, Князя Дмитрия Петровича Елецкого и Печатника Романа Васильевича Олферьева, чтобы заключить мир или перемирие. Между Опоками и порховым, в селе Бешковичах, ждал их Римский Посол, Иезуит Антоний Поссевин, и вместе с ними Декабря 13 прибыл в деревню Киверову гору, в пятнадцати верстах от Запольского Яму, где уже находились уполномоченные Стефановы, Воевода Януш Збаражский, Маршалок Князь Албрехт Радзивил и Секретарь Великого Княжества Литовского известный Михайло Гарабурда. В сих местах, разоренных, выжженных

неприятелем, среди пустынь и снегов, вдруг явились великолепие и пышность: чиновники Иоанновы и люди их блистали нарядами, золотом одежд своих и приборов конских; купцы навезли туда богатых товаров и раскладывали их в шатрах, согреваемых пылающими кострами. Но все жили в дымных избах, питались худым хлебом, пили снежную воду: одни Послы наши имели мясо, доставляемое им из Новагорода, и могли ежедневно угощать Иезуита Антония. — Немедленно начались переговоры; а Баторий, дав все нужные наставления своим поверенным и главному Воеводе Замойскому, уехал в Варшаву, последним его словом было: «еду с малою, утомленною дружиною за сильным, свежим войском».

Сей отъезд, без сомнения необходимый для истребования новых пособий от Сейма, был в тогдашних обстоятельствах величайшею для Короля смелостию. Войско изнуренное оказывало дух мятежный; проклинали бедственную осаду Пскова, требовало мира и кричало, что Стефан воюет за Ливонию в намерении отдать ее своим племянникам. Присутствие Короля еще обуздывало недовольных: без него мог вспыхнуть общий бунт. Но Король верил Замойскому, как самому себе, и не обманулся: сей Вельможа-Полководец, презирая жестокие укоризны, язвительные насмешки, угрозы, смирил мятежников строгостию, ободрил слабых надеждою. «Послы Московские, — говорил он, — смотрят на вас из Запольского Яма: если будете мужественны и терпеливы, то они все уступят; если изъявите малодушие, то возгордятся, и мы останемся без мира или без славы, утратив плоды столь многих побед и трудов!» Но, имея твердость великодушную, Замойский не стыдился коварства: вымыслил или одобрил гнусную хитрость, чтобы погубить главного защитника Псковского. К нашим Воеводам явился Российский пленник, без всякого условия отпущенный из Литовского стана, с большим ларцем и с следующим письмом от Немца Моллера к Шуйскому: «Государь Князь Иван Петрович! Я долго служил Царю вместе с Георгом Фаренсбахом; ныне вспомнил его хлеб-соль; желаю тайно уйти к вам и шлю наперед казну свою: возьми сей ящик, отомкни, вынь золото и блюда до моего прихода». К счастью, Воеводы усомнились: велели искусному мастеру бережно открыть ящик и нашли в нем несколько заряженных пищалей, осыпанных порохом. Если бы сам Шуйский неосторожно снял крышку, то мог бы лишиться жизни от выстрелов и разорвания пищалей. Спасенный Небом, он написал к Замойскому, что храбрые убивают неприятелей только в сечах; предлагал ему бой честный, единоборство, как Баторий Иоанну. Уже Воеводы наши знали

о съезде поверенных, но все еще бодрствовали, не отдыхали, днем и ночью тревожили, били слабеющих Литовцев, коих оставалось наконец не более двадцати шести тысяч.

Мужи ратные делали свое дело: Думные также. Если Князь Елецкий и Олферьев, исполняя в точности волю Иоаннову, не могли сохранить достоинства и всех выгод России, то не их вина: по крайней мере они умели наблюдать обстоятельства, извещая Государя о крайности неприятеля; умели длить время, медлить в уступках, ожидая новых повелений и счастливой перемены в духе робкого Иоанна; объяснялись с Литовскими сановниками тихо, но благородно, не унижаясь; обличали их хвастливость без грубости. «Когда вы (говорил Пан Збаражский) приехали сюда за делом, а не с пустым многоречием: то скажите, что Ливония наша и внимайте дальнейшим условиям победителя, который уже завоевал немалую часть России, возьмет и Псков и Новгород, ждет решительного слова и дает вам три дни сроку». Российские сановники ответствовали: «Высокомерие не есть миролюбие. Вы хотите, чтобы Государь наш без всякого возмездия отдал вам богатую землю и лишился всех морских пристаней, необходимых для свободного сообщения России с иными державами. Вы осаждаете Псков уже четыре месяца, конечно с достохвальным мужеством, но с успехом ли? имеете ли действительно надежду взять его? а если не возьмете, то не погубите ли и войска и всех своих завоеваний?» Вместо трех дней, назначенных Баторием, миновало более трех недель в съездах, в прениях, с нашей стороны хладнокровных, жарких с Литовской. Послы Иоанновы уступали Королю 14 городов Ливонских, занятых Российским войском, — Полоцк со всеми его пригородами, Озерище, Усвят, Луки, Велиж, Невелб, Заволочье, Холм, чтобы удержать единственно Дерпт с пятнадцатью крепостями. Стефановы Вельможи не соглашались; требовали и Ливонии и денег за убытки войны; хотели также включить Шведского Короля в договор. Напрасно Елецкий и Олферьев просили доброго содействия Поссевинова: Иезуит хитрил, угадывал тайный наказ Царский, славил неодолимого Батория и коварно жалел о новых, неминуемых бедствиях России в случае продолжения войны от нашего упрямства. Доброе содействие было только от Воевод Псковских: они 4 Генваря [1582 г.] еще сильно напали на Замойского с конницею и пехотою; взяли знатное число пленных, убили многих сановников неприятельских, и с трофеями возвратились в город. Сия вылазка была сорок шестая — и *прощальная*, ибо Замойский дал знать своим Послам, что терпение войска уже истощилось; что надобно подписать

договор или бежать. Настала минута решительная. Збаражский объявил, что Стефан велел кончить переговоры и сею твердостью победил нашу: видя крайность, не смея ехать в Москву без мира, не смея ослушаться Государя, Елецкий и Олферьев должны были принять главное условие: то есть, именем Иоанновым отказались от Ливонии; уступили и Полоцк с Велижем; а Баторий согласился не требовать с нас денег, не упоминать в записи ни о Шведском Короле, ни о городах Эстонских (Ревеле, Нарве), возвратить нам Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Себеж, Остров, Красный, Изборск, Гдов и все другие Псковские занятые им пригороды. На сих условиях положили быть десятилетнему перемирию от 6 Января 1582 года. Но еще несколько дней спорили о титулах и словах, однажды с таких жаром, что смиренный Иезуит Антоний вышел из себя: вырвал черную запись из рук Олферьева, бросил на землю, схватил его за ворот. Теряя Ливонию, Иоанн желал еще именоваться, в договоре, *Ливонским Властителем и Царем*, в смысле *Императора*, о чем ни Послы Стефановы, ни Папский не хотели слышать. Первые, как бы в насмешку, требовали Смоленска, Великих Лук и всех городов Северских, чтобы назвать Иоанна Царем, но единственно Казанским и Астраханским в таком смысле, в каком Молдавских Воевод называют Господарями; а Посевин утверждал, что один Папа может возвышать Венценосцев новыми титулами. Наконец условились дать Иоанну только в Российской перемирной грамоте имя *Царя, Властителя Смоленского и Ливонского*, в Королевской же просто Государя, а Стефану титул *Ливонского*. Утвердив грамоты крестным целованием, поверенные обеих Держав обнялись как друзья, и 17 Января известили Воевод Псковских о замирении. Тихий, полумертвый стан Литовский ожил шумною радостью: защитники Пскова с умилением принесли жертву благодарности Небу, совершив свой подвиг с честью для России. Замойский звал их на пир: Князь Иван Шуйский отпустил к нему Воевод младших, но сам не поехал: успокоился, но не хотел веселиться.

Так кончилась война трехлетняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для России, менее славная для Батория, чем постыдная для Иоанна, который в любопытных ее происшествиях оказал всю слабость души своей, униженной тиранством; который, с неутомимым усилием домогаясь Ливонии, чтобы славно предупредить великое дело Петра, иметь море и гавани для купеческих и государственных сношений России с Европою — воевав 24 года непрерывно, чтобы медленно, шаг за шагом двигаться к цели — изгубив столько людей и достояния — повелевая воинством отечественным, едва не равносильным Ксерксову,

вдруг все отдал — и славу и пользу, изнуренным остаткам разноплеменного сонмища Баториева! В первый раз мы заключили мир столь безвыгодный, едва не бесчестный с Литвою и если удерживались еще в своих древних пределах, не отдали и более: то честь принадлежит Пскову: он, как твердый оплот, сокрушил *непобедимость* Стефанову; взяв его, Баторий не удовольствовался бы Ливониею; не оставил бы за Россию ни Смоленска, ни земли Северской; взял бы, может быть, и Новгород в *очаровании* Иоаннова страха: ибо современники действительно изъясняли удивительное бездействие наших сил очарованием; писали, что Иоанн, устрешенный видениями и чудесами, ждал только бедствий в войне с Баторием, не веря никаким благоприятным донесениям Воевод своих; что явление кометы предвестило тогда несчастье России; что громовая стрела зимою, в день Рождества Христова, при ясном солнце зажгла Иоаннову спальню в Слободе Александровской; что близ Москвы слышали ужасный голос: *бегите, бегите, Русские*, что в сем месте упал с неба мраморный гробовый камень с таинственною, неизъяснимою надписью; что изумленный Царь сам видел его и велел разбить своим телохранителям. Сказка достойная суеверного века; но то истина, что Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важной заслуги не изгладится в нашей истории, доколе мы не утратим любви к отечеству и своего имени.

4 Февраля Замойский выступил в Ливонию, чтобы принять от нас ее города и крепости. Сподвижники его, удаляясь с радостью, не хотели смотреть на стены и башни Псковские, окруженные могилами их братьев. Только в сей день отворились наконец ворота Ольгина града, где все жители и воины, исполнив долг усердия к отечеству и славно миновав опасности, наслаждались живейшим для человека и гражданина удовольствием. Не таковы были чувства Россиян в Ливонии, где они уже давно жительствовавали как в отечестве, имели семейства, дома, храмы, Епископию в Дерпте: согласно с договором, выезжая оттуда в Новгород и Псков с женами, с детьми — в последний раз слыша там благовест православия и моляся Господу по обрядам нашей Церкви, смиренной, изгоняемой, все горько плакали, а всего более над гробами своих ближних. Около шестисот лет именовав Ливонию своим владением — повелевав ее дикими жителями еще при Св. Владимире, строив в ней крепости при Ярославе Великом и в самое цветущее время Ордена собирав дань с областей Дерптских, Россия торжественно отказалась от сей, нашею кровию орошенной земли, надолго, до Героя Полтавского. — Между тем народ, всегда

миролюбивый, в Москве и везде благословил конец войны разорительной; но Иоанн наслаждался ли успокоением робкой души своей? По крайней мере Бог не хотел того, избрав сие время для ужасной казни его сердца, жестокого, но еще не совсем окаменелого — еще родительского, не мертвого.

В старшем, любимом сыне своем, Иоанне, Царь готовил России *второго себя* : вместе с ним занимаясь делами важными, присутствуя в Думе, объезжая Государство, вместе с ним и сластолюбствовал и губил людей как бы для того, чтобы сын не мог стыдить отца и Россия не могла ждать ничего лучшего от наследника. Юный Царевич, не быв вдовцом, имел тогда уже третью супругу, Елену Ивановну, роду Шереметевых: две первые, Сабурова и Параскева Михайловна Соловая, были пострижены. Своевольно или в угодность родителю меняя жен, он еще менял и наложниц, чтобы во всем ему уподобляться. Но, изъясняя страшное в юности ожесточение сердца и необузданность в любострастии, оказывал ум в делах и чувствительность ко славе или хотя к бесславию отечества. Во время переговоров о мире страдая за Россию, читая горесть и на лицах Бояр — слыша, может быть, и всеобщий ропот — Царевич исполнился ревности благородной, пришел к отцу и требовал, чтобы он послал его с войском изгнать неприятеля, освободить Псков, восстановить честь России. Иоанн в волнении гнева закричал: «Мятежник! ты вместе с Боярами хочешь свергнуть меня с престола!» и поднял руку. Борис Годунов хотел удержать ее: Царь дал ему несколько ран острым жезлом своим и сильно ударил им Царевича в голову. Сей несчастный упал, обливаясь кровию. Тут исчезла ярость Иоаннова. Побледнев от ужаса, в трепете, в исступлении он воскликнул: «Я убил сына!» и кинулся обнимать, целовать его; удерживал кровь, текущую из глубокой язвы; плакал, рыдал, звал лекарей; молил Бога о милосердии, сына о прощении. Но Суд Небесный совершился!.. Царевич, лобызая руки отца, нежно изъяслял ему любовь и сострадание; убеждал его не предаваться отчаянию; сказал, что умирает верным сыном и подданным... жил четыре дни и скончался 19 Ноября в ужасной Слободе Александровской... Там, где столько лет лилася кровь невинных, Иоанн, обгаренный сыновнею, в оцепенении сидел неподвижно у трупа без пищи и сна несколько дней... 22 Ноября Вельможи, Бояре, Князья, все в одежде черной, понесли тело в Москву. Царь шел за гробом до самой церкви Св. Михаила Архангела, где указал ему место между памятниками своих предков. Погребение было великолепно и умирительно. Все оплакивали судьбу державного юноши, который мог бы жить для счастья и

добродетели, если бы рука отцевская, назло природе, безвременно не свергнула его и в разврат и в могилу! Человечество торжествовало: оплакивали и самого Иоанна!.. Обнаженный всех знаков Царского сана, в ризе печальной, в виде простого, отчаянного грешника, он бился о гроб и землю с воплем пронзительным.

Так правосудие Всевышнего Мстителя и в сем мире карает иногда исполинов бесчеловечия, более для примера, нежели для их исправления, ибо есть, кажется, предел во зле, за коим уже нет истинного раскаяния; нет свободного, решительного возврата к добру: есть только мука, начало адской, без надежды и перемены сердца. Иоанн стоял уже далеко за сим роковым пределом: исправление *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабых... Несколько времени он тосковал ужасно; не знал мирного сна: ночью, как бы устрашаемый привидениями, вскакивал, падал с ложа, валялся среди комнаты, стенал, вопил; утихал только от изнурения сил; забывался в минутной дремоте, на полу, где клали для него тюфяк и изголовье; ждал и боялся утреннего света, боясь видеть людей и явить им на лице своем муку сыноубийцы.

В сем душевном волнении Иоанн призвал знатнейших мужей государственных и сказал торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богом, остается кончить дни в уединении монастырском; что меньший его сын, Феодор, неспособен управлять Россиею и не мог бы царствовать долго; что Бояре должны избрать Государя достойного, коему он немедленно вручит державу и сдаст Царство. Все изумились: одни верили искренности Иоанновой и были тронуты до глубины сердца; другие опасались коварства, думая, что Государь желает только выведать их тайные мысли, и что ни им, ни тому, кого они признали бы достойным венца, не миновать лютой казни. Единодушным ответом было: «не оставляй нас; не хотим Царя, кроме Богом данного, тебя и твоего сына!» Иоанн как бы невольно согласился носить еще тягость правления; но удалил от глаз своих все предметы величия, богатства и пышности; отвергнул корону и скипетр; облек себя и двор в одежду скорби; служил Панихиды и каялся; послал 10000 рублей в Константинополь, Антиохию, Александрию, Иерусалим, к Патриархам, да молятся об успокоении души Царевича — и сам наконец успокоился! Хотя, как пишут, он не преставал оплакивать любимого сына и даже в *веселых* разговорах часто вспоминал об нем со слезами, но, следственно, мог снова *веселиться*, снова, если верить чужеземным Историкам, свирепствовал и казнил многих людей воинских, которые будто бы малодушно сдавали крепости Баторию, хотя сами враги наши должны были признать тогда Россиян храбрейшими, неодолимыми

защитниками городов. В сие же время, и под сим же видом правосудия, Иоанн изобрел необыкновенное наказание для отца супруги своей. Долго не видя Годунова, избитого, израненного за Царевича, и слыша от Федора Нагого, что сей любимец не от болезни, но единственно от досады и злобы скрывается, Иоанн хотел узнать истину: сам приехал к Годунову; увидел на нем язвы и заволоку, сделанную ему купцем Строгановым, искусным в лечении недугов; обнял больного и, в знак особенной милости дав его целителю право *именитых* людей называться полным отчеством или *вичем*, как только знатнейшие государственные сановники именовались, велел, чтобы Строганов в тот же день сделал самые мучительные заволоки на боках и на груди клеветнику Федору Нагому! Клевета есть конечно важное преступление; но сия *замысловатость* в способах муки изображает ли сердце умиленное, сокрушенное горестию? Тогда же в делах государственных видим обыкновенное хладнокровие Иоанново, его осмотрительность и спокойствие, которое могло происходить единственно или от удивительного величия души или от малой чувствительности в обстоятельствах столь ужасных для отца и человека. 28 Ноября в Москве он уже слушал донесение гонца своего о Псковской осаде; во время переговоров знал все и разрешал недоумения наших поверенных, которые в Феврале месяце возвратились к нему с договором.

Скоро явился в Москве и хитрый Иезуит Антоний, принять нашу благодарность и воспользоваться ею, то есть достигнуть главной цели его послания, исполнить давнишний замысел Рима соединить Веры и силы всех держав Христианских против Оттоманов. Тут Иоанн оказал всю природную гибкость ума своего, ловкость, благоразумие, коим и сам иезуит должен был отдать справедливость. Опишем сии любопытные подробности.

«Я нашел Царя в глубоком унынии, — говорит Поссевин в своих записках: — Сей двор пышный казался тогда смиренною обителию Иноков, черным цветом одежды изъясляя мрачность души Иоанновой. Но судьбы Всевышнего неисповедимы: самая печаль Царя, некогда столь необузданного, расположила его к умеренности и терпению слушать мои убеждения». Изобразив важность оказанной им услуги Государству Российскому доставлением ему счастливого мира, Антоний прежде всего старался уверить Иоанна в искренности Стефанова дружества и повторил слова Баториевы: «Скажи Государю Московскому, что вражда угасла в моем сердце; что не имею никакой тайной мысли о будущих завоеваниях, желаю его истинного братства и

счастья России. Во всех наших владениях пути и пристани должны быть открыты для купцов и путешественников той и другой земли, к их обоюдной пользе: да ездят к нему свободно и Немцы и Римляне чрез Польшу и Ливонию! Тишина Христианам, но месть разбойникам Крымским! Пойду на них: да идет и Царь! Уйдем вероломных злодеев, алчных ко злату и крови наших подданных. Условимся, когда и где действовать. Не изменю, не ослабею в усилиях: пусть Иоанн даст мне свидетелей из своих Бояр и Воевод! Я не Лях, не Литвин, а пришлец на троне: хочу заслужить в свете доброе имя навеки». Но Иоанн, признательный к дружественному расположению Баториеву, отвечал, что мы уже не в войне с Ханом: Посол наш, Князь Василий Мосальский, жив несколько лет в Тавриде, наконец заключил перемирие с нею: ибо Магмет-Гирей имел нужду в отдыхе, будучи изнурен долговременною войною Персидскою, в коей он невольно помогал Туркам и которая спасала Россию от его опасных нашествий в течение пяти лет. Далее Антоний, приступив к главному делу, требовал особенной беседы с Царем о соединении Вер. «Мы готовы беседовать с тобою (сказал Иоанн), но только в присутствии наших ближних людей и без споров, если возможно: ибо всякий человек хвалит свою Веру и не любит противоречия. Спор ведет к ссоре, а я желаю тишины и любви». В назначенный день (Февраля 21) Антоний с тремя Иезуитами пришел из *советной палаты* в тронную, где сидел Иоанн только с Боярами, *Дворянами Сверстными* и *Князьями Служильми* : Стольников и младших Дворян выслали. Изъявив послу ласку, Государь снова убеждал его не касаться Веры, примолвив: «Антоний! мне уже 51 год от рождения и недолго жить в свете: воспитанный в правилах нашей Христианской Церкви, издавна несогласной с Латинскою, могу ли изменить ей пред концом земного бытия своего? День Суда Небесного уже близок: он явит, чья Вера, ваша ли, наша ли, истиннее и святее. Но говори, если хочешь». Тут Антоний с живостию и с жаром сказал: «Государь светлейший! из всех твоих милостей, мне поныне оказанных, самая величайшая есть сие дозволение говорить с тобою о предмете столь важном для спасения душ Христианских. Не мысли, о Государь! чтобы Св. Отец нудил тебя оставить Веру Греческую: нет, он желает единственно, чтобы ты, имея ум глубокий и просвещенный, исследовал деяния первых ее Соборов и все истинное, все древнее навеки утвердил в своем Царстве как закон неизменяемый. Тогда исчезнет разность между Восточною и Римскою Церковию; тогда мы все будем единым телом Иисуса Христа, к радости единого истинного, Богом уставленного Пастыря Церкви. Государь! моля Св. Отца

доставить тишину Европе и соединить всех Христианских Венценосцев для одоления неверных, не признаешь ли его сам главою Христианства? Не изъявил ли ты особенного уважения к Апостольской Римской Вере, дозволив всякому, кто исповедует оную, жить свободно в Российских владениях и молиться Всевышнему по ее Святым обрядам, ты, Царь великий, никем не нудимый к сему торжеству истины, но движимый явно волею Царя Царей, без коей и лист древесный не падает с ветви? Сей желаемый тобою общий мир и союз Венценосцев может ли иметь твердое основание без единства Веры? Ты знаешь, что оно утверждено Собором Флорентийским, Императором, Духовенством Греческой Империи, самым знаменитым иерархом твоей церкви Исидором: читай представленные тебе деяния сего осьмого Вселенского Собора и если где усомнишься, то повели мне изъяснить темное. Истина очевидна: прияв ее в братском союзе с сильнейшими Монархами Европы, какой не достигнешь славы, какого величия? Государь! ты возьмешь не только Киев, древнюю собственность России, но и всю Империю Византийскую, отъятую Богом у Греков за их раскол и неповиновение Христу Спасителю». Царь спокойно отвечив: «Мы никогда не писали к Папе о Вере. Я и с тобою не хотел бы говорить об ней: во-первых, опасаясь уязвить твое сердце каким-нибудь жестоким словом; во-вторых, занимаюсь единственно мирскими, государственными делами России, не толкую церковного учения, которое есть дело нашего богомольца Митрополита. Ты говоришь смело, ибо ты Поп и для того сюда приехал из Рима. Греки же для нас не Евангелие: мы верим Христу, а не Грекам. Что касается до Восточной Империи, то знай, что я доволен своим и не желаю никаких новых Государств в сем земном свете; желаю только милости Божией в будущем». Не упоминая ни о Флорентийском Соборе, ни о всеобщем Христианском союзе против Султана, Иоанн в знак дружбы своей к Папе снова обещал свободу и покровительство всем иноземным купцам и священникам Латинской Веры в России с тем условием, чтобы они не толковали о Законе с Россиянами. Но ревностный Иезуит хотел дальнейшего прения; утверждал, что мы *новоуки* в Христианстве; что Рим есть древняя столица оногo. Уже Царь начинал досадовать. «Ты хвалишься Православием (сказал он), а стрижешь бороду; ваш Папа велит носить себя на престоле и целовать в туфель, где изображено распятие: какое высокомерие для смиренного Пастыря Христианского! какое уничтожение святыни!»... «Нет уничтожения, — возразил Антоний: — достойное воздается достойному. Папа есть глава Христиан, учитель всех Монархов Православных,

сопрестольник Апостола Петра, Христова сопрестольника. Мы величаем и тебя, Государь, как наследника Мономахова; а Св. Отец...» Иоанн, перервав его речь, сказал: «У Христиан один Отец на Небесах! Нас, земных Властителей, величать должно по мирскому уставу; ученики же Апостольские да смиренномудрствуют! Нам честь Царская, а Папам и Патриархам Святительская. Мы уважаем Митрополита нашего и требуем его благословения; но он ходит по земле и не возносится выше Царей гордостью. Были Папы действительно учениками Апостольскими: Климент, Сильвестр, Агафон, Лев, Григорий; но кто именуется Христовым сопрестольником, велит носить себя на седалище как бы на облаке, как бы Ангелам; кто живет не по Христову учению, тот Папа есть волк, а не пастырь»... Антоний в сильном негодовании воскликнул: «Если уже Папа волк, то мне говорить нечего!» ...Иоанн, смягчив голос, продолжал: «Вот для чего не хотел я беседовать с тобою о Вере! Невольно досаждаем друг другу. Впрочем называю волком не Григория XIII, а Папу, не следующего Христову учению. Теперь оставим». Государь с ласкою положил руку на Антония, отпустил его милостиво и приказал чиновникам отнести к нему лучшие блюда стола Царского.

На третий день снова позвали Иезуита во дворец. Царь, указав ему место против себя, сказал громко, так, чтобы все Бояре могли слышать: «Антоний! прошу тебя забыть сказанное мною, к твоему неудовольствию, о Папах. Мы несогласны в некоторых правилах Веры; но я хочу жить в дружбе со всеми Христианскими Государями, и пошлю с тобою одного из моих сановников в Рим; а за твою оказанную нам услугу изъясню тебе признательность». Царь велел ему говорить с Боярами, коими Антоний опять силился доказывать истину Римского исповедания и согласно с их желанием (как он уверяет) в три дни написал целую книгу о мнимых заблуждениях Греков, основываясь на богословских творениях Геннадия, Константинопольского Патриарха, утвержденного в Первосвятительстве Магометом II! Именем Папы он убеждал Царя послать в Рим несколько грамотных молодых *Россиян* с тем, чтобы они узнали там истинные *догматы древней Греческой Церкви*, выучились языку Италиянскому или Латинскому, и выучили Италиянцев нашему для удобной переписки с Москвою; убеждал также, чтобы Иоанн выгнал ядовитых *Лютерских Магистров*, отвергающих Богоматерь и святость Угодников Христовых, а принимал единственно Латинских Иереев. Ему ответствовали, что Царь будет искать людей способных для науки, и *если* найдет, то пришлет их к Григорию; что Лютеране, как и все иноверцы, живут свободно в

России, но не смеют сообщать другим своих заблуждений. Антоний желал еще примирить Швецию с Россией; всего же более настоял в том, чтобы мы заключили союз с Европою для усмирения Турков. «Пусть Король Шведский (сказал Иоанн) сам изъявит мне миролюбие: тогда увидим его искренность. Унять неверных желаю; но Папа, Император, Король Испанский, Французский и все другие Венценосцы должны прежде чрез торжественное Посольство условиться со мною в мерах сего Христианского ополчения. Теперь не могу войти ни в какое обязательство». То есть, Иоанн, уже не страшась Батория, явно охладел к мысли изгнать Турков из Европы: иезуит видел сию перемену, и жалуется на его лукавство. «Не ожидая ничего более от Св. Отца для выгод своей Политики (пишет он), Царь выдумал хитрость, чтобы успокоить суеверных Россиян, не довольных моим смелым суждением об их Законе. Что ж сделал? призвал меня во дворец, в первое воскресение Великого Поста, и сказал: *Антоний! зная, что ты желаешь видеть обряды нашей Церкви, я велел ныне отвести тебя в храм Успения (где буду и сам), да созерцаешь красоту и величие истинного Богослужения. Там обожжаем мы небесное, а не земное; чтим, но не носим Митрополита на руках... и Св. Апостола Петра также не носили верные: он ходил пеш и бос; а ваш Папа именует себя его Наместником!* .. Государь! отвечал я хладнокровно, удивленный сею новою грубостию: всякое место свято, где славят Христа; но пока не согласимся в некоторых Догматах и пока Митрополит Российский не будет в сношениях с Св. Отцом, я не могу видеть вашего Богослужения. Вторично скажу тебе, что воздавать честь Архипастырю Церкви есть долг, а не грех. Вы не носите Митрополита, но моете себе глаза водою, которою он моет руки свои. — Изъяснив мне, что сей обряд уставлен в воспоминание страстей Господних, а не в честь Митрополиту, Иоанн дал знак, — и толпы сановников двинулись вперед, к дверям; увлекли и меня с собою; а Царь издали сказал мне громко: *Антоний! смотри, чтобы кто-нибудь из Лютеран не вошел за тобою в церковь* . Но я сам не хотел войти в нее; ждал минуты и тихонько ушел, когда Царедворцы остановились пред собором. Все думали, что мне не миновать беды; но Иоанн, изумленный моим послушанием, задумался, потер себе лоб рукою и сказал: *его воля* . Какое было намерение Царя? представить Россиянам торжество Веры своей: Посла Римского молящегося в их храме, лобызающего руку у Митрополита во славу Церкви Восточной, к уничижению Западной и тем вывести народ из соблазна, произведенного необыкновенными знаками Царского уважения к Папе». Поссевин, как вероятно, не обманывался в своей догадке; но

обманулся в надежде присоединить нас к Римской Церкви!

Впрочем до самого отъезда своего он видел знаки Иоанновой к нему милости: его встречали, провожали во дворце знатные сановники, водили обыкновенно сквозь блестящие ряды многолюдной Царской дружины: честь, какой, может быть, никогда и нигде не оказывали Иезуиту! Он выпросил свободу осьмнадцати невольникам, Испанцам, ушедшим из Азова в Россию и сосланным в Вологду; исходатайствовал также облегчение Литовским и Немецким пленникам, впредь до размены: их выпустили из темниц, отдали в дома гражданам, велели довольствоваться всем нужным. Но Иоанн снова отринул сильные домогательства Иезуитовы о строении Латинских церквей в России. «Католики вольны (сказали Антонию) жить у нас по своей Вере, *без укоризны и зазору*, сего довольно». Беседуя с Думными советниками о наших обычаях, странных для Европы, он ссылался на Герберштейнову книгу о России, где сказано, что Царь, давая целовать руку Немецким Послам, в ту же минуту моет ее водою, как бы осквернив себя их прикосновением; но Бояре объявили Герберштейна, два раза столь обласканного в Москве, неблагодарным клеветником, всклепавшим небылицу на Государей Московских. С удивлением также слыша от Поссевина, что будто бы отец Иоаннов Великий Князь Василий обещал Императору Карлу V тридцать тысяч воинов за отпуск в Россию многих немецких художников, Бояре отвечали: «людей ратных дают Государи Государям по договорам, а не в обмен за ремесленников». — Наконец, в день отпуска, Иоанн торжественно благодарил Поссевина за деятельное участие в мире; уверил его в своем личном уважении; встав с места, велел кланяться Григорию и Королю Стефану; дал ему руку — и прислал несколько драгоценных черных соболей для Папы и для Антония. Иезуит не хотел было взять своего дара, славя бедность учеников Христовых; однако ж взял и выехал из Москвы (15 Марта) вместе с нашим гонцом Яковом Молвяниновым, с коим Царь написал к Папе ответ на грамоту его, уверяя, что мы готовы участвовать в союзе Христианских Держав против Оттоманов, но ни слова не говоря о соединении Церквей.

Сим на долгое время пресеклись сношения Рима с Москвою, бесполезные и для нас и для Папы: ибо не ходатайство Иезуита, но доблесть Воевод Псковских склонила Батория к умеренности, не лишив его ни славы, ни важных приобретений, коими сей Герой обязан был смятению Иоаннова духа еще более, нежели своему мужеству.

Глава VI

Первое завоевание Сибири. 1581—1584 г.

Первые сведения о Сибири. Известия о Татарской Державе в Сибири. Древнейшее путешествие Россиян в Китай. Знатные купцы Строгановы. Неверность Царя Кучюма. Разбой Козаков. Ермак. Поход на Сибирь. Гнев Иоаннов. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночной совет Козаков. Решительная битва. Взятие Искера, или города Сибири. Строгость Ермака. Пленение Царевича Маметкула. Дальнейшие завоевания. Посольство в Москву. Радость в Москве. Послание рати в Сибирь. Новые завоевания. Жалованье Царское. Болезни и голод в Сибири. Неосторожность Козаков. Осада Искера. Последние завоевания Ермаковы. Гибель Ермака. Изображение Героя Сибирского. Козаки оставляют Сибирь.

В то время, когда Иоанн, имея триста тысяч добрых воинов, терял наши западные владения, уступая их двадцати шести тысячам полумертвых Ляхов и Немцев, — в то самое время малочисленная шайка бродяг, движимых и грубою алчностью к корысти и благородною любовью ко славе, приобрела новое Царство для России, открыла *второй новый мир* для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой, ознаменованный разнообразием, величием, богатством естества, где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушистые звери, и сама природа усеивает обширные степи диким хлебом; где судоходные реки, большие рыбные озера и плодоносные цветущие долины, осененные высокими тополями, в безмолвии пустынь ждут трудолюбивых обитателей, чтобы в течение веков представить новые успехи гражданской деятельности, дать простор стесненным в Европе народам и гостеприимно облагодетельствовать излишек их многолюдства. Три купца и беглый Атаман Волжских разбойников дерзнули, без Царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь.

Сие неизмеримое пространство Северной Азии, огражденное Каменным Поясом, Ледовитым морем, океаном Восточным, цепию гор Алтайских и Саянских — отечество малолюдных племен Могольских, Татарских, Чудских (Финских), Американских — укрывалось от любопытства древних Космографов. Там, *на главной высоте земного шара*, было, как угадывал великий Линней, первобытное убежище Ноева семейства после губительного, всемирного наводнения; там воображение Геродотовых современников искало *грифов, стрегущих*

золото : но история не ведала Сибири до нашествия Гуннов, Турков, Моголов на Европу: предки Аттилины скитались на берегах Енисея; славный Хан Дизавул принимал Юстинианова сановника Земарха в долинах Алтайских; Послы Иннокентия IV и Св. Людовика ехали к наследникам Чингисовым мимо Байкала, и несчастный отец Александра Невского падал ниц пред Гаюком в окрестностях Амура. Как данники Моголов узнав в XIII веке юг Сибири, мы еще ранее, как завоеватели, узнали ее северо-запад, где смелые Новгородцы уже в XI веке обогащались мехами драгоценными. В исходе XV столетия знамена Москвы уже развевались на снежном хребте Каменного Пояса, или древних гор Рифейских, и Воеводы Иоанна III возгласили его великое имя на берегах Тавды, Иртыша, Оби, в пяти тысячах верстах от нашей столицы. Уже сей Монарх именовался в своем титуле *Югорским* , сын его *Обдорским и Кондинским* , а внук *Сибирским* , обложив данию сию Могольскую, или Татарскую, Державу, которая составила из древних Улусов Ишимских, Тюменских или Шибанских, известных нам с 1480 года и названных так, вероятно, по имени брата Бытыева, Шибана, единовластителя Северной Азии, на восток от моря Аральского.

Пишут, что «Князь Ивак или Он, племени *Ногайского* , Веры Магометовой, жил на реке Ишиме, повелевая многими Татарами, Остяками и Вогуличами; что какой-то мятежник Чингис свергнул Ивака, но из любви к его сыну Тайбуге, дал ему рать для завоевания берегов Иртыша и великой Оби, где сей юный Князь основал Сибирское Ханство и город Чингий на Туре, в коем властвовали после сын Тайбугин, Ходжа, и внук Мар, отец Адера и Яболака, женатый на Царевне *Казанской* , сестре Упаковой; что Упа убил Мара, а сын Адеров, Магмет, убив Упака, построил Искер, или Сибирь, на Иртыше (в шестнадцати верстах от нынешнего Тобольска); что преемниками Магметовыми были Агиш, сын Яболаков, Магметов сын Казый и дети Казыевы, Едигер (данник Московский) и Бекбулат, сверженные Кучюмом, сыном Киргизского Хана Муртазы, *первым Царем Сибирским* » (также Иоанновым данником). Сказания не весьма достоверные, слышанные Россиянами от Магометанских жителей Сибири и внесенные в ее летописи без всякого критического исследования! В Царской же грамоте 1597 года наименован первым Ханом Сибирским *Ибак* , дед Кучюмов, вторым Магмет, третьим Казый, четвертым Едигер, Князя Тайбугина рода. Заметим, что полки Московские в 1483 году воюя на берегах Иртыша, еще не видали Татар в сих местах, где уже существовала крепость *Сибирь* и властвовал

Князь Лятик , без сомнения Югорский или Остяцкий: следственно Ишимские Ногаи, соединясь с Тюменскими, завладели устьем Тобола едва ли ранее XVI века и не *основали* , а *взяли* городок Сибирь , названный ими Искером.

Уже твердо зная путь в сию столицу Едигерову и Кучюмову, где бывали чиновники Московские, любопытный Иоанн желал узнать и страны дальнейшие: для того в 1567 году послал двух Атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева за Сибирь на юг с дружественными грамотами к неизвестным властителям неизвестных народов. Атаманы благополучно возвратились и представили Государю описание всех земель от Байкала до моря Корейского, быв в Улусах *Черной* , или Западной Мунгалии, подвластной разным Князям, и в городах Восточной, или *Желтой* , где царствовала женщина и где народ пользовался выгодами земледелия, скотоводства, торговли. Упомянув по слуху о Туркестане, Бухарин, Кашгаре, Тибете, путешественники Иоанновы сказывают в своем любопытном донесении, что грамота Мунгальской Царицы отверзла для них железные ворота стены Китайской; но что, свободно достигнув богатого, многолюдного Пекина, они не могли видеть Императора, не имев к нему даров от Государя.

Так мы узнали Китай, быв обязаны сим первым достоверным о нем известием редкому смыслу, мужеству, терпению двух Козаков, умевших преодолеть все труды, опасности пути дальнего, неведомого, сквозь степи, горы и кочевья варваров, виденные, может быть, только отчасти славным Венецианским путешественником XIII века Марком Полом.

Но еще господство наше за Каменным Поясом было слабо и ненадежно: Татары Сибирские, признав Иоанна своим Верховным Властителем, не только худо платили ему дань, но и частыми набегами тревожили Великую Пермь, где был конец России. Озабоченный важными, непрестанными войнами, Царь не мог утвердить ни власти своей над отдаленною Сибирью, ни спокойствия наших владений между Камою и Двиною, где уже издавна селились многие Россияне, привлекаемые туда естественным изобилием земли, дешевизною всего нужного для жизни, выгодами мены с полудикими соседственными народами, в особенности богатыми мягкою рухлядью. В числе тамошних Российских всельников были и купцы Строгановы, Яков и Григорий Иоанникиевы, или Аникины, коих отец обогатился заведением соляных варниц на Вычегде и (если верить сказанию иностранцев) первый открыл путь для нашей торговли за хребет гор

Уральских. Пишут, что сии купцы происходили от знатного, крещеного Мурзы Золотой Орды, именем Спиридона, научившего Россиян употреблению счетов; что Татары, им озлобленные, пленили его в битве, измучили и будто бы *застрогали* до смерти; что сын его потому назван *Строгановым*, а внук способствовал искуплению Великого Князя Василия Темного, бывшего пленником в Казанских Улусах. Желая взять деятельные меры для обуздания Сибири, Иоанн призвал упомянутых двух братьев, Якова и Григория, как людей умных и знающих все обстоятельства северо-восточного края России, беседовал с ними, одобрил их мысли и дал им жалованные грамоты на пустые места, лежащие вниз по Каме от земли Пермской до реки Сылвы и берега Чу совой до ее вершины; позволил им ставить там крепости в защиту от Сибирских и Ногайских хищников, иметь снаряд огнестрельный, пушкарей и воинов на собственном иждивении, принимать к себе всяких людей вольных, не *тяглых* и не беглых, — ведать и судить их независимо от Пермских Наместников и Тиунов, *не возить и не кормить* Послов, едущих в Москву из Сибири или в Сибирь из Москвы, — заводить селения, пашни и соляные варницы, — в течение двадцати лет торговать без пошлины солью и рыбою, но с обязательством *не делать руд*, и если найдут где серебряную или медную, или оловянную, то немедленно извещать о сем казначеев Государевых. Довольные Царскою милостию, деятельные и богатые Строгановы основали в 1558 году близ устья Чусовой городок Канкор, на мысу Пыскорском, где стоял монастырь Всемилоственного Спаса, в 1564 г. крепость Кергедан на Орловском Волоке, в 1568 и 1570 г. несколько острогов на берегах Чусовой и Силвы; приманили к себе многих людей, бродяг и бездомков, обещая богатые плоды трудолюбию и добычу смелости; имели свое войско, свою управу, подобно Князькам Владетельным; берегли северо-восток России и в 1572 году смирили бунт Черемисы, Остяков, Башкирцев, одержав знатную победу над их соединенными толпами и снова взяв с них присягу в верности к Государю. Сии усердные стражи земли Пермской, сии жители пустынь Чусовских, сии купцы-владетели, распространив пределы обитаемости и государства Московского до Каменного Пояса, устремили мысль свою и далее.

Кучюм, овладев Сибирью, искал благоволения Иоаннова, когда еще опасался ее жителей, насильно обращаемых им в Магометанскую Веру, и Ногаев, друзей России: но утвердив власть свою над Тобольскою Ордою, презвав к себе многих степных Киргизов и женив сына, Алея, на дочери Ногайского Князя, Тин-Ахмата, уже не исполнял

обязанностей нашего данника, тайно сносился с Черемисою, возбуждал сей народ свирепый к бунту против Государя Московского и под смертною казнию запрещал Остякам, Югорцам, Вогуличам платить древнюю дань России. Встревоженный слухом о Строгановских крепостях, Кучюм (в Июле 1575 года) послал своего племянника, Маметкула, разведать о них и, если можно, истребить все наши заведения в окрестностях Камы. Маметкул явился с войском как неприятель: умертвил несколько верных нам Остяков, пленил их жен, детей и Посла Московского, Третьяка Чебукова, ехавшего в Орду Киргиз-Кайсакскую; но узнав, что в городках Чусовских довольно и ратных людей и пушек, бежал назад. Строгановы не смели гнаться за разбойником без Государева повеления: известили о том Иоанна и просили указа строить крепости в земле Сибирской, чтобы стеснить Кучюма в его собственных владениях и навсегда утвердить безопасность наших. Они не требовали ни полков, ни оружия, ни денег; требовали единственно жалованной грамоты на землю неприятельскую — и получили: 30 Мая 1574 года Иоанн дал им сию грамоту, где сказано, что Яков и Григорий Строгановы могут укрепиться на берегах Тобола и вести войну с изменником Кучюмом для освобождения первобытных жителей Югорских, наших данников, от его ига; могут в возмездие за их добрую службу, выделывать там не только железо, но и медь, олово, свинец, серу для опыта, до некоторого времени; могут свободно и без пошлины торговать с Бухарцами и с Киргизами. — Следственно, Строгановы имели законное право идти с огнем и мечем за Каменный Пояс; но силы, может быть, не ответствовали ревности для такого важного предприятия. Миновало шесть лет, и в течение сего времени Яков с Григорием умерли, оставив свое богатство, ум и деятельность в наследие меньшому брату Семену, который вместе с племянниками Максимом Яковлевым и Никитою Григорьевым счастливо исполнил их славное намерение, заслужив тем сперва гнев Иоанна, а благодарность, его и России, уже после!

Мы говорили о происхождении, доброй и худой славе, верности и неверности донских Козаков, то честных воинов России, то мятежников, ею не признаваемых за Россиян. Гневные отзывы Иоанновы о сей вольнице в письмах к Султанам и к Ханам Таврическим были истиною: ибо Козаки, действительно, разбивая купцев, даже Послов Азиатских на пути их в Москву, грабя самую казну Государеву, несколько раз заслуживали опалу; несколько раз высылались дружины воинские на берега Дона и Волги, чтобы истребить сих хищников: так в 1577 году Стольник Иван Мурашкин,

предводительствуя сильным отрядом, многих из них взял и казнил; но другие не стремились: уходили на время в пустыни, снова являлись и злодействовали на всех дорогах, на всех перевозах; в быстром набеге взяли даже столицу Ногайскую, город Сарайчик, не оставили там камня на камне и вышли с знатною добычею, раскопав самые могилы, обнажив мертвых. К числу буйных Атаманов Волжских принадлежали тогда Ермак (Герман) Тимофеев, Иван Кольцо, осужденный Государем на смерть, Яков Михайлов, Никита Пан, Матвей Мещеряк, известные удальством редким: слыша, как они ужасают своею дерзостью не только мирных путешественников, но и все окрестные Улусы кочевых народов, умные Строгановы предложили сим пяти храбрецам службу честную; послали к ним дары, написали грамоту ласковую (6 Апреля 1579 года), убеждали их отвергнуть ремесло, недостойное Христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами *Царя Белого*, искать опасностей не бесславных, примириться с Богом и с Россиею; сказали: «имеем крепости и земли, но мало дружины: идите к нам оборонять Великую Пермь и восточный край Христианства». Ермак с товарищами прослезился от умиления, как пишут: мысль свергнуть с себя опалу делами честными, заслугою государственною и променять имя смелых грабителей на имя добрых воинов отечества, тронула сердца грубые, но еще не лишённые угрызений совести. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважных бойцов и (21 Июня) прибыли к Строгановым — «с радостью и на радость, — говорит Летописец: — чего хотели одни, что обещали другие, то исполнилось: Атаманы стали грудью за область Христианскую. Неверные трепетали; где показывались, там гибли». И действительно (22 Июля 1581 года) усердные Козаки разбили наголову Мурзу Бегулия, дерзнувшего с семьями Вогуличей и Остяков грабить селения на Сылве и Чусовой; взяли его в плен и смирили Вогуличей. Сей успех был началом важнейших.

Призывая Донских Атаманов, Строгановы имели в виду не одну защиту городов своих: испытав бодрость, мужество и верность Козаков; узнав разум, великую отвагу, решительность их главного Вождя, Ермака Тимофеева, *родом неизвестного, душою знаменитого*, как сказано в летописи; составив еще особенную дружину из Русских Татар, Литвы, Немцев, искупленных ими из неволи у Ногаев (которые служба в войнах Иоанну, возвращались обыкновенно в Улусы свои с пленниками); добыв оружия, изготовив все нужные запасы, Строгановы объявили поход, Ермака воеводою и Сибирь целию. Ратников было 840, одушевленных ревностию и веселием: кто хотел чести, кто добычи;

Донцы надеялись заслужить милость Государеву, а Немецкие и Литовские пленники свободу: Сибирь казалась им путем в любезное отечество! Воевода устроил войско; сверх Атаманов избрал Есаулов, Сотников, Пятидесятников: главным под ним был неустрашимый Иван Кольцо. Нагрузив ладии запасами и снарядами, легкими пушками, *семипядными* пищалями; взяв вожатых, толмачей, Иереев: отпев молебен; выслушав последний наказ Строгановых: «иди с миром, очисти землю Сибирскую и выгнать безбожного Салтана Кучюма», Ермак *с обетом доблести и целомудрия*, при звуке труб воинских, 1 Сентября 1581 года отплыл рекою Чусовою к горам Уральским, на подвиг славы, без всякого содействия, даже без ведома Государева: ибо Строгановы, имея Иоаннову жалованную грамоту на места за Каменным Поясом, думали, что им уже нет надобности требовать нового Царского указа для их великого предприятия. Не так мыслил Иоанн, как увидим.

В то самое время, когда Российский Пизарро, не менее Испанского грозный для диких народов, менее ужасный для человечества, шел воевать Кучюмову Державу, Князь Пелымский с Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами нечаянно напал на берега Камы, выжег, истребил селения близ Чердыни, Усолья и новых крепостей строгановских; умертвил, пленил множество Христиан. Защитников не было; но сведав о походе Козаков в Сибирь, он спешил удалиться для защиты собственных владений. Сей разбой поставили в вину Строгановым: Иоанн писал к ним, что они, как доносил ему Чердынский Наместник Василий Пелепелицын не умеют или не хотят оберегать границы; *самовольно* призвали опальных Козаков, известных злодеев, и послали их воевать Сибирь, раздражая тем и Князя Пелымского и Салтана Кучюма; что такое дело есть измена, достойная казни. «Приказываю вам (писал он далее) немедленно выслать Ермака с товарищами в Пермь и в Усолье Камское, где им должно *покрыть* вины свои совершенным усмирением Остяков и Вогуличей; а для безопасности ваших городков можете оставить у себя Козаков сто, не более. Если же не исполните нашего указа; если впредь что-нибудь случится над Пермскою землею от Пелымского Князя и Сибирского Салтана: то возложим на вас *большую опалу*, а Козаков-изменников велим перевешать». Сей гневный указ напугал Строгановых; но блестящий, неожиданный успех оправдал их дело, и гнев Иоаннов переменился в милость.

Начиная описание Ермаковых подвигов, скажем, что они, как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение

людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною и под именем летописаний обманывали самых Историков. Так, например, сотни Ермаковых воинов, подобно Кортецовым или Пизарровым, обратились в тысячи, месяцы действия в годы, плавание трудное в чудесное. Оставляя баснословие, следуем в важнейших обстоятельствах грамотам и достовернейшему современному повествованию о сем завоевании любопытном, действительно удивительном, если и не чудесном.

Атаманы плыли четыре дня вверх по реке Чусовой, быстрой, каменистой, опасной, до хребта Уральского и между горами, под сенью их скал навислых; два дня рекою Серебряною и достигли ею так называемого *пути Сибирского* ; остановились, и не зная, что ожидало их впереди, для своей безопасности сделали земляное укрепление, дав ему имя *Кокуя-городка* ; видели только пустыни или малочисленных жителей мирных и через волок перевезлись оттуда до реки Жаравли. Сии места еще и ныне ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, следы укреплений называются его именем; ладьи тяжелые, оставленные им между Серебряною и Баранчею, еще не совсем истлели, как уверяют, и над их гниющими днами растут высокие деревья. — Жаравлею и Тагилом вошли атаманы в реку Туру, уже в область Сибирского Царства, где в первый раз обнажили меч завоевания. На месте нынешнего Туринска стоял городок Князя Епанчи, который, повелевая многими Татарами и Вогуличами, встретил смелых пришельцев тучею стрел с берега (где теперь село Усениново), но бежал, уstraшенный громом пушек. Ермак велел разорить сей городок; осталось только имя: ибо жители донныне называют Туринск Епанчиным. Опустошив Улусы и селения вниз по Туре, Атаманы на устье Тавды взяли в плен Кучюмова сановника, Таузака, который, искренностию спасая жизнь, сообщил им все нужные для них сведения о земле своей и будучи за то освобожден, известил ее Царя, что предсказание Сибирских волхвов сбывается: ибо сии чудесники уже давно, как пишут, вопили на стогнах о неминуемом скором падении его Державы от нашествия Христиан. Таузак описывал Козаков людьми чудесными, воинами неодолимыми, *стреляющими огнем и громом смертоносным* навывлет сквозь латы. Но Кучюм, лишенный зрения, имел душу твердую: решился стать мужественно за Царство и Веру; собрал войско из всех Улусов, выслал племянника Маметкула в поле со многочисленною конницею, а сам укрепился в засеке на Иртыше, под горою Чувашьею, преграждая Атаманам путь к Искеру.

Завоевание Сибири во многих отношениях сходствует с

завоеванием Мексики и Перу: также горсть людей, стреляя огнем, побеждала тысячи, вооруженные стрелами и копьями: ибо северные Моголы и Татары не умели воспользоваться изобретением пороха и в конце XVI века действовали единственно оружием времен Чингисовых. Каждый богатырь Ермаков шел на толпу неприятелей, смертоносною пулею убивал одного, а страшным звуком пищали своей разгонял двадцать и тридцать. Так в первой битве на берегу Тобола, в урочище Бабасане, Ермак, стоя в окопе, несколькими залпами остановил стремление десяти или более тысяч всадников Маметкуловых, которые неслия во весь дух потоптать его: он сам ударил на них и, довершив победу, открыл себе путь к устью Тобола, хотя и не совсем безопасный: ибо жители, заняв крутой берег сей реки, называемый *Долгим Яром*, стрелами осыпали ладьи Козаков. Второе, менее важное дело было в шестнадцати верстах от Иртыша, где властвовал Улусный Князь, Царский Думный Советник Карача, на берегах озера и теперь именуемого *Карачинским*. Ермак взял его Улус и в нем богатую добычу, запасы и множество кадей царского меду. Третья битва, на Иртыше, жаркая, упорная, стоила жизни некоторому числу Ермаковых сподвижников, доказав, что независимость отечества мила и варварам: Сибирские защитники изъявили неустрашимость и твердость; ввечеру уступили Россиянам победу, но только до нового кровопролития, имея еще и доблесть и надежду. Слепой Кучюм вышел из укреплений и стал на горе Чувашьей: Маметкул расположился в засеке, и Козаки, в тот же вечер заняв городок Атик-Мурзы, не смыкали глаз ночью, опасаясь нападения.

Уже число Ермаковой дружины уменьшилось заметно; кроме убитых, многие были ранены; многие лишились сил и бодрости от трудов непрестанных. В сию ночь Атаманы советовались с товарищами, что делать — и голос слабых раздался. «Мы удовлетворили мести, — сказали они: — время идти назад. Всякая новая битва для нас опасна: ибо скоро некому будет побеждать». Но Атаманы ответствовали: «Нет, братья: нам путь только вперед! Уже реки покрываются льдом: обратив тыл, замерзнем в глубоких снегах; а если и достигнем Руси, то с пятном клятвопреступников, обещав смирить Кучюма или великодушною смертию загладить наши вины пред Государем. Мы долго жили худою славою: умрем же с доброю! Бог дает победу, кому хочет: нередко слабым мимо сильных, да святится имя Его!» Дружина сказала: *аминь!* и с первыми лучами солнца 23 Октября устремилась к засеке, воскликнув: *с нами Бог!* Неприятель сыпал стрелы, язвил Козаков, и в трех местах сам разломав

засеку, кинулся в бой рукопашный, безвыгодный для Ермаковых малочисленных витязей; действовали сабли и копья: люди падали с обеих сторон; но Козаки, Немецкие и Литовские воины стояли единокорнее, крепкою стеною — успевали заряжать пищали и беглым огнем редили толпы неприятельские, гоня их к засеке. Ермак, Иван Кольцо мужествовали впереди, повторяя громкое восклицание: *с нами Бог!* а слепой Кучюм, стоя на горе с Иманами, с Муллами своими, кликал Магомета для спасения правоверных. К счастью Россиян, к ужасу неприятелей, раненый Маметкул должен был оставить сечу: Мурзы увезли его в ладье на другую сторону Иртыша, и войско без предводителя отчаялось в победе: Князья Остяцкие дали тыл; бежали и Татары. Слыша, что знамена Христианские уже развеваются на засеке, Кучюм искал безопасности в степях Ишимских, успев взять только часть казны своей в Сибирской столице. Сия главная, кровопролитнейшая битва, в коей пало 107 добрых Козаков, донныне поминаемых в Соборной Тобольской церкви, решила господство России от Каменного хребта до Оби и Тобола.

26 Октября Ермак, уже знаменитый для Истории, отпев молебен, торжественно вступил в Искер, или в город Сибирь, который стоял на высоком берегу Иртыша, укрепленный с одной стороны крутизною, глубоким оврагом, а с другой — тройным валом и рвом. Там победители нашли великое богатство, если верить летописцу: множество золота и серебра, Азиатских парчей, драгоценных камней, мехов и все братски разделили между собою. Город был пуст: овладев Царством, наши витязи еще не видали в нем людей; имея золото и соболей, не имели пищи: но 30 Октября явились к ним Остяки с Князем своим Боаром, с дарами и запасами; клялися в верности, требовали милосердия и покровительства. Скоро явилось и множество Татар с женами и с детьми, коих Ермак обласкал, успокоил, и всех отпустил в их прежние Юрты, обложив легкою данью. Сей бывший Атаман разбойников, оказав себя Героем неустрашимым, Вождем искусным, оказал необыкновенный разум и в земских учреждениях и в соблюдении воинской подчиненности, вселив в людей грубых, диких, доверенность к новой власти и, строгостию усмиряя своих буйных сподвижников, которые, преодолев столько опасностей в земле, завоеванной ими, *на краю света*, не смели тронуть ни волоса у мирных жителей. Пишут, что грозный, неумолимый Ермак, жалея воинов Христианских в битве, не жалел их в случае преступления и казнил за всякое ослушание, за всякое *дело студное*: ибо требовал от дружины не только повиновения, но и чистоты душевной, чтобы

угодить вместе и Царю земному и Царю Небесному; он думал, что Бог даст ему победу скорее с малым числом добродетельных воинов, нежели с большим закоснелых грешников, и Козаки его, по сказанию Тобольского Летописца, и в пути и в столице Сибирской вели жизнь целомудренную: сражались и молились! Еще опасности не миновали.

Прошло несколько времени: не имея слуха о Кучюме, Атаманы без опасения занимались ловлею в окрестностях города. Но Кучюм был недалеко: племянник его, Маметкул, несмотря на язву свою, уже бодрствовал в поле и, 5 Декабря внезапно ударив на 20 Россиян, которые ловили рыбу в озере Абалацком, умертвил всех до единого. Сведав о том, Ермак устремился за неприятелем: настиг его близ Абалака (где селение Шамшинские Юрты), разбил, рассеял; взял тела своих убитых и с честью предал земле на Саусканском мысу, близ Искера, где было древнее Ханское кладбище. Чрезвычайный холод, опасные вьюги и краткость зимних дней в сих странах полунощных не позволяли ему мыслить о новых, важных предприятиях до весны. Между тем владения Козаков распространились мирным подданством двух Князей Вогульских, Ишбердея и Суклема: первый господствовал за Эскальбинскими болотами, на берегах Конды или Тавды, а второй в окрестностях Тобола; оба вызвались добровольно платить ясак, или дань, соболями, и присягнули России в верности, которую Ишбердей приобрел особенную любовь Козаков, служа им добрым советником и путеводителем в местах незнаемых. Таким образом, дела внутреннего управления, собиравание дани, звериная и рыбная ловля, нужная для продовольствия в земле бесхлебной, занимали Ермака до Апреля месяца, когда один Мурза известил его, что дерзкий Маметкул снова приблизился к Иртышу и кочует на Вагае с малочисленною толпою: требовалось скорости и тайны более, нежели силы, чтобы истребить сего врага неутомимого: Атаманы выбрали только шестьдесят удалцов, которые ночью подкрались к Маметкулову стану, напали врасплох, умертвили многих сонных Татар, взяли самого Царевича живого и привели с торжеством в Искер, к великой радости Ермака: ибо он сим счастливым пленом избавился от смелого, мужественного неприятеля и мог им воспользоваться как важным залогом в случае войны или мира с изгнанником Кучюмом; видел Маметкула обогренившего кровию своих братьев, но не думал о мести личной: ласкал и честил его под крепкою стражею. Уже имея лазутчиков и в отдаленных местах, Ермак в то же время узнал, что Кучюм, сраженный вестию о несчастьи Маметкула, скитается в пустынях за Ишимом; что юный сын убитого им Князя Сибирского Бекбулата, Сейдек, увезенный

в Бухарию слугами отца своего, возмужав летами и духом, идет на сего Царя-хищника с шайками Узбеков, и что Вельможа Карача изменил ему в бедствии: оставил Кучюма, увел многих людей с собою и расположился кочевать в *Лымской* земле, на большом озере, выше устья Тары, впадающей в Иртыш, близ реки Осмы. Сие достоверное известие о бессилии главного, злобного врага и наступление весны благоприятствовали новым подвигам знаменитого Атамана.

Оставив в Искере часть дружины, Ермак с Козаками поплыл Иртышом к северу. Уже ближайшие Улусы признавали власть его: он шел мирно до устья Аримдзянки, где Татары, еще независимые, засели в крепости и не хотели сдаться: взяв ее приступом, Атаманы велели расстрелять или повесить главных виновников сего опасного упорства. Все иные жители, смиренные ужасом, клялися быть подданными России, целуя омоченную кровию саблю. Нынешние волости Нащинская, Карбинская, Туртасская не смели противиться. Далее начинались Юрты Остяков и Кондинских Вогуличей: там, на высоком берегу Иртыша, Князь их Демьян, имея крепость и в ней две тысячи воинов, готовых к битве, отвергнул все предложения Ермаковы. Летописец рассказывает, что в сем городке был золотой кумир, будто бы вывезенный из древней России, во время ее крещения; что Остяки держали его в чаше, пили из нее воду и тем укреплялись в мужестве; что Атаманы, стрельбою изгнав осажденных, вступили в город, но не могли найти в нем драгоценного идола. — Далее, плывя Иртышом, завоеватели увидели толпу кудесников, приносящих жертву славному кумиру Раче с молением, да спасет их от страшных пришельцев. Идол безмолвствовал, Россияне шли с своим *громом*, и кудесники бежали в темноту лесов. На сем месте ныне селение *Рачевые Юрты*, ниже *Демьянского Яма*. Далее, в Цынгальской волости, где Иртыш, стесняемый горами, имеет узкое и быстрое течение, собралось множество вооруженных людей: один выстрел рассеял их, и Козаки овладели городком Нарымским, где были только жены с детьми, в страхе, в ожидании смерти; но Ермак обошелся с ними столь ласково, что отцы и мужья не замедлили прийти к нему с данию. Покорив волость Тарханскую, Атаманы вступили в страну знатнейшего Князя Остяцкого Самара, который соединился с другими осьмью Князьками и ждал Россиян для битвы, чтобы решить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужеством и силою, Самар забыл осторожность: спал крепким сном вместе с войском и стражею, когда Атаманы в час рассвета ударили на его стан: пробужденный шумом, он схватил оружие и пал мертвый от первой пули; войско разбежалось, а жители

обязались платить ясак России. — Уже Ермак достиг славной Оби, коей течение известно было и древним Новгородцам, но устье и вершина, по выражению Московских путешественников 1567 года, таились во мраке отдаления. Завоевав еще главный Остяцкий город Назым и многие иные крепости на берегах ее, пленив их Князя и горестно оплавав кончину храброго сподвижника Атамана Никиты Пана, убитого на приступе вместе с некоторыми из лучших Козаков, Ермак не хотел идти далее: ибо видел пред собою одни хладные пустыни, где мшистая кора болот и летом едва теплеет от жарких лучей солнца и где среди мерзлых тундр, усеянных мамонтовыми костями, представляется глазам образ ужасного кладбища природы. Поставив Князя Остяцкого Алача главою над Обскими Юртами, Ермак тем же путем возвратился в Сибирскую столицу, честимый своими данниками как победитель и Владыка; везде, с изъявлениями раболепства, встречали, провожали его, как мужа грозы и доблести сверхъестественной. Козаки плыли с воинскою музыкою и выходили на берег всегда в своих праздничных кафтанах, чтобы удивлять жителей пышностью и богатством. От пределов Березовских до Тобола утвердив господство России, Ермак благополучно возвратился в Искер, тихий и спокойный.

Тогда единственно, по сказанию Летописца, сей витязь счастливый дал знать Строгановым, что Бог помог ему одолеть салтана, взять его столицу, землю и Царевича, а с народов присягу в верности; написал и к Иоанну, что его бедные, опальные Козаки, угрызаемые совестью, исполненные раскаяния, шли на смерть и присоединили знаменитую Державу к России, во имя Христа и великого государя, *навеки веков, доколе Всевышний благоволит стоять миру* ; что они ждут указа и Воевод его: сдадут им Царство Сибирское, и без всяких условий, готовые умереть или в новых подвигах чести или на плахе, как будет угодно ему и Богу. С сею грамотою поехал в Москву второй Атаман, первый сподвижник Ермака Тимофеева, первый с ним в думе и в сечах, Иван Кольцо, не боясь своего торжественного осуждения на лютую казнь преступника.

Здесь предупредим вопрос читателя: столь поздно известив Строгановых о своем успехе, не думал ли Ермак, обольщенный легким завоеванием Сибири (как угадывали некоторые Историки) властвовать там независимо? не для того ли наконец обратился к Иоанну, что увидел необходимость требовать его вспоможения, ежедневно слабея в силах, хотя и побеждая? Но мог ли умный Атаман и с самого начала не предвидеть, что горсть смельчаков, оставленных Россиею, года в два или в три исчезла бы в битвах или от болезней сурового климата, среди

пустынь и лесов, служащих вместо крепостей для диких, свирепых жителей, которые платили дань пришельцам единственно под угрозой меча или выстрела? Гораздо вероятнее, что Летописец, не быв очевидцем деяний, означает их порядок наугад; или Ермак опасался безвременно хвалиться в России успехом: хотел прежде довершить завоевание и довершил, по его мнению, загнав Кучюма в дальние степи и водрузив межевой столп Государства Московского на берегу Оби. Восхищенные вестию Атаманов, Строгановы спешили в Москву, донесли Государю о всех подробностях и молили его утвердить Сибирь за Россию: ибо они, как частные люди, не имели способов удержать столь обширное завоевание. Явились и Послы Ермаковы, Атаман Кольцо с товарищами, *бить челом Иоанну Царством Сибирским*, драгоценными соболями, черными лисицами и бобрами. Давно, как пишут, не бывало такого веселия в Москве унылой: Государь и народ *воспрянули духом*. Слова: «новое Царство послал Бог России!» с живейшею радостью повторялись во дворце и на Красной площади. Звонили в колокола, пели молебны благодарственные, как в счастливые времена Иоанновой юности, завоеваний Казанского и Астраханского. Молва увеличивала славу подвига: говорили о бесчисленных воинствах, разбитых Козаками; о множестве народов, ими покоренных; о несметном богатстве, ими найденном. Казалось, что Сибирь упала тогда с неба для Россиян: забыли ее давнишнюю известность и самое подданство, чтобы тем более славить Ермака. Опала сделалась честью: оглашенный преступник, Иван Кольцо, смиренно наклоняя повинную свою голову пред Царем и боярами, слышал милость, хвалу, имя доброго витязя, и с слезами лобызал руку Иоаннову. Государь жаловал его и других Сибирских Послов деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядил Воеводу Князя Семена Дмитриевича Боиховского, чиновника Ивана Глухова и 500 стрельцов к Ермаку; дозволил Ивану Кольцу на возвратном пути искать охотников для переселения в новый край Тобольский и велел Епископу Вологодскому отправить туда десять Священников с их семействами для Христианского Богослужения. Весною Князь Волховский должен был взять ладии у Строгановых и плыть рекою Чусовою по следам Сибирского Героя. Сии усердные, знаменитые граждане, истинные виновники столь важного приобретения для России, уступив оное государству, не остались без возмездия: Иоанн за их *службу и радение* пожаловал Семену Строганову два местечка, Большую и Малую Соль, на Волге, а Максиму и Никите право торговать во всех своих городках беспошлинно.

Между тем завоеватели Сибирские не праздну ждали добрых вестей из России: ходили рекою Тавдою в землю Вогуличей. — Близ устья сей реки господствовали Князья Татарские, Лабутан и Печенег, разбитые Ермаком в деле кровопролитном, на берегу озера, где, как уверяет повествователь, и в его время еще лежало множество костей человеческих. Но робкие Вогуличи Кошущкой и Табаринской волости мирно дали ясак Атаманам. Сии тихие дикари жили в совершенной независимости; не имели ни Князей, ни Властителей; уважали только людей богатых и разумных, требуя от них суда в тяжбах или ссорах; не менее уважали и мнимых волхвов, из коих один, с благоговением взирая на Ермака, будто бы предсказал ему долговременную славу, но умолчал о близкой его смерти. Здесь баснословие изобрело еще гигантов между карлами Вогульскими (ибо жители сей печальной земли не бывают ни в два аршина ростом): пишут, что Россияне близ городка Табаринского с изумлением увидели великана в две сажени вышиною, который хватал рукою и давил вдруг человек по десяти или более; что они не могли взять его живого и застрелили! Вообще известие о сем походе не весьма достоверно, находясь только в прибавлении к Сибирской летописи. Там сказано далее, что Ермак, достигнув болот и лесов Пельмских, рассеяв толпы Вогуличей и взяв пленников, старался узнать от них о пути с берегов Верхней Тавды через Каменный Пояс в Пермь, дабы открыть новое сообщение с Россиею, менее опасное или трудное, но не мог проложить сей дороги в пустынях грязных и топких летом, а зимою засыпаемых глубокими снегами. Умножив число данников, расширив свои владения в древней земле Югорской до реки Сосны и включив в их пределы страну *Кондинскую*, дотоле мало известную, хотя уже и давно именуемую в титуле Московских Самодержцев, Ермак возвратился [в 1583 г.] в Сибирскую столицу принять за славные труды отличную награду.

Иван Кольцо прибыл в Искер с государевым жалованьем, Князь Болховский с людьми воинскими. Первый вручил Атаманам и рядовым богатые дары, а Вождю их две брони, серебряный кубок и шубу с плеча Царского. Иоанн в ласковой грамоте объявил Козакам вечное забвение старых вин и вечную благодарность России за важную услугу; назвал Ермака (так пишут) *Князем Сибирским*; велел ему распоряжаться и начальствовать, как было дотоле, чтобы утвердить порядок в земле и верховную Государеву власть над нею. Козаки же честили Иоаннова Воеводу и всех стрельцов, дарили соболями, угощали со всею возможною роскошью, готовясь с ними к дальнейшим предприятиям. Сие счастье Ермакове и сподвижников его не продолжилось:

начинаются их бедствия.

Во-первых, открылась жестокая цинга, болезнь обыкновенная для новых пришельцев в климатах сырых, холодных, в местах еще диких, мало населенных: занемогли стрельцы, от них и Козаки; многие лишились сил, многие и жизни. Во-вторых, оказался зимою недостаток в съестных припасах: страшные морозы, вьюги, метели, препятствуя Козакам ловить зверей и рыбу, мешали и доставлению хлеба из соседственных Юртов, где некоторые жители занимались скудным земледелием. Сделался голод: болезнь еще усилилась: люди гибли ежедневно, а в числе многих других умер и сам Воевода Иоаннов Князь Болховский, с честью и слезами схороненный в Искере. Общее уныние коснулось и Ермакова сердца: давно не боясь смерти, он боялся утратить завоевание, обмануть надежду Царя и России. — Сие бедствие миновало весною [1584 г.]: теплота воздуха способствовала излечению больных, и подвозы доставили Россиянам изобилие. Тогда Ермак, исполняя указ Иоаннов, отправил в Москву Царевича Маметкула, написав к Государю, что все опять благополучно в его Сибири, но моля о сильнейшем, немедленном вспоможении, дабы удержать взятое и взять еще более. — Сей пленный Царевич, верный блюститель Магометова закона, служил после в наших ратях.

Лишась, может быть, половины воинов от заразы и голода, Ермак претерпел еще значительную убыль в силах от легковерия и неосторожности. Мурза, или Князь, Карача, оставив Царя своего в несгоде, имел на Таре Улус многолюдный, лазутчиков в Искере, друзей и единомышленников во всех окрестных Юртах; хотел быть избавителем отечества; ждал времени и между тем коварно ласкал Россиян: прислал к ним дары, требовал их защиты, будто бы угрожаемый Ногаями; клялся в верности и так обольстил Ермака, что он послал к нему сорок добрых воинов с Атаманом Иваном Кольцом. Сия горсть людей отважных могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но, влекомые судьбою на гибель, Козаки шли к мнимым друзьям без всякого опасения и мирно стали под нож убийц: первый Герой Ермаков и воины его, львы в сечах, пали как агнцы в Тарском Улусе!.. Следствием были мятеж и бунт всех наших данников; Татары, Остяки Сибирские восстали на Россиян, убили в разезде Атамана Якова Михайлова, соединились в поле с Карачею и стали необозримыми обозами вокруг Искера, где Ермак увидел себя в тесной осаде: завоевания его, Царство и подданные вдруг исчезли; несколько сажень деревянной стены с земляными укреплениями составляли единственное владение Козаков! Ермак мог делать вылазки, но жалел своих людей малочисленных;

стрелял, но бесполезно, имея только легкие пушки: ибо неприятель стоял далеко и не хотел приступить к стенам в надежде взять крепость голодом, действительно неминуемым для ее защитников, если бы осада продолжилась. В сей крайности, решились Козаки на дело отчаянное: 12 Июня, ночью, с Атаманом Матвеем Мещеряком, оставив Ермака блюсти крепость, прокрались сквозь обозы неприятельские к месту, называемому Саусканом, где был стан Карачи, в нескольких верстах от города, и кинулись на сонных Татар: умертвили их множество и двух сыновей Карачиных, гнали бегущих во все стороны, плавали в крови неверных. Сам Князь, или Мурза, ушел за озеро только с малым числом людей. Хотя утренний свет ободрил неприятелей; хотя они, приспев из других станов, удержали беглецов, сомкнулись и вступили в бой: но Козаки, засев в обозе Княжеском, сильною ружейною стрельбою отразили все нападения и в полдень с торжеством возвратились в город, ими освобожденный: ибо Карача, в ужасе немедленно сняв осаду, бежал за Ишим; а селения и Юрты окрестные все снова поддались Россиянам. Еще Судьба благоприятствовала Героям!

В страх неприятелю и для своей будущей безопасности Ермак, хотя уже и слабый числом людей, предпринял идти вслед за Карачею вверх Иртышом, чтобы распространить на Восток владения России. Он победил Князя Бегиша и взял городок его (коего остатки еще видны на берегу излучистого озера, далее устья Вагайского); завоевал все места до Ишима, местию ужасая непокорных, милуя безоружных. В Саргацкой волости жил тогда какой-то знаменитый старейшина, наследственный главный судья всех Улусов Татарских от времен первого Хана Сибирского, и Князь Еличай в городке Тебенде: оба изъявили смирение; а Князь вместе с данию представил Ермаку и юную дочь, невесту сына Кучюмова; но целомудренный Атаман велел ей удалиться с ее прелестями опасными и с невинностию, как говорит Летописец. Близ устья Ишимского в кровопролитной схватке с жителями, бедными и свирепыми, Ермак лишился пяти мужественных Козаков, донныне воспеваемых в унылых Сибирских песнях; взял еще городок Ташаткан, но не хотел упорно приступить к важнейшей крепости, основанной Царем Кучюмом на берегу озера Аусаклу; достигнул реки Шиша, где начинаются голые степи, и распорядив дань в сем новом завоевании, возвратился в Искер с трофеями, уже последними!

Около двух лет господствуя в Сибири, Козаки успели завести торговлю с самыми отдаленными Азиатскими странами, издревле славными богатством и купечеством. Уже караваны Бухарские ходили к

ним мимо Арала, сквозь степи Киргиз-Кайсаков, путем без сомнения давно проложенным (может быть еще во времена Чингисовы или его наследников), оживляя пустынную Сибирскую столицу зрелищем деятельной ярмонки и доставляя там Россиянам в обмен на мягкую рухлядь плоды Восточного ремесла, нужные или приятные для воинов, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцев Бухарских и сведав, что изгнанник Кучюм не дает им дороги в степи Вагайской, где он снова дерзнул явиться, пылкий Ермак с пятьюдесятью Козаками спешил их встретить: искал целый день, не видал ни каравана, ни следов неприятеля и на возвратном пути расположился ночевать в шатрах, оставив лодки свои у берега близ Вагайского устья, где Иртыш, делясь надвое, течет весьма кривою излучиною к востоку и прямым искусственным каналом, называемым *Ермаковою перекопью*, но вырытым, как надобно думать, в древнейшие времена, ибо гладкие берега его не представляют уже ни малейших следов копания. Там же, к югу от реки, среди низкого луга, возвышается холм, насыпанный, по общему преданию, руками девичьими для жилища Царского. Между сими памятниками какого-то забытого века надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, с коего начинается ее несомнительная история — погибнуть от своей оплошности, изъясняемой единственно неодолимым действием Рока. Ермак знал о близости врага, и, как бы утомленный жизнью, погрузился в глубокий сон с своими удалыми витязями, без наблюдения, без стражи. Лил сильный дождь; река и ветер шумели, тем более усыпляя Козаков; а неприятель бодрствовал на другой стороне реки: его лазутчики сыскали брод, тихо приблизились к стану Ермакову, видели сонных, взяли у них три пищали с лядунками и представили своему Царю в удостоверение, что можно наконец истребить непобедимых. *Заиграло Кучюмово сердце*, как сказано в летописи: он напал на Россиян полумертвых (в ночи 5 Августа) и всех перерезал, кроме двух: один бежал в Искер; другой, сам Ермак, пробужденный звуком мечей и стоном издыхающих, воспрянул... увидел гибель, махом сабли еще отразил убийц, кинулся в бурный глубокий Иртыш и, не доплыв до своих лодок, утонул, отягченный железною бронею, данною ему Иоанном... Конец горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы!.. Нет, волны Иртыша не поглотили ее: Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память! Сей Герой — ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника пред Ермаковым — сей Герой погиб безвременно, но совершив главное дело: ибо Кучюм,

зарезав 49 сонных Козаков, уже не мог отнять Сибирского Царства у Великой Державы, которая единожды навсегда признала оное своим достоянием. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоевания, величая доблесть его не только в летописаниях, но и в Святых храмах, где мы еще и ныне торжественно молимся за него и за дружину храбрых, которые вместе с ним пали на берегах Иртыша. Там имя сего витязя живет и в названии мест и в преданиях изустных; там самые бедные жилища украшаются изображением *Атамана-Князя*. Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зеркало души пылкой, сильной, ума пронизательного. — Тело Ермаково (13 августа) приплыло к селению Епанчинским Юртам, в 12 верстах от Абалака, где Татарин Яниш, внук Князька Бегиша, ловя рыбу, увидел в реке ноги человеческие, петлею вытащил мертвого, узнал его по железным латам с медною оправою, с золотым орлом на груди и созвал всех жителей деревни видеть исполина бездушного. Пишут, что один Мурза, именем Кандаул, хотел снять броню с мертвого и что из тела, уже оцепенелого, вдруг хлынула свежая кровь; что злобные Татары, положив оное на рундук, пускали в него стрелы; что сие продолжалось шесть недель; что Царь Кучюм и самые отдаленные Князья Остяцкие съехались туда наслаждаться местию; что к удивлению их, плотоядные птицы, стаями летая над трупом, не смели его коснуться; что страшные видения и сны заставили неверных схоронить мертвеца на Бегишевском кладбище под кудрявою сосною; что они в честь ему изжарив и съев 30 быков в день погребения, отдали верхнюю кольчугу Ермакову жрецам славного Белогорского идола, нижнюю Мурзе Кандаулу, кафтан Князю Сейдеку, а саблю с поясом Мурзе Караче; что многие чудеса совершались над Ермаковою могилою, сиял яркий свет и пылал столп огненный; что Духовенство Магометанское, испуганное их действием, нашло способ скрыть сию могилу, ныне никому неизвестную; что Сотник Ульян Ремезов в 1650 году узнал все обстоятельства Ермаковых дел и смерти от Тайши Калмыцкого Аблая, ревностно желавшего иметь и наконец доставшего броню Ермакову от потомков Кандауловых.

Весть о гибели Вождя привела в неописанный ужас Россиян в Сибири: их было около ста пятидесяти Козаков и воинов Московских, вместе с остатками иноземной Строгановской дружины, под главным начальством Атамана Матвея Мещеряка. С Ермаком все для них кончилось: и смелость великодушная и надежда. Опасаясь Кучюма,

Сейдека, Карачи, жителей, голода, они решились идти назад в Россию, и вышли (15 Августа) из Сибирской столицы с горькими слезами, покидая в ней гробы братьев и знамена Христианства, теряя все плоды своих трудов кровавых, видя между собою и Святою Русью еще пустыни необозримые, опасности, битвы и, может быть, смерть безвестную. Сии уже не гордые завоеватели, а бедные изгнанники поплыли вверх Тобола, к великой радости Кучюма и всех жителей: ибо и дикие не любят господ чужеземных. Убив Ермака, Кучюм не дерзнул приступить к Искеру; сведав о бегстве Козаков, все еще для него страшных, непобедимых, не мыслил тревожить их плавания и вслед за сыном своим, Алеем, вошел в пустой город Сибирский, снова Царствовать и снова лишиться Царства... Там не осталось Россиян: остались их прах и могилы: они звали мстителей; тени Ермака и его усопших сподвижников манили Россиян довершить легкое завоевание края неизмеримого, от Каменного Пояса до Северной Америки и Восточного океана, где, в течение веков, надлежало сойтись пределам нашего отечества с пределами Испанских владений; где ожидали нас не только богатые рудники, драгоценные плоды звероловства, выгодная мена Китайская, но и слава мирного гражданского образования диких народов и счастливый способ искоренять преступления людей без душегубства, оставлять жизнь и злодеям, безвредно и еще не бескорыстно для Государства, населять ими пустыни. — Их руками, от уз свободными, извлекать сокровища из недр земли и нередко исправлять сих злосчастных, к утешению человечества.

Скоро увидим возвращение Россиян, их дальнейшие победы и завоевания в новом мире Сибирском, уже в Царствование Иоаннова преемника.

Глава VII

Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1582—1584 г.

Война и перемирие с Швецией. Дела Литовские. Бунт Черемисский. Сношения с разными державами и в особенности с Англиею. Намерение Иоанново жениться на Англичанке. Описание невесты. Посольство в Лондон. Посол Елисаветин. Болезнь и кончина Иоаннова. Любовь Россиян к Самодержавию. Сравнение Иоанна с другими мучителями. Польза Истории. Смесь добра и зла в Иоанне. Иоанн образователь государственный и законодавец. Приказы. Дьяки, Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшие. Князя Служилые. Стольники. Ратные учреждения. Законы. Цена

рубля. Церковные учреждения. Достопамятный обряд церковный. Строение городов. Состояние Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Иоаннова.

Великими пожертвованиями обезоружив Батория, а Хана, менее страшного, но всегда опасного, удовольствовав ничтожными дарами, Иоанн мог свободно наступить на Шведов, оставленных союзником; желал, надеялся смирить хотя сего дерзкого неприятеля и тем возвысить честь своего оружия в глазах Европы. Успех казался несомнительным, легким. Баторий не только предал Шведского Короля мести Иоанновой, но еще и сам угрожал ему войною за Эстонию: требуя сей области, он велел сказать Королю: «Ты воспользовался моими успехами и присвоил себе Нарву с другими городами Немецкими, собственность Польши»; а Король отвечал: «Что приобретено кровию наших, то наше. Я был в поле, еще не видя знамен твоих. Вспомни, что вся Европа трепетала некогда имени Готфов, коих мы наследовали и силу и мужество: не боимся меча ни Русского, ни Седмиградского». Сия гордость, если и великодушная, могла иметь гибельные следствия для Швеции слабой, еще волнуемой изуверством ее Венценосца, ревностию его к Латинству и ссорою с братом, Герцогом Карлом. С одной стороны пылкий Баторий, сказав: «возьму, чего требую», готовился идти на Шведов; с другой — Иоанновы Воеводы Князь Михайло Катырев-Ростовский, Тюменский, Хворостинин, Меркурий Щербатой, выступив из Новагорода, шли к Нарве, Яме и за Неву в Финляндию: встретили неприятеля в Вотской пятине, в селе Лялицах и разбили его наголову. Иоанн прислал им золотые медали, отличив истинного виновника сей победы Князя Дмитрия Хворостинина, одного из Псковских Героев, который смял Шведов ударом своей передовой дружины. Второе дело, не менее важное и для нас счастливое, было на берегах Невы. Следуя совету изменника Афанасия Бельского, Генерал де-ла-Гарди неожиданно устремился к Нотебургу, или Орешку, чтобы взять его смелым приступом. Там начальствовали Воеводы Князь Василий Ростовский, Судаков, Хвостов: они бились неустрашимо; резали, топили Шведов в Неве; а Князь Андрей Шуйский спешил с конными дружинами из Новагорода для спасения сей важной крепости. Надменный де-ла-Гарди бежал.

Но Судьба помогла Швеции. Герой Баторий, сильный в битвах, увидел слабость свою на Сейме, где неблагодарные, своевольные паны,

отвергнув все его предложения, внушенные ему истинною любовью к их отечеству, сказали решительно: «не хотим войны ни с Крымом, ни с Шведами; не даем ни людей, ни денег!» *Ты Король, если верно исполняешь уставы Королевства*, примолвил один из них, Яков Немековский: *иначе ты Баторий, а я Немековский*. Иоанн же, к радостному изумлению Шведов, вдруг остановив все движения наших войск, предложил де-ла-Гардию мир: Князь Лобанов и Дворянин Татищев съехались с ним в Шелонской пятине на реке Плюсе и 26 Мая (1583) заключили перемирие сперва на два месяца, а после на три года, оставив Яму, Ивановгород, Копорье в руках Шведов!.. Сия неожиданная уступчивость изъясняется следующими обстоятельствами:

Во-первых, мир с Литвою казался не весьма надежным. Послы Баториевы, находясь в Москве для утверждения договора, объявили новые требования: хотели, чтобы Иоанн нигде не писался в титуле *Ливонским* и признал всю Эстонию законным Стефановым владением. Бояре только отчасти удовлетворили сему требованию, дав им грамоту с обязательством не воевать Эстонии в течение десяти лет. Иоанн присягнул, Баторий также, исполнять честно все условия; но Литовские Воеводы силою занимали места в уездах Торопецком, Луцком, Велижском; не хотели определить ясных границ между обеими державами; обижали, бесчестили наших сановников; затрудняли обещанный размен пленников: взяли за Федора Шереметева 20 тысяч золотых, или около 7000 рублей, и 280 соболей, за Князя Татеева 4114, за Князя Хворостинина 3228, за Черемисинова 4457 рублей, но других держали в неволе. Стефан в ласковых сношениях с Царем *то* находил жалобы его справедливыми, обязываясь немедленно унять дерзость Литовских чиновников, *то* винил Россиян, оправдывая своих, и принудил Иоанна послать на границу (в Сентябре 1583 года) 2000 Детей Боярских и стрельцов, чтобы защитить ее жителей от дальнейших утеснений Витебского Воеводы Паца, который основал новую крепость на земле Российской. Одним словом, несмотря на всю малодушную терпеливость Иоаннову, неприятельские действия с сей стороны легко могли возобновиться.

Во-вторых, общий бунт внезапно вспыхнул в земле луговых Черемисов, столь опасный и жестокий, что Казанские Воеводы никак не могли усмирить его. Встревоженный Государь (в Октябре 1582 года) послал к ним войско с Князем Елецким; сведав же, что бунт не утихает, велел идти туда из Муромы знатнейшим Полководцам Князьям Ивану Михайловичу Воротынскому и мужественному Дмитрию

Хворостинину. Новые вести еще более устроили Москву: узнали, что Хан Магмет-Гирей, вопреки мирной грамоте, сносятся с Черемисскими мятежниками и готов устремиться на Россию; что Ногаи, дотоле верные, им и Сибирским Царем возбуждаемые, грабят в Камских пределах. Надлежало вдруг действовать всеми силами: отрядили войско к Каме; другое под начальством Князей Федора Мстиславского, Курлятева, Шуйских, заняло берега Оки; третье плыло на судах Волгою к Свяжску. Хан не дерзнул вступить в Россию; но бунт Черемисский продолжался до конца Иоанновой жизни с остервенением удивительным: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, сии дикари свирепые, озлобленные, вероятно, жестокостию Царских чиновников, резались с Московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и в вертепах, летом и зимою; хотели независимости или смерти. Для стеснения мятежников Воевода Князь Туренин основал тогда крепость Козмодемьянск.

Таким образом, купив дорогою ценою перемирие с Литвою, чтобы потоптать Швецию, но, вместо успехов важных, имел стыд безмолвно уступить ей и города Эстонские и самую древнюю собственность России — снова опасаясь и Батория и Хана — наконец видя кровопролитный мятеж в восточных пределах своей Державы, Иоанн, как уверяют, изъявлял наружное спокойствие; по крайней мере не терял бодрости в делах государственных, внутренних и внешних; жил в Москве, уже оставив злосчастную Александровскую Слободу, где, для его воображения, обитала кровавая тень убитого им сына; присутствовал в Думе Боярской; угощал Послов Шаха Персидского, Султанова, Бухарских, Хивинских, находясь в тесном дружестве с преемником Тамасовым, Годабендом, как с неприятелем опасной для нас Оттоманской Империи, — Султану изъявляя учтивость, но ни слова не говоря ему ни о войне, ни о мире: дозволяя только его купцам ездить в Москву и на Азиатские парчи выменивать соболей — с Царями Держав Каспийских также имея единственно дела торговые. Но всего любопытнее были тогда сношения Двора Московского с Лондонским.

Торговля Англичан с 1572 года снова цвела в России: они снова хвалились милостию Царскою, везде находили управу, защиту, вспоможение, к досаде купцов Нидерландских и Немецких, которые своими происками и наветами хотели вредить им в мыслях Иоанновых, не жалея денег в Москве, подкупая Дьяков и Царедворцев. Елисавета также не внимала представлениям Держав Северных о вреде сей торговли для Европы, угрожаемой властолюбием Россиян и, сведав, что Король Датский требует пошлин с Английских мореходцев на пути их к

берегам нашей Лапландии, писала о том (в 1581 году) к Иоанну. «Знаю, ответственал Царь, что вероломный Фридерик Датский, желая лишить Россию сообщения с Европейскими Государствами, вступается ныне в Колу и Печенгу, древнюю собственность моего отечества: уничтожим его замыслы; очисти море и путь к Двине военными кораблями; а я велел ратным своим дружинам занять пристани Северного океана для охранения твоих гостей от насилия Датчан». Но Фридерик, объявив требования несправедливые, замолчал, не думая воевать с Россией в диких пустынях Лапландских, и боясь оскорбить Англию, уже сильную флотами.

Одобрямый умом государственным, искренний союз сих двух Держав основывался и на личном дружестве Иоанновом к Королеве, питаемом рассказами Английских купцов в Москве о великих свойствах и делах Елисаветы, об ее красоте и любезности, о добром расположении и любви к Царю; писали даже, что он мыслил жениться на сей пятидесятилетней красавице: сказание, коего истина не подтверждается историческими современными свидетельствами; но Иоанн, в шестой или в седьмой раз женатый, в самый первый год сего несчастного брака, уже зная беременность Марии, действительно искал себе знатной невесты в Англии, чтобы еще более укрепить дружественную связь с Елисаветою!.. Предложим обстоятельства дела, столь любопытного, с некоторою подробностью.

Прислав в Москву лейб-медика, Роберта Якоби, Королева (летом в 1581 году) писала к Царю: «Мужа искуснейшего в целении болезней уступаю тебе, моему *брату кровному*, не для того, чтобы он был не нужен мне, но для того, что тебе нужен. Можешь смело вверить ему свое здравие. Посылаю с ним, в удобность твою, аптекарей и цирюльников, волею и неволею, хотя мы сами имеем недостаток в таких людях». Беседуя с Робертом, Иоанн спросил у него, есть ли в Англии невесты, вдовы или девицы, достойные руки Венценосца? «Знаю одну, — сказал медик. — Марию Гастингс, тридцатилетнюю дочь *Владельного* Князя Графа Гонтингдонского, племянницу Королевины по матери». Вероятно, что Роберт, угадав намерение Иоанново, благоприятное для выгод Англии, пленил его воображение описанием необыкновенных достоинств невесты: по крайней мере Царь немедленно отправил Дворянина Писемского в Лондон с следующим наставлением: «1) Условиться о тесном государственном союзе между Англиею и Россией. 2) Быть наедине у Королевы и за тайну открыть ей мысль Государеву в рассуждении женитьбы, если Мария Гастингс имеет качества, нужные для Царской невесты: для чего

требовать свидания с нею и живописного образа ее (на доске или бумаге). 3) Заметить, высока ли она, дородна ли, бела ли, и каких лет? 4) Узнать сродство ее с Королевою и сан отца; имеет ли братьев, сестер? Разведать о ней все, что можно. Бude Королева скажет, что у Государя есть супруга, то ответить: *правда; но она не Царевна, не Княжна Владетельная, не угодна ему и будет оставлена для племянницы Королевиной*. 5) Объявить, что Мария должна принять Веру Греческую, равно как и *люди* ее, которые захотят жить *при дворе* Московском; что наследником Государства будет Царевич Феодор, а сыновьям Княжны Английской дадутся особенные частные владения, или Уделы, как издревле водилось в России; что сии условия *непременны*, и что в случае Королевина несогласия тебе велено требовать отпуска». — 11 Августа (1582 года) отплыв из Колмогор, Писемский вышел на берег Англии 16 Сентября, в то время, когда заразительная болезнь, свирепствуя в Лондоне, принудила Елисавету удалиться в Виндзор и жить уединенно. Посла возили из деревни в деревню, угощали, знакомили с Англиею, но не могли унять его жалоб на скуку праздности в течение шести или семи недель. Наконец, 4 Ноября, он с Дьяком своим, Неудачею, и толмачом Бекманом был представлен Королеве в Виндзорском замке, среди многочисленного собрания Вельмож, Перов, сановников Двора и купцов Лондонского Российского Общества. Елисавета встала, слыша имя Иоанново; ступила несколько шагов вперед; взяв дары и письмо Государево, сказала с улыбкою, что не знает русского языка; спрашивала о здравии своего друга; изъявила сожаление о смерти Царевича; была весела, приветлива, и на слова Писемского, что Иоанн любит Королеву более всех иных Европейских Венценосцев, ответствовала: «люблю его не менее и душевно желаю видеть когда-нибудь собственными глазами». Она хотела знать, нравится ли Послу Англия и спокойно ли в России? Писемский хвалил Англию изобильную, многолюдную; уверял, что все мятежи утихли в России; что преступники изъявили раскаяние, а Государь милость. — Довольный приемом, честью, ласкою, Писемский не был доволен медленностию Елисаветы в делах; не хотел ни гулять, ни забавляться звериною ловлею, как ему предлагали, и говорил: «мы здесь за делом, а не за *игрушками*, мы Послы, а не стрелки». 18 декабря в *селе* Гриниче он имел первое, важное объяснение с Министрами Английскими: сказал, что Баторий, союзник Папы и Цесаря, есть враг России; что Иоанн, издавна *жалуя Англичан как своих людей*, намерен торжественным договором утвердить дружбу с Елисаветою, дабы иметь с нею одних приятелей и неприятелей, вместе

воевать и мириться; что Королева может ему содействовать, если не оружием, то деньгами; что он, не имея ничего заветного для Англии из произведений Российских, требует от нее снаряда огнестрельного, доспехов, серы, нефти, меди, олова, свинца и всего нужного для войны. «Но разве война Литовская не кончилась? — спросили Елисаветины Министры: — Папа хвалится примирением Царя с Баторием». *Папа может хвалиться, чем ему угодно*, отвечивал Иоаннов сановник: *Государь наш знает, кто ему друг и недруг*. Министры изъявили согласие Королевы на все предложения Царя и написали главные статьи договора, именуя Иоанна братом и *племянником* Елисаветиным, употребив выражение: «Царь *просит* Королеву», и прибавив, что никаким иноземцам, кроме Англичан, не торговать в земле Двинской, в Соловках, на реке Оби, Печоре, Мезени. Писемский сказал с неудовольствием: «Царь брат, а не *племянник* Елисаветин; Царь объявляет волю свою, требует, спрашивает, а не *просит*, и никому не дает исключительного права торговли в России: пристани наши открыты для всех мореплавателей иноземных». Министры вычернили имя *племянник*, объяснив, что оно есть ласковое, не унижительное; вычернили и слово *просит*, доказывали, что Англичане с великими опасностями, трудами, издержками отыскав путь к берегам северной России, могут по справедливости требовать исключительных для себя выгод в Двинской торговле. Они жаловались также на пошлину новую, тягостную для их купцев. Писемский возразил, что сии купцы, долго свободные от всякой пошлины, обогатились у нас *неслыханно*, и что Государь уставил брать с них только легкую, *половинную*, что имея жестокою войну с Литвою, с Ханом и с иными врагами, он в 1581 году велел гостям Английским внести в Московскую казну 1000 рублей, а в 1582 году 500 рублей, как и всем другим гостям, чужеземным и нашим, обложенным соразмерно их богатству для воинских издержек. Сим заключились государственные переговоры: началось сватовство.

18 Генваря [1583 г.] Елисавета призвала нетерпеливого Писемского к себе, осталась с ним наедине и спросила о тайном деле Государевом, уже ей известном по донесению медика Роберта; слушала с великим вниманием; изъявила благодарность за желание Иоанна быть с нею в свойстве, но не думала, чтобы Мария Гастингс, отличаясь единственно нравственными достоинствами, могла полюбиться ему, *известному любителю красоты*. «К тому же (примолвила Елисавета) она недавно была в оспе: ни за что в свете не соглашусь, чтобы ты видел и живописец изобразил ее для Иоанна с лицом красным, с глубокими рябинами». Посол настоял; Королева обещала, требуя времени,

нужного для совершенного выздоровления невесты. Далее говорили об условиях брака. Дочь Генрика VIII, мужа шести жен, не дивилась, что Царь, имея супругу, ищет другой; но хотела заблаговременно, торжественным договором, утвердить права будущей Царицы и детей ее. С сим отпустили свата, который несколько месяцев ждал чести видеть невесту.

Между тем супруга Иоаннова (19 Октября) родила в Москве сына Уара-Димитрия, столь несчастного для себя и России, невинного виновника долговременных злодейств и бедствий! Но счастье быть снова отцом не тронуло Иоаннова сердца: он все еще мыслил удалить мать Димитриеву от своего ложа и жениться на Елисаветиной племяннице, ибо не дал Писемскому никаких новых повелений, так что сей усердный чиновник, слыша в Лондоне о рождении Царевича, не хотел тому верить. «Злые люди, — говорил он Министрам Английским, — выдумали сию новость, чтобы препятствовать Государеву сватовству, благословенному для вашего и моего отечества. Королева должна верить единственно грамоте Царя и мне, Послу его». Наконец 18 Маия велели Писемскому быть в саду у Канцлера Томаса Бромлея, где хозяин и брат невестин граф Гонтингдонский встретили его и ввели в красивую беседку. Через несколько минут явилась и Мария с женою Канцлера с Графинею Гонтингдонскою, со многими знатными Англичанками. «Вот она, — сказал Бромлей Послу: — гляди, рассматривай на досуге. Королеве угодно, чтобы ты видел ее не в темном месте, не в комнатах, а на чистом воздухе». Невеста поклонилась и стала неподвижно пред своим, для женского самолюбия опасным ценителем, который, усердствуя оправдать важную к нему доверенность Иоаннову, устремил любопытный, пронизательный взор на скромную Англичанку, чтобы все видеть, ничего не забыть, впечатлеть образ ее в память и передать Государю без ошибки. Сказав: *довольно*, он гулял с невестою в аллеях сада, расхаживал, встречался с нею, еще смотрел — и написал в донесении к Царю: «Мария Гастингс ростом высока, стройна, тонка, лицом бела; глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, пальцы на руках долгие». О красоте, о приятности ни слова; но Елисавета, как бы неохотно выставив племянницу на показ, уже любопытствовала знать мнение Писемского; говорила, что Мария ему конечно не нравится; что изображение лица ее, с ним посылаемое и нимало не украшенное художником, без сомнения так же не пленит разборчивого Иоанна. Сват уверял Елисавету в противном — и, казалось, угодил ей своими хвалами. Следственно она желала сего брака; желала и невеста, как пишут, но скоро переменила мысли,

устрашенная рассказами о свирепости жениха Венценосного, и без труда убедила Королеву избавить ее от сей чести.

Угостив посла великолепным обедом в Гриниче, Елисавета дала ему два письма к Иоанну: в одном благодарила его за предложение союза, в другом *за намерение посетить Англию* (как она слышала), не в случае какой-либо опасности, мятежа, бедствия, но только для свидания и личного знакомства с нежною сестрою, готовою доказать ему, что ее земля есть для него вторая Россия. С Писемским отправился в Москву Посол Английский Иероним Баус для решительного окончания всех дел, государственных и тайных, как объявила Елисавета.

Иоанн был доволен: принял Бауса (24 Октября 1583) весьма милостиво; с живейшим участием расспрашивал о Елисавете и велел Боярину Никите Романовичу Юрьеву, Богдану Яковлевичу Бельскому, Дьяку Андрею Щелкалову условиться с ним о государственном союзе Англии с Россиею, чтобы, заключив его, немедленно приступить к тайному делу о сватовстве. То и другое казалось Царю уже легким, несомнительным, по донесениям Писемского; но Царь ошибся: ошиблась, может быть, и Елисавета, избрав Бауса для утверждения приязни с Иоанном: человека неуклонного, грубого, который в первом слове объявил решительно, что не может переменить ни буквы в статьях, врученных Английскими Министрами нашему Послу в Лондоне; что Елисавета готова мирить Царя, с кем ему угодно, а не воевать с нашими врагами, ибо щадит кровь людей, вверенных ей Богом; что Англия в приязни с Литвою, Швециею и Даниею. «Если главные враги мои, — сказал Иоанн, — друзья Королеве, то могу ли быть ей союзником? Елисавета должна или склонить Батория к истинному миру с Россиею (заставив его возвратить мне Ливонию и Полоцкую область), или вместе со мною наступить на Литву». Баус отвечал с жаром: «Королева признала бы меня безумным, если бы я заключил такой договор». Он требовал неотменно, чтобы одни Англичане входили в наши Северные гавани, как было *прежде*, но Бояре изъясняли ему что *прежде* мы имели, для общей Европейской мены, гавань Балтийскую, Нарву, отнятую у нас Шведами; что купцы Немецкие, Нидерландские, Французские торгуют с Россиею уже единственно в северных пристанях, откуда их нельзя выгнать в удобность Елисавете; что святейший закон для Государств есть народная польза; что мы находим ее в свободной торговле со всеми Европейцами и не можем дать на себя кабалы Англичанам, гостям, а не повелителям в России; что они не стыдятся обманов в делах

купеческих и привозят к нам гнилые сукна; что некоторые из них сносились тайно с неприятелями Царя, с Королями Шведским и Датским, усердствовали, помогали им, писали из Москвы в Англию худое о нашем государстве, именуя Россиян невеждами, глупцами; что Иоанн единственно для Королевы предал забвению такие вины; что она без сомнения не вздумает указывать Венценосцу, коему не указывают ни Императоры ни Султаны, ни Короли знаменитейшие. Тут Посол с досадою возразил, что нет Венценосцев знаменитее Елисаветы; что она не менее Императора, коего отец ее нанимал воевать с Франциею; не менее и Царя. За сие слово, как пишет Баус, Иоанн с гневом выслал его из дворца, но скоро одумался и, хваля усердие Посла к Королевиной чести, примолвил: «Дай Бог, чтоб у меня самого был такой верный слуга!» В знак особенного снисхождения Государь соглашался, чтобы одни Англичане входили в пристань Корельскую, Варгузскую; Мезенскую, Печенгскую и Шумскую, оставляя Пудожерскую и Кольскую для иных гостей. Баус твердил: «мы не хотим совместников!» Думая, что Вельможи Царские, в особенности Государственный Дьяк Андрей Щелкалов, подкуплены Нидерландскими купцами, он требовал личных сношений с Царем: Иоанн призывал — и всегда с неудовольствием отсылал его, как упрямого, непреклонного.

Надеясь по крайней мере кончить с ним дело о сватовстве, Государь велел ему быть у себя (Декабря 13) *тайно, без меча и кинжала*. Все Царедворцы вышли из комнаты: остались только Бояре, Князь Федор Трубецкий, Никита Романович Юрьев, Дмитрий Иванович Годунов, Бельский и Думные Дворяне: Татищев, Черемисинов, Воейков: они сидели далее от Царя; а Дьяки (Щелкалов, Фролов, Стрешнев) стояли у печи. Дав знак рукою, чтобы Баус с толмачом своим, Юрьев, Бельский, Андрей Щелкалов к нему приблизились, Иоанн рассказал всю историю Английского сватовства, все слышанное им от медика Роберта и Писемского; изъявил добрую волю жениться на Марии Гастингс; хотел знать, желает ли Королева сего брака и согласна ли, чтобы невеста приняла нашу Веру? Баус отвечивал, что Христианство везде одно; что Мария едва ли решится переменить Закон; что она слабого здоровья и не хороша лицом; что у Королевы есть другие ближайшие и прелестнейшие свойственницы, хотя он, без ее ведома, и не смеет назвать их; что Царь может свататься за любую... «С чем же ты приехал? — спросил Иоанн: — с отказом? с пустословием? с неумеренными требованиями, на которые мой Посол уже отвечивал в Лондоне Министрам Елисаветиным? с предложением нового, безыменного, следственно невозможного

сватовства?» Назвав его *Послом неученым*, бестолковым, сказав: «не прошу Елисаветы быть судиею между Баторием и мною, а хочу только союза Англии», Иоанн велел Баусу готовиться к отъезду. Тут, жалея о худом успехе своего дела, Посол начал извиняться незнанием Русских обыкновений; убеждал Государя снова объясниться с Елисаветою; уверял, что она радуется мыслию о *кровном союзе* с таким великим Царем, доставит ему изображения десяти или более знатных, прелестных девиц Лондонских, и может, невзирая на свое миролюбие, усердно помогать нам в войнах людьми или деньгами, если Иоанн возвратит Английским купцам *все* их старые, исключительные права в Двинской торговле. Еще надежда быть супругом любезной Англичанки пленяла Иоанна; высоко ценя и дружбу Елисаветы, он решился отправить новое Посольство в Лондон, и хотя лично досадовал на Бауса, однако ж, сведав его жалобу на приставов, велел наказать их, даже без исследования, чтобы сей человек корыстолюбивый, сварливый по свидетельству наших Министерских бумаг, не выехал с злобою из России. Но Баус не успел выехать, ни Государь назначить Посла в Лондон!..

[1584 г.] Приступаем к описанию часа торжественного, великого!.. Мы видели жизнь Иоаннову: увидим конец ее, равно удивительный, желанный для человечества, но страшный для воображения: ибо тиран умер, как жил — губя людей, хотя в современных преданиях и не именуются его последние жертвы. Можно ли верить бессмертию и не ужаснуться *такой* смерти?.. Сей грозный час, давно предсказанный Иоанну и совестью и невинными мучениками, тихо близился к нему, еще не достигшему глубокой старости, еще бодрому в духе, пылкому в вожделениях сердца. Крепкий сложением, Иоанн надеялся на долголетие; но какая телесная крепость может устоять против свирепого волнения страстей, обуревающих мрачную жизнь тирана? Всегдашний трепет гнева и боязни, угрызение совести без раскаяния, гнусные восторги сластолюбия мерзостного, мука стыда, злоба бессильная в неудачах оружия, наконец адская казнь сыноубийства истощили меру сил Иоанновых: он чувствовал иногда болезненную томность, предтечу удара и разрушения, но боролся с нею и не слабел заметно до зимы 1584 года. В сие время явилась Комета с крестообразным небесным знаменем между церковию Иоанна Великого и Благовещения: любопытный Царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: *вот знамение моей смерти!* Тревожимый сею мыслию, он искал, как пишут, Астрологов, мнимых волхвов, в России и в *Лапландии*, собрал

их до шестидесяти, отвел им дом в Москве, ежедневно посылал любимца своего, Бельского, толковать с ними о комете, и скоро занемог опасно: вся внутренность его начала гнить, а тело пухнуть. Уверяют, что Астрологи предсказали ему неминуемую смерть через несколько дней, именно 18 Марта, но что Иоанн велел им молчать, с угрозой сжечь их всех на костре, если будут нескромны. В течение Февраля месяца он еще занимался делами; но 10 Марта велено было остановить Посла Литовского на пути в Москву *ради недуга Государева*. Еще сам Иоанн дал сей приказ; еще надеялся на выздоровление, однако ж созвал Бояр и велел писать завещание; объявил Царевича Феодора наследником престола и Монархом; избрал знаменитых мужей Князя Ивана Петровича Шуйского (славного защитой Пскова), Ивана Федоровича Мстиславского (сына родной племянницы Великого Князя Василия), Никиту Романовича Юрьева (брата первой Царицы, добродетельной Анастасии), Бориса Годунова и Бельского в советники и блюстители Державы, да облегчают юному Феодору (слабому телом и душою) бремя забот государственных; младенцу Димитрию с материю назначил в Удел город Углич и вверил его воспитание одному Бельскому; изъявил благодарность всем Боярам и Воеводам: называл их своими друзьями и сподвижниками в завоевании Царств неверных, в победах одержанных над Ливонскими Рыцарями, над Ханом и Султаном; убеждал Феодора Царствовать *благочестиво, с любовью и милостию*, советовал ему и пяти главным Вельможам удаляться от войны с Христианскими Державами; говорил о несчастных следствиях войны Литовской и Шведской; жалел об истощении России; предписал уменьшить налоги, освободить всех узников, даже пленников, Литовских и Немецких. Казалось, что он, готовясь оставить трон и свет, хотел примириться с совестью, с человечеством, с Богом — отрезвился душою, быв дотоле в упоении зла, и желал спасти юного сына от своих губительных заблуждений; казалось, что луч святой истины в преддверии могилы осветил наконец сие мрачное хладное сердце; что раскаяние и в нем подействовало, когда Ангел смерти невидимо предстал ему с вестью о вечности...

Но в то время, когда безмолвствовал двор в печали (ибо о всяком умирающем Венценосце искренно и лицемерно Двор печалится); когда любовь Христианская умиляла сердце народа; когда, забыв свирепость Иоаннову, граждане столицы молились в храмах о выздоровлении Царя; когда молились о нем самые опальные семейства, вдовы и сироты людей, невинно избиенных... что делал он, касаясь гроба? в минуты облегчения приказывал носить себя на креслах в палату, где лежали его

сокровища дивные; рассматривал камни драгоценные, и 15 Марта показывал их с удовольствием Англичанину Горсею, ученым языком знатока описывая достоинство алмазов и яхонтов!.. Верить ли еще сказанию ужаснейшему? Невестка, супруга Феодорова, пришла к болящему с нежными утешениями и бежала с омерзением от его любовного бесстыдства!.. Каялся ли грешник? думал ли о близком грозном суде Всевышнего?

Уже силы недужного исчезали; мысли омрачались: лежа на одре в беспомощности, Иоанн громко звал к себе убитого сына, видел его в воображении, говорил с ним ласково... 17 Марта ему стало лучше, от действия теплой ванны, так что он велел Послу Литовскому немедленно ехать из Можайска в столицу, и на другой день (если верить Горсею) сказал Бельскому: «Объяви казнь лжецам Астрологам: ныне, по их басням, мне должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрее». *Но день еще не миновал*, ответствовали ему Астрологи. Для больного снова изготовили ванну: он пробыл в ней около трех часов, лег на кровать, встал, спросил шахматную доску и, сидя в халате на постели, сам расставил шашки; хотел играть с Бельским... вдруг упал и закрыл глаза навеки, между тем как врачи терли его крепительными жидкостями, а Митрополит — исполняя, вероятно, давно известную волю Иоаннову — читал молитвы пострижения над издыхающим, названным в Монашестве Ионою... В сии минуты Царствовала глубокая тишина во дворце и в столице: ждали, что будет, не дерзая спрашивать. Иоанн лежал уже мертвый, но еще страшный для предстоящих Царедворцев, которые долго не верили глазам своим и не объявляли его смерти. Когда же решительное слово: «не стало Государя!» раздалось в Кремле, народ завопил громогласно... от того ли, как пишут, что знал слабость Феодорову и боялся худых ее следствий для Государства, или платя Христианский долг жалости усопшему Монарху, хотя и жестокому?.. На третий день совершилось погребение великолепное в храме Св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицах изображалась горечь, и земля тихо приняла в свои недра труп Иоаннов! Безмолвствовал суд человеческий пред Божественным — и для современников опустилась на театр завеса: память и гробы остались для потомства!

Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверх бедствий Удельной системы, сверх ига Моголов, Россия должна была испытать и грозу самодержца-мучителя: устояла с любовью к самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву и землетрясение и тиранов; не преломила железного скиптра в руках Иоанновых и двадцать четыре

года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпением, чтобы в лучшие времена иметь Петра Великого, Екатерину Вторую (История не любит именовать живых). В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как Греки в Термопилах за отечество, за Веру и Верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме Царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, Бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа Слободы Александровской, если бы замыслили измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев — и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!

Несмотря на все умозрительные изъяснения, характер Иоанна, Героя добродетели в юности, неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы в истине самых достоверных о нем известий, если бы летописи других народов не являли нам столь же удивительных примеров; если бы Калигула, *образец Государей* и *чудовище*, — если бы Нерон, питомец мудрого Сенеки, *предмет любви, предмет омерзения*, не царствовали в Риме. Они были язычники; но Людовик XI был Христианин, не уступая Иоанну ни в свирепости, ни в наружном благочестии, коим они хотели загладить свои беззакония: оба набожные от страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно Азиатским и Римским мучителям. Изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка, сии ужасные метеоры, сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас, в пространстве веков, бездну возможного человеческого разврата, да видя содрогаемся! Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его История всегда полезна, для Государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели — и слава времени, когда вооруженный истиною дееписатель может, в правлении Самодержавном, выставить на позор такого Властителя, да не будет уже впредь ему подобных! Могилы бесчувственны; но живые страшатся вечного проклятия в Истории, которая, не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления.

Так Иоанн имел разум превосходный, не чуждый образования и

сведений, соединенный с необыкновенным даром слова, чтобы бесстыдно раболепствовать гнуснейшим похотям. Имея редкую память, знал наизусть Библию, историю Греческую, Римскую, нашего отечества, чтобы нелепо толковать их в пользу тиранства; хвалился твердостью и властью над собою, умея громко смеяться в часы страха и беспокойства внутреннего, хвалился милостию и щедростию, обогащая любимцев достоянием опальных Бояр и граждан; хвалился правосудием, карая вместе, с равным удовольствием, и заслуги и преступления; хвалился *духом Царским, соблюдением державной чести*, велел изрубить присланного из Персии в Москву слона, не хотевшего стать перед ним на колена, и жестоко наказывая бедных Царедворцев, которые смели играть лучше державного в шашки или в карты; хвалился наконец глубокою мудростию государственною по системе, по эпохам, с каким-то хладнокровным размером истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для Царской власти — возводя на их степень роды новые, подлые, и губительною рукою касаясь самых будущих времен: ибо туча доносителей, клеветников, кромешников, им образованных, как туча гладоносных насекомых, исчезнув, оставила злое семя в народе; и если иго Батыево унизило дух Россиян, то без сомнения не возвысило его и царствование Иоанново.

Но отдадим справедливость и тирану: Иоанн в самых крайностях зла является как бы призраком Великого Монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный в государственной деятельности; хотя любив всегда равнять себя в доблести с Александром Македонским, не имел ни тени мужества в душе, но остался завоевателем; в политике внешней неуклонно следовал великим намерениям своего деда; любил правду в судах, сам нередко разбирал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно; казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом (рядил их в великолепную одежду, сажал на колесницу и приказывал живодерам возить из улицы в улицу); не терпел гнусного пьянства (только на Святой Неделе и в Рождество Христово дозволялось народу веселиться в кабаках; пьяных во всякое иное время отсылали в темницу). Не любя смелой укоризны, Иоанн не любил иногда и грубой лести: представим доказательство. Воеводы, Князя Иосиф Щербатый и Юрий Борятинский, выкупленные Царем из Литовского плена, удостоились его милости, даров и чести с ним обедать. Он расспрашивал их о Литве: Щербатый говорил истину; Борятинский лгал бессовестно, уверяя, что Король не имеет ни войска, ни крепостей и трепещет Иоаннова имени. «Бедный Король! — сказал

тихо Царь, кивая головою: — как ты мне жалок!» и вдруг, схватив посох, изломал его в мелкие щепы о Борятинского, приговаривая: «вот тебе, бесстыдному, за грубую ложь!» — Иоанн славился благоразумною терпимостию Вер (за исключением одной Иудейской); хотя, дозволив Лютеранам и Кальвинистам иметь в Москве церковь, лет через пять велел сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствии народа?): однако ж не мешал им собираться для богослужения в домах у Пасторов; любил спорить с учеными Немцами о Законе и сносил противоречия: так (в 1570 году) имел он в Кремлевском дворце торжественное прение с Лютеранским богословом Роцитою, уличая его в ереси: Роцита сидел пред ним на возвышенном месте, устланном богатыми коврами; говорил смело, оправдывал Догматы Аугсбургского исповедания, удостоился знаков Царского благоволения и написал книгу о сей любопытной беседе. Немецкий проповедник Каспар, желая угодить Иоанну, крестился в Москве по обрядам нашей церкви и вместе с ним, к досаде своих единоплеменников, шутил над Лютером; но никто из них не жаловался на притеснение. Они жили спокойно в Москве, в новой Немецкой Слободе, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами. Иоанн изъявлял уважение к Искусствам и Наукам, лаская иноземцев просвещенных: не основал академий, но способствовал народному образованию размножением школ церковных, где и миряне учились грамоте, закону, даже Истории, особенно готовясь быть людьми приказными, к стыду Бояр, которые еще не все умели тогда писать. — Наконец Иоанн знаменит в истории как законодавец и государственный образователь.

Нет сомнения, что истинно великий Иоанн III, издав гражданское Уложение, устроил и разные правительства для лучшего действия Самодержавной власти: кроме древней Боярской Думы, в делах сего времени упоминается о казенном дворе, о приказах; но более ничего не знаем, имея уже ясные, достоверные известия о многих расправах и судебных местах, которые существовали в Москве при Иоанне IV. Главные Приказы, или *Чети*, именовались Посольским, Разрядным, Поместным, Казанским: первый особенно ведал дела внешние или дипломатические, второй воинские, третий земли розданные чиновникам и Детям Боярским за их службу, четвертый дела Царства Казанского, Астраханского, Сибирского и всех городов Волжских; первые три приказа, сверх означенных должностей, также занимались и распрavoю областных городов: смешение странное! Жалобы, тяжбы, следствия поступали в чети из областей, где судили и рядили Наместники с своими Тиунами и Старостами, коим помогали Сотские

и Десятские в уездах; из Чети же, где заседали знаменитейшие государственные сановники, всякое важное дело уголовное, самое гражданское, шло в Боярскую Думу, так что без Царского утверждения никого не казнили, никого не лишали достоинства. Только Наместники Смоленские, Псковские, Новгородские и Казанские, почти ежегодно сменяемые, могли, в случаях чрезвычайных, наказывать преступников. Новые законы, учреждения, налоги объявлялись всегда чрез приказы. Собственность или вотчина Царская, в коей заключались многие города, имела свою расправу. Сверх того именуется еще *Избы* (или Приказы): Стрелецкая, Ямская, Дворцовая, Казенная, Разбойная, Земский двор или Московская Управа, Большой Приход или Государственное Казначейство, Бронный или оружейный приказ, Житный или запасный, и Холопий суд, где решились тяжбы о крепостных людях. Как в сих, так и в областных правительствах или судах главными действующими были Дьяки-грамотеи, употребляемые и в делах посольских, ратных в осадах, для письма и для совета, к зависти и неудовольствию Дворянства воинского. Умея не только читать и писать лучше других, но зная твердо и Законы, предания, обряды, Дьяки или Приказные люди составляли особенный род слуг государственных, степенью ниже Дворян и выше Жильцов или нарочитых Детей Боярских, гостей или купцов именитых; а Дьяки *Думные* уступали в достоинстве только Советникам Государственным: Боярам, Окольничим и новым *Думным Дворянам*, учрежденным Иоанном в 1572 году для введения в Думу сановников отличных умом, хотя и не знатных родом: ибо, несмотря на все злоупотребления власти неограниченной, он уважал иногда древние обычаи: например, не хотел дать Боярства любимцу души своей Малюте Скуратову, опасаясь унижить сей верховный сан таким скорым возвышением человека *худородного*. Умножив число людей Приказных и дав им более важности в государственном устройстве, Иоанн, как искусный Властитель, образовал еще новые степени знаменитости для Дворян и Князей, разделив первых на две *статьи*, на Дворян *Сверстных* и *Младших*, а вторых на Князей простых и *Служилых*, к числу же Царедворцев прибавил *Стольников*, которые, служа за столом Государевым, отправляли и воинские должности, будучи сановитее Дворян младших. — Мы писали о ратных учреждениях сего деятельного Царствования: своим малодушием срамя наши знамена в поле, Иоанн оставил России войско, какого она не имела дотол: лучше устроенное и многочисленнейшее прежнего; истребил Воевод славнейших, но не истребил доблести в воинах, которые всего более

оказывали ее в несчастиях, так что бессмертный враг наш, Баторий, с удивлением рассказывал Поссевину, как они в защите городов не думают о жизни: хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают проломы грудью; день и ночь сражаясь, едят один хлеб; умирают от голода, но не сдаются, *чтобы не изменить Царю-Государю*, как самые жены мужествуют с ними, или гася огонь, или с высоты стен пуская бревна и камни в неприятелей. В поле же сии верные отечеству ратники отличались если не искусством, то хотя чудесным терпением, снося морозы, вьюги и ненастье под легкими наметами и в шалашах сквозящих. — В древнейших разрядах именовались единственно Воеводы: в разрядах сего времени именуется обыкновенно и *Головы*, или частные Предводители, которые вместе с первыми ответствовали Царю за всякое дело.

Иоанн, как мы сказали, дополнил в Судебнике гражданское Уложение своего деда, включив в него новые законы, но не переменяя системы или духа старых. Дед не велит судиям лихоимствовать: внук определяет тяжкую денежную пеню за их лихоимство и *неправосудие умышленное*, оставляя только неумышленное без наказания: криводушных Дьяков сажали в темницу, Подьячих секли кнутом. Обиженные наместником должны были приносить жалобы до его смены; но клеветники наказывались телесно, сверх денежного взыскания за бесчестье. Судейские и казенные пошлины не были умножены, хотя цена монеты несколько унизилась (в 1557 году считалось в рубле 16 шиллингов и 8 пенсов, в 1582 около трех *старых Польских золотых*, в царствование Феодора Иоанновича марка, а в начале XVII века два рейхсталера и 10 денег). Тяжбы решились, как и дотоле, свидетельствами, клятвою, поединком, а между иноземцами и Русскими *жеребьем*: чей вынимался в суде, того объявляли правым. Дьяк записывал дело, а Старосты и Целовальники прикладывали руки к сей бумаге. В случае мира, всегда желаемого законодателем, судимые освобождались от пошлин. Кого винули в воровстве, о том надлежало разведать у соседей, или *сделать обыск*: человека, известно худого, пытали и навсегда заключали в темницу, если он не признавался в вине; человека, объявленного добрым в обыске, судили по закону. Казни были прежние: кнут за первое воровство, смерть за второе; смерть убийце, изменнику, предателю города, церковному и *головному* татю, зажигателю, разбойнику, подметчику, даже злому обманщику и ябеднику. Обговорам татя не верили без свидетельства честных граждан, пятнадцати или двадцати. Люди, или чиновники

Наместников, не могли никого ни взять, ни оковать без ведома Старост и Целовальников. Здесь видим более осторожности, более уважения к человечеству, нежели в законах Иоанна III. — Гражданские уставы Судебника также совершеннее и полнее: например, в нем уже различаются имения наследственное и купленное: в случае продажи или залога оных, родственники могли выкупать первое, в течение сорока лет, если не подписались свидетелями в крепости или в закладной: доказав, что сие имение не стоит денег, означенных в крепости, они вносили за него только истинную цену. Достояние благоприобретенное — не выкупалось. Письма заемные не были действительны без печати Боярской и надписи Дьяка: за что собиралась пошлина. В денежных исках надлежало всегда справляться с государственными книгами, где означались имена, достаток граждан и платимая ими дань в казну: один список сих книг хранился в Московских Приказах, другой у чиновников областных, у Старост и Целовальников. Требование, превосходящее достаток ответчика, — вменялось в вину истцу. — Уважая права господ в отношении к крепостным людям или холопам, законодатель прибавил к древним уставам, что дети закабаленного слуги, рожденные до его холопства, суть вольные люди; что Ключники и Тиуны сельские, без особенной, докладной крепости, не рабы; что отец и мать, вступив в Монашество, лишаются права отдавать детей своих в крепость; что заимодавцы не могут кабалить должников, обязанных единственно платить им рост; а если кого-нибудь возьмут к себе в дом для рабской услуги, и если сей человек уйдет, даже обокрав хозяина, то последнему нет суда, ни удовлетворения; что Дети Боярские и потомство их навеки отчуждаются от рабского состояния. — Утверждая силу отпускных, Царь велел давать их единственно в Москве, в Новгороде и Пскове, за печатаю Бояр или Наместников: без чего они, хотя бы и рукою господ писанные, не имели силы. — В законе о свободном переходе крестьян из села в село сказано, что они, сверх пожилого за двор, платят еще владельцу за *повоз* два алтына с двора, и если оставили хлеб в земле, то, сняв его, дают господину два же алтына; что им всегда дозволяется продавать себя в крепость владельцам. Согласно с древним обыкновением Царь утвердил суд Святительский: оставил Епископам право судить Иереев, Дяконов, Монахов и старых вдов, которые питаются от церкви Божией; позволил нищим, а людям торговым запретил жить в монастырях. Устав о купле дополнен следующими статьями: «1) Нельзя ничего купить на торгу или *с лавки* без поруки; 2) всякая купленная лошадь должна быть в тот же день заклемена у

Царских пятнальщиков и вписана в их книгу, с платежом двух денег в казну, для избежания споров; преступник сего устава наказывается пенею не менее двух рублей». — Упомянем еще о новом законе касательно бесчестья: оно платилось Детям Боярским соразмерно с их доходом или жалованьем, а Дьякам Дворцовым по Государеву назначению; гостю или знатному купцу 50 рублей; людям торговым, посадским, *средним* и Боярским добрым слугам 5 рублей, а черным людям и крестьянам рубль; женам же всегда вдвое против мужей, в знак особенного уважения к чести слабого пола.

Сказав в конце Судебника, что законы его не касаются дел старых и не отменяют решений прежних, хотя еще и не исполненных; что новые случаи могут встретиться в судах и произвести новые уставы, которые должны быть приписаны к сему гражданскому Уложению, Иоанн от 1550 до 1580 года издал многие дополнительные указы, важные по тогдашним обстоятельствам Государства: отменив (в 1556 году) судные платежи, вместо их определив жалованье Наместникам, положив общую дань на города и волости, велев разбирать уголовные дела судьям, избранным гражданами и сельскими жителями, Головам, Старостам, Сотским, он запретил судебные поединки во всех случаях, где можно было решить дело свидетельствами или крестным целованием, то есть уничтожил навеки сие древнее обыкновение времен Рыцарства и невежества; уставил наказывать лжесвидетелей кнутом и тяжкою денежною пенею; прибавил следующие статьи к законам: 1) «Если в обыске люди говорят разно, одни за истца, другие за ответчика, то верить большинству голосов, пятидесяти или шестидесяти; если число голосов на обеих сторонах равное, то сделать новый обыск: призвать людей из иных ближних селений, дабы узнать истину. Свидетельство пяти или шести человек, мало известных, недостаточно для обвинения; но слово Боярина, Дьяка и приказного всегда уважается как достоверное. Если истец и ответчик шлются на одного человека, то он решит тяжбу. За ложное свидетельство Боярских и Дворянских людей подвергается их господин Царскому гневу; но если сам господин объявит Царю о лжи их, то невинен. Главное дело Старост есть предупреждать обманы и *заговоры* в мирских показаниях; в случае небрежения, криводушия, пристрастия сих избранных чиновников — им казнь без милосердия. — 2) Если господин будет искать снос на вольном человеке, который, служив ему без крепости, оставил его или даже тайно ушел из дому: то не давать суда господину, ибо он может с досады всклепать на слугу невинного, коего держал без кабалы, негласно для закона и

неосторожно. — 3) Холоп освобожденный уже не должен служить старому господину, или его отпуская уничтожается. — 4) Если господин присвоивает себе кого в рабы, а сей человек доказывает свою вольность, и будучи отдан на поруку, уйдет: то ручатель платит истцу за беглого четыре рубли, кроме всякого иного иска. — 5) Кто сочинит подложную крепость на вольного человека, тому смертная казнь. — 6) Пленник может быть рабом, но смертью господина освобождается; а дети его всегда свободны, если он не женится на рабе или не даст на себя крепости. Крещеные иноземцы могут идти в кабалу, но только с ведома Казначая Государева, и если они не в Царской службе. — 7) Для взыскания ста рублей долгу назначается месяц сроку, а с человека служивого два месяца: после чего должник неисправный выдается головою истцу до выкупа, но не в вечное рабство». Сие взыскание долгов, называемое *правежом*, делалось таким образом: Пристав выводил должника разутого на улицу к дверям *судной избы* и сек его в часы заседания по голой ноге прутом, иногда для вида, иногда больно, до самого того времени, как судьи уезжали домой: обыкновение Азиатское, отмененное Петром Великим. — 8) «С людей служивых взыскивать *старые* долги в течение пяти лет (от 1558 до 1563) без лихвы, а *новые* с половинными ростами или 10 на 100: ибо Государь отменяет навсегда старую тягостную лихву (20 на 100). — 9) Взыскание по рядным грамотам должно быть для всех непременно и точное, но без ростов. — 10) Кто не выкупит ручного заклада, того надобно известить, что срок минул, и назначить новый для платежа, неделю или две; ежели и после не выкупит, то нести заклад к Старосте и к Целовальникам, продать честно, не без надежных свидетелей и взять долг с ростами, а лишнее отдать должнику; если же вырученных денег мало для уплаты займа, то остальное взыскать с должника. — 11) Истец-заимодавец не имеет нужды в письменном обязательстве, если ответчик в суде признает себя должником. — 12) Многие заложили свои вотчины с тем, чтобы вместо ростов заимодавцы пахали и сеяли там хлеб: для облегчения должников повелевается возвратить им все такие земли с обязательством не продавать никому и в течение пяти лет удовлетворить заимодавцев, коим, в случае неисправного платежа, снова отдается вотчина». В сем указе говорится о книгах *вотчинных, крепостных и закладных*, которые находились у Дьяков. — 13) «Если жена, умирая, назначит в духовной душеприкащиком мужа своего, то сей духовной не верить: ибо жена в воле мужа: что он велит писать ей, то она и пишет. — 14) Налагать эпитимию на Христиан, которые быв в плену или в неволе, дали клятву не бежать, и бежали: ибо

клятвопреступление есть грех смертный, и лучше умереть, нежели нарушить обет священный. — 15) Иногородные, истец с ответчиком, судятся в Москве у Царских Казначеев, буде они из разных городов; а если из одного, то отсылаются к их Наместнику в делах земских, но не в уголовных, судимых на месте преступления. 16) В столице нет ни смертной, ни торговой казни в день большой Панихиды, когда Митрополит обедает у Государя». — Запретив Духовенству покупать недвижимое имение без Царского ведома, Иоанн предписал в сих дополнениях Судебника отнять у Епископов и монастырей все казенные земли, села, рыбные ловли, коими они несправедливо завладели в смутные времена Боярской власти. «Иноки (писал он к Святителю Казанскому Гурию) должны орать не землю, а сердца — сеять не хлеб, а словеса Божественные — наследовать не села, а Царство Небесное... Многие Епископы наши думают о брennom стяжании более, нежели о Церкви». Мысля таким образом, Иоанн смелее деда своего обогащал казну достоянием безмолвного Духовенства.

С сего времени *Новый Судебник* был общемою книгою законов для России до Царствования Алексея Михайловича. Сверх того Иоанн давал областным начальствам *грамоты уставные и губные* : первые определяли доходы, права, обязанности наместников и других Царских сановников, заключая в себе и важнейшие уголовные статьи Судебника, вместе с некоторыми частными, особенными постановлениями. В одной из них, данной Колмогорским жителям в 1557 году, сказано, что Царь освобождает их от суда наместников с условием, чтобы они вносили в казну ежегодно по двадцати рублей *с сохи* , то есть, с шестидесяти четырех дворов; что головы Двинские для истребления воровства, разбоев, пьянства, ябеды, должны выбрать Сотских, Пятидесятников, Десятских, которые ответственны за безопасность и благоустройство в их ведомствах; что ежели головы или народные судьи дерзнут употребить во зло доверенность сограждан, теснить людей, лихоимствовать, то будут казнены смертию; что всякие дела, обыскные и судные, записываются у них земскими Дьяками; что Двиняне вольны сменять судей, и в таком случае обязаны присылать новых в Москву, да целуют крест пред Дьяком Государевым в соблюдении правды. В другой уставной, также Двинской грамоте означена мера дворов, изб, ледников и всего, что жители должны были выстроить для Наместников и Тиунов. — Слово *губа* знаменовало в древнем Немецком праве *усадьбу* , а в нашем *волость* или *ведомство*: *губные грамоты* давались областным судьям и содержали в себе

единственно уголовные законы; в них предписывалось Старостам, Губным Целовальникам и Дьякам начинать исправление своей должности обыском или съездом с знатнейшими жителями их волости: с Князьями, Детьми Боярскими, Архимандритами, Игуменами, Иереями, и с поверенными каждой *выти*, или участка, обязанными под крестным целованием заявить всех известных им воров и *лихих людей*. Сии показания вносились в книгу; обвиняемых предавали суду, пытали: достояние их описывали для удовлетворения истцев; кто винился, того казнили по Судебнику; кто запирался, не мог быть уличен верными свидетельствами и представлял за себя надежных ручателей, того освобождали; не уличенных совершенно, но сильно подозреваемых сажали навсегда в темницу; кто решительно одобрял человека судимого уголовным судом, тот имением и жизнью отвечал за его будущие преступления. Стараясь обуздать злодеев для спокойствия честных граждан, Иоанн лучше хотел быть жестоким, нежели слабым, в противность новейшей мысли Российского уголовного законодательства, что лучше десять виновных оставить без наказания, нежели казнить одного безвинного.

От учреждений гражданских перейдем к церковным, равно достопамятным. Мы упоминали о Московском Соборе 1551 года: означим здесь важнейшие или любопытнейшие его уставы. Следуя наказу Иоаннову, Святители определили: «1) В Москве и во всем Государстве быть Епархиальным Старостам и Десятским, избираемым из лучших Иереев для надзирания над церковною службою, да исполняются в точности все святые обряды ее, и над поведением Духовенства, обязанного учить людей и словом и делом. — 2) Строго блюсти, чтобы в книгах церковных не было ошибок, и чтобы иконы списывались с древних Греческих, или как писал их Андрей Рублев и другие знаменитые художники: сим святым делом занимаются единственно люди признанные от Государя и Епископов достойными оною, не только искусством, но и жизнью непорочною: наградою же им да будет всеобщее уважение!» Следуют предписания о звоне, пении церковном, Литургии, утренней и вечерней службе, где сказано: «3) Да никто из Князей, Вельмож и всех добрых Христиан не входит в церковь с главою покровенною, в тафьях Мусульманских! Да не вносят в олтарь ни пива, ни меду, ни хлеба, кроме просфор! Да уничтожится навеки нелепый обычай возлагать на престол так называемые *сорочки*, в коих рождаются младенцы! — 4) Злоупотребления и соблазны губят нравы Духовенства. Что видим в монастырях? Люди ищут в них не спасения души, а телесного покоя и наслаждений. Архимандриты, Игумены не

знают братской трапезы, угощая светских друзей в своих келиях; Иноки держат у себя отроков и юношей, принимают без стыда и жен и девиц, веселятся и разоряют села монастырские. Отныне да будет в обителях едина трапеза для всех: Инокам выслать юных слуг; не впускать женщин; не держать вина (кроме Фряжского), ни крепких медов; не ездить для забавы по селам и городам. Преступник да будет извержен или отлучен от всякия Святыни. Сей закон умеренности, воздержания, целомудрия, дан всему Духовенству: Иереям, Дяконам, Причетникам. — 5) Обители, богатые землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни от Государя: впредь да не стужают ему! — 6) Святители и монастыри вольны ссужать земледельцев и граждан деньгами, но без всякой лихвы. — 7) Милосердие Христианское устроило во многих местах богадельни для недужных и престарелых, а злоупотребление ввело в оные молодых и здоровых тунеядцев: да будут последние изгнаны, а на их места введены первые, согласно с намерением благодетелей, и везде да смотрят за богадельнями добрые Священники, люди градские и Целовальники. — 8) Многие Иноки, Черницы, миряне, хваляся какими-то сверхъестественными сновидениями и пророчеством, скитаются из места в место с святыми иконами и требуют денег для сооружения церквей, непристойно, безчинно, к удивлению иноземцев: ныне объявить на торгах заповедь Государеву, чтобы впредь не быть такому соблазну. Если не уймутся бродяги, то их выгонять, а иконы отдавать в церкви. — 9) Храмы древние пустеют, новые везде воздвигаются не усердием к Вере, а тщеславию и скоро также пустеют от недостатка в Иереях, в иконах, в книгах. Видим еще иное зло: празднoлюбцы уходят из монастырей, заводят пустыни в лесах и стужают Христианам о денежном вспоможении. Государь указал епископам не позволять ни того, ни другого без особенного, строгого рассмотрения. — 10) Прихожане избирают Священников и Дяконов: первые должны быть не менее тридцати, а вторые двадцати пяти лет от рождения, жития нравственного, и грамотные: кто из них читает или пишет худо, того отсылать в училища, ныне во всех городах заводимые. Ставленник дает Митрополиту и Епископам только указное: Священник рубль Московский и *благословенную* гривну; Дякон полтину. Следуя уставу Великих Князей, Иоанна Васильевича и сына его, новобрачные платят за венец алтын, за второй брак вдвое, за третий четыре алтына; но крещение, исповедь, причастие, погребение не терпят никакой мзды. Никто из церковников не должен носить одежды странной: всякой имеет свою, и воин и тысящник, и купец и ремесленник: служителю ли

церкви украшаться золотом и бисером, плетением и шитьем, подобно жене? В Игумены, в Архимандриты избирают Святители, а Царь утверждает выбор. Снова запрещается вдовым Иереям и Дяконам священнодействовать, Монахам и Монахиням жить в единой обители, или в мире. — 11) Митрополиту и Епископам без Государева ведома не переменять ни Бояр своих, ни Дворецких; а на место убылых брать из тех же родов старинных. — 12) Духовенство обязано искоренять языческие и всякие гнусные обыкновения. Например: когда истец с ответчиком готовятся в суде к бою, тогда являются волхвы, смотрят на звезды, гадают в какие-то *Аристотелевы врата* и в *Рафли*, предсказывают победу счастливому, умножают зло кровопролития. Легковерные держат у себя книги Аристотелевские, звездочетные, зодиаки, алманахи, исполненные еретической мудрости. Накануне Иоаннова дня люди сходятся ночью, пьют, играют, пляшут целые сутки; так же безумствуют и накануне Рождества Христова, Василия Великого и Богоявления. В Субботу Троицкую плачут, вопят и глумят на кладбищах, прыгают, бьют в ладоши, поют Сатанинские песни. В утро Великого Четверга палят солому и кличут мертвых; а Священники в сей день кладут соль у престола и лечат ею недужных. Лживые пророки бегают из села в село нагие, босые, с распущенными волосами; трясутся, падают на землю, баснословят о явлениях Св. Анастасии и Св. Пятницы. Ватаги скоморохов, человек до ста, скитаются по деревням, объедают, опивают земледельцев, даже грабят путешественников на дорогах. Дети Боярские толпятся в корчмах, играют зернью, разоряются. Мужчины и женщины моются в одних банях, куда самые Иноки, самые Инокени ходить не стыдятся. На торгах продают зайцев, уток, тетеревей удушенных; едят кровь или колбасы, вопреки уставу Соборов Вселенских; следуя Латинскому обычаю, бреют бороду, подстригают усы, носят одежду иноземную, клянутся во лжи именем Божиим и сквернословят; наконец — что всего мерзостнее, и за что Бог казнит Христиан войнами, голодом, язвою — впадают в грех Содомский. Отцы духовные! пресекайте зло; наставляйте, грозите, казните эпитимиею: ослушники да не входят в церковь! Учите Христиан страху Божию и целомудрию, да живут мирно в соседстве, без ябеды, кражи, разбоев, лжесвидетельства и клятвопреступления; да будет везде благонравие в нашем любезном отечестве, и дети да чтут родителей!»

Сие церковное законодательство принадлежит Царю более, нежели Духовенству: он мыслил и советовал; оно только следовало его указаниям. Слог достоин удивления своею чистотою и ясностию.

Заметим странность: желая истребить обыкновения древние, противные Святой Вере, Иоанн и Духовенство не коснулись в Стоглаве обычая давать людям имена нехристианские по их свойствам нравственным: не только простолюдины, но и знатные сановники, уже считая за грех называться Олегами или Рюриками, назывались в самых государственных бумагах *Дружинами, Тишинами, Истомами, Неудачами, Хозяинами*, единственно с прибавлением Христианского отчества. Сей обычай казался Царю невинным.

В Феврале 1581 года, по кончине Митрополита Антония, избрав на его место Дионисия, Хутынского Игумена, Иоанн с Епископами и Боярами уставил обряд посвящения в сей верховный сан, не прибавив, кажется, ничего к старому, но только утвердив оный следующею Соборною грамотою: «Кому благоволит Господь быть Митрополитом, Епископу ли, Игумену или Старцу, того немедленно известить о сей чести. В день *наречения* и *возведения* звонят и поют молебны. Святители, отпев Канон Богоматери и Петру Чудотворцу, шлют двух Архимандритов, Рождественского и Троицкого, за *нареченным*, который вместе с ними идет к Государю. Царь сажает будущего Митрополита и говорит ему речь о молитве. После того *нареченный* знаменуется в храме Успения, у святых икон и гробов, идет вместе с Епископами на двор Митрополитов, в Белую палату, и там, сев на свое место, ждет, встречает Царя, беседует с ним; слушает Литургию в Соборной церкви, стоя у Митрополитского места; обедает в Белой палате со всеми святителями; оттоле же, до поставления, никого не принимает, обедая в келии с немногими ближними Иноками. Дни чрез два совершается *избрание*, объявляемое ему *благовестниками*, Архимандритами Спасским и Чудовским. Уготовляют место в церкви и пишут орла над оным. В день назначенный, во время звона, Святители облачаются, а с ними и будущий Митрополит, если он Епископ; если же не Епископ, то облачается в приделе. Окруженный Боярами, Государь вступает в храм, знаменуется у святых икон, восходит на уготованное место и садится: Владыки также. *Избранный*, между осьмью стоящими *огненниками*, под орлом, читает Исповедание Веры. Начинают Обедню. Лампаде и посоху быть Архиепископа Новгородского или Казанского. Когда в третий раз запоют: *Свят, Свят*, тогда Владыки ставят Митрополита по древнему обычаю. Он совершает Литургию, и Архиепископ именуется его в молитве после *Изрядна*. Свещеносец, держа в руке свечу и лампаду, кланяется Митрополиту и занимает пред ним свое место в олтаре; когда же возгласят: *со страхом Божиим*, тогда уносят Архиепископову лампаду с посохом, а Митрополитовы

Поддиаконы становятся у Царских дверей с лампадою и посохом нового Архипастыря. Отпев Литургию, Епископы возводят его на место, где сидел Государь; сажают трижды, произнося *Исполлаэти Деспота* ; снимают с него одежду служебную, возлагают ему на грудь икону *вратную* , мантию с источниками на плеча, клобук белый или черный (как Государь укажет) на голову, и ведут на каменное Святительское место. Царь приближается, говорит речь и дает Святителю посох в десницу. Тут знатное Духовенство, Бояре, Князья многолетствуют Митрополиту. Он благословляет Царя и говорит речь. Духовенство и Бояре многолетствуют Царю. На крылосах поют также *многая лета* . Выходят из церкви. У Государя стол для всего знатного Духовенства, для Вельмож и сановников. Митрополит ездит вокруг Москвы на осле, коего ведут Боярин Царский и Святительский. После стола — чаши: Петра Чудотворца, Государева и Митрополитова».

Упомянем здесь также о церковном любопытном обряде сего времени, уже давно забытом в России. В неделю Ваий, пред Обеднею собирався весь народ Московский в Кремле. Из храма Успения выносили большое дерево, обвешенное разными плодами (яблоками, изюмом, смоквами, финиками); укрепляли его на двух санях и везли тихо. Под деревом стояли пять отроков в белой одежде и пели молитвы. За санями шли многие юноши с пылающими восковыми свечами и с огромным фонарем; за ними несли две высокие хоругви, шесть кадильниц и шесть икон; за иконами следовали иереи, числом более ста, в великолепных ризах, осыпанных жемчугом; за ними Бояре и сановники; наконец сам Государь и Митрополит: последний ехал верхом, сидя боком на осле (или на коне) одетом белою тканью: левою рукою придерживал (Митрополит) на своих коленях Евангелие, окованное золотом, а правою благословлял народ. Осла вел Боярин: Государь, одною рукою касаясь длинного повода узды, нес в другой вербу. Путь Митрополиту устилали сукнами. Далее шли еще Бояре и сановники; за ними бесчисленное множество людей. Обойдя таким образом вокруг главных церквей Кремлевских, возвращались в храм Успения, где Митрополит служил Литургию: после чего давал обед Царю и Вельможам. — Сей церковный ход, в память Сретения Христова в Иерусалиме, был уставлен, как вероятно, в древнейшие времена, но сделался нам известен только с Иоаннова, по описанию иноземных наблюдателей.

К достохвальным деяниям сего Царствования принадлежит еще строение многих новых городов для безопасности наших пределов. Кроме Лаишева, Чебоксар, Козмодемьянска, Волхова, Орла и других

крепостей, о коих мы упоминали. Иоанн основал Донков, Епифань, Венев, Чернь, Кокшажск, Тетюши, Алатырь, Арзамас. Но воздвигая красивые твердыни в лесах и в степях, он с прискорбием видел до конца жизни своей развалины и пустыри в Москве, сожженной Ханом в 1571 году, так что в ней, если верить Поссевинову исчислению, около 1581 года считалось не более тридцати тысяч жителей, в шесть раз менее прежнего, как говорит другой иноземный Писатель, слышав то от Московских старожилков в начале XVII века. Стены новых крепостей были деревянные, насыпанные внутри землею с песком, или крепко сплетенные из хвороста; а каменные единственно в столице, Александровской Слободе, Туле, Коломне, Зарайске, Старице, Ярославле, Нижнем, Белозерске, Порхове, Новгороде, Пскове.

Размножение городов благоприятствовало и чрезвычайным успехам торговли, более и более умножавшей доходы Царские (которые в 1588 году простирались до шести миллионов нынешних рублей серебряных). Не только на ввоз чужеземных изделий или на выпуск наших произведений, но даже и на съестное, привозимое в города, была значительная пошлина, иногда откупаемая жителями. В Новгородском Таможенном уставе 1571 года сказано, что со всех товаров, ввозимых иноземными гостями и ценимых людьми присяжными, казна берет семь денег на рубль: купцы же Российские платили 4, а Новгородские 1 деньги: с мяса, скота, рыбы, икры, меду, соли (Немецкой и *морянки*), луку, орехов, яблок, кроме особенного сбора с телег, судов, саней. За ввозимые металлы драгоценные платили, как и за все иное; а вывоз их считался преступлением. Достоин замечания, что и Государевы товары не освобождались от пошлины. Утайка наказывалась тяжкою пенею. В сие время древняя столица Рюрикова, хотя и среди развалин, начинала было снова оживляться торговою деятельностью, пользуясь близостию Нарвы, где мы с целою Европою купечествовали; но скоро погрузилась в мертвую тишину, когда Россия в бедствиях Литовской и Шведской войны утратила сию важную пристань. Тем более цвела наша Двинская торговля, в коей Англичане должны были делиться выгодами с купцами Нидерландскими, Немецкими, французскими, привозя к нам сахар, вина, соль, ягоды, олово, сукна, кружева и выменивая на них меха, пеньку, лен, канаты, шерсть, воск, мед, сало, кожи, железо, лес. Французским купцам, привезшим к Иоанну дружественное письмо Генрика III, дозволялось торговать в Коле, а Испанским или Нидерландским в Пудожерском устье: знаменитейший из сих гостей назывался Иваном Девахом Белобородом, доставлял Царю драгоценные каменья и пользовался особенным его

благоволением, к неудовольствию Англичан. В разговоре с Елисаветиным Послом, Баусом, Иоанн жаловался, что Лондонские купцы не вывозят к нам ничего хорошего; снял с руки перстень, указал на изумруд *колпака* своего и хвалился, что Девах уступил ему первый за 60 рублей, а второй за тысячу: чему дивился Баус, оценив перстень в 300 рублей, а изумруд в 40000. В Швецию и в Данию отпускали мы знатное количество хлеба. «Сия благословенная земля (пишет Кобенцель о России) изобилует всем необходимым для жизни человеческой, не имея действительной нужды ни в каких иноземных произведениях». — Завоевание Казани и Астрахани усилило нашу мену Азиатскую.

Обогадив казну торговыми, городскими и земскими налогами, также и присвоением церковного имения, чтобы умножить войско, завести арсеналы (где находилось всегда в готовности не менее двух тысяч осадных и полевых орудий), строить крепости, палаты, храмы, Иоанн любил употреблять избыток доходов и на роскошь: мы говорили об удивлении иноземцев, видевших в казне Московской груды жемчугу, горы золота и серебра во дворце, блестящие собрания, обеды, за коими в течение пяти, шести часов *пресыщалось* 600 или 700 гостей, не только изобильными, но и дорогими яствами, плодами и винами жарких, отдаленных климатов: однажды, сверх людей именитых, в Кремлевских палатах обедало у Царя 2000 Ногайских союзников, шедших на войну Ливонскую. В торжественных выходах и выездах Государевых все также представляло образ Азиатского великолепия: дружины телохранителей, облитых золотом — богатство их оружия, убранство коней. Так Иоанн 12 Декабря обыкновенно выезжал верхом за город видеть действие снаряда огнестрельного: пред ним несколько сот Князей, Воевод, сановников, по три в ряд; пред сановниками 5000 отборных стрельцов по пяти в ряд. Среди обширной, снежной равнины, на высоком помосте, длиною саженой в 200 или более, стояли пушки и воины, стреляли в цель, разбивали укрепления, деревянные, осыпанные землею, и ледяные. В торжествах церковных, как мы видели, Иоанн также являлся народу с пышностью разительною, умея видом искусственного смирения придавать себе величия, и с блеском мирским соединяя наружность Христианских добродетелей: угощая Вельмож и Послов в светлые праздники, сыпал богатую милостыню на бедных.

В заключение скажем, что добрая слава Иоаннова пережила его худую славу *в народной памяти* : стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех Царств Могольских:

доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы Царя-Завоевателя; чтит в нем знаменитого виновника нашей государственной силы, нашего гражданского образования; отвергнул или забыл название *Мучителя* , данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только *Грозным* , не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа!
